

НЕКРОМАНТИЯ В БЫТУ

Нельзя просто так взять –
и похоронить свои тайны

Татьяна Вешкина

НЕКРОМАНТИЯ В БЫТУ

Нельзя просто так взять —
и похоронить свои тайны

Татьяна Вешкина

Annotation

В обычные дни – он продавец удобрений и мастер садово-огородного дела, а во все остальные – некромант с вековым стажем работы. Гиляд Вайс ведет свою непрекращающуюся борьбу со злом и ностальгией по Петербургу в маленьком городе, где происходит слишком много странного и неведомого. Вместе с прибытием стажера-волшебницы по имени Адель градус мрачности и ужасности начинает зашкаливать, а в мир врывается некая темная, неизведанная сила...

- [Татьяна Вешкина](#)
 -
 - [Гиляд. Корень зла](#)
 - [Гиляд. Нежданное предложение](#)
 - [Адель. Что-то не так с городом](#)
 - [Гиляд. Птицы перемен](#)
 - [Адель. Незваные гости](#)
 - [Гиляд. Вечер открытий](#)
 - [Максимилиан. Большой-большой секрет](#)
 - [Гиляд. Хороший специалист](#)
 - [Адель. Как я умерла](#)
 - [Адель. Дети подземелья](#)
 - [Адель. Чайник, завари!](#)
 - [Гиляд. Сердцебиение города](#)
 - [Гиляд. По ту сторону.](#)
 - [Адель. Художественная грызка по дереву.](#)
 - [Гиляд. Все не то, чем кажется](#)
 - [Адель. Теория заговора](#)
 - [Иван](#)
 - [Амир](#)
 - [Баба Нюра. Большой брат следит за тобой](#)
 - [Дина. Плата за молчание](#)
 - [Натан Соломонович. О мертвых либо хорошо, либо ничего](#)
 - [Риелторы. Трое в лодке, не считая артефактора](#)
 - [Иван. Покой нам только снится](#)

- [Максимилиан. Побег из Москвы](#)
 - [Гилиад. Финал](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Татьяна Вешкина
Некромантия в быту. Предания
старины

© Вешкина Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Гилиад. Корень зла

Правда всегда вылезает наружу. Иногда она в самый неподходящий момент приобретает вид гигантского инфернального слизня, благодаря которому я теряю очередную ассистентку. Впрочем, если бы я был человеком, то тоже уволился бы из подобной конторы. Что самое обидное – накануне вечером мне почти удалось убедить Марию, что моль в шкафу для верхней одежды завелась самая обычная, и вообще, из-за этих добавок и ГМО кто только не вырастет крупным и кусающимся. Я даже сумел заставить сотрудницу поверить в то, что маленькая собачка покупателя уже пришла к нам в офис с плешью на спине. И все шло хорошо, пока в соседнем измерении не начался сезон сбора урожая, который привел к оживлению яблочных плодоярков и плотоядно-тыквенных слизней. Несмотря на свой безобидный нрав, улитки, заполонившие двор, выглядели в крайней степени хищно. Особенно когда одна из них случайно перепутала рыжий парик визжащей Марии со свежим оранжевым овощем.

За время своей службы некромантом я чего только не повидал, но в первый раз наблюдал, как моя уже бывшая ассистентка пытается вытянуть изо рта слизня почти пережеванные волосы и колотит его туфлей со сломанным каблуком, прежде чем броситься наутек. В такие моменты я всегда мысленно возвращался к осознанию того, как я

докатился до усмирения разбушевавшихся животных в маленьком городе и потерял свою уважаемую должность в Санкт-Петербурге. Хотелось лечиться знакомыми поворотами дорожек в парке «30-летия Октября», закатом над Александро-Невской лаврой... Я мечтал приложить к душе подорожник с набережной Невы в теплый летний день, но был вынужден возвращаться в родные края лишь по ночам во снах. По старинной русской традиции в места на отшибе Вселенной отправлялись либо самые бесталанные, либо особенно провинившиеся специалисты. Люди второй категории хотя бы имели возможность исправиться и снова войти в милость Совета волшебников. На своеобразное помилование надеялся и я. А пока мне оставалось лишь принять реальность и обустроиться на новом месте с комфортом.

По какой-то причине самые популярные и распространенные в стране названия улиц ограждали ее жителей от нечисти со злыми намерениями. Как будто кто-то давным-давно вычислил магические сочетания букв и вплел их в целые слова, а потом попытался обезопасить каждый город в стране. Для своего офиса я выбрал улицу Садовую, потому что с темными силами мне хотелось встречаться как можно реже. В виде бонуса крыльцо конторы, выходящее на зеленый бульвар, обходили стороной бомжи, голосащие озорные гуляки, а также налоговая. Я не раз видел, как люди, собирающиеся явиться с жалобой на мой бизнес, вдруг разворачивались у самых дверей, словно вспоминая, что позабыли выключить дома уют. Скромная конторка «ЭкоДом» собирала данные об экологической ситуации в разных районах, проверяла качество воды и состояние почвы, а также рекомендовала места под частную застройку и рытье колодцев. Самым частым поводом для обращения в мою фирму по праву являлась покупка удобрений. Однако мало кто знал, что «ЭкоДом» был основан как прикрытое совершенно другой, нелегальной деятельности. Обычно после этих фраз люди представляют себе подпольные казино и мафию, но для меня весь этот мир был чужд и непонятен. Моя реальность была куда как мрачнее, но вместе с тем и интереснее.

Из задумчивости меня выдернула гигантская улитка – она понимающе тыкалась носом в мою руку – возможно, из сочувствия, а возможно, надеясь найти в карманах кусок тыквы. Я покачал головой и отправился возвращать кротких созданий обратно в их мир, а потом вызвал команду зачистки памяти.

Перед глазами мелькали цветные колонки данных, и я поймал себя на мысли, что уже пятый раз пытаюсь расшифровать один и тот же график. Несмотря на процедуру редактирования памяти, Мария не сомневалась в том, что уволилась еще утром, и определенно точно винила меня в чем-то, чего сама не могла вспомнить. Это означало, что с человеческой частью работы мне сегодня никто не поможет. Я сидел в своем офисе и разбирался в результатах экспертизы, которую недавно провел мой подрядчик. На столе снова завелся бардак, и вместо того чтобы выяснить химический состав почвы и грунтовых вод, я принялся раскладывать ворох бумаг в аккуратные стопки и сортировать документы по пустым папкам. Иногда мне казалось, что ребята из соседней конторы, продающие горящие путевки, втайне подкладывают мне свои документы. Ну не могло у одной фирмы за месяц скапливаться столько отчетов и файлов!

Неравную битву с вечно подкрадывающимся беспорядком прервала вибрация смартфона. Я словно перезагрузился и ощутил приятное покалывание в пальцах. Окончательно уставший и замученный, я оживлялся, только когда изнаночный мир приходил в движение и выплевывал из пододеяльника ирреальности очередных чудовищ. На экране телефона всплыла новость: «Местный владелец таунхауса нашел у себя на участке новый вид сорняка». В моем деле редко случаются совпадения и куда как реже происходят научные открытия. Кроме того, виртуальная программа распознавания магических происшествий редко ошибалась и почти всегда отбраковывала пустяковые заголовки из прессы. Среди некромантов сервис для смартфонов даже получил звучное прозвище: «Запахло жареным».

Я набросил на плечо куртку и закрыл дверь, не забыв повесить на ее ручку табличку с номером своего телефона. В новостной сводке была фотография мужчины напротив серого двухэтажного дома с алой черепичной крышей. Такие дома серийной постройки в городе были только в одном районе и не затрудняли идентификацию. Кадр услужливо ловил крупный номер дома, не оставляя никакого пространства для фантазии или игры в детектива. В руке садовод-любитель сжимал стебель с корешком с таким гордым и довольным видом, как будто этот сорняк он только что отпочковал от себя. И хотя по снимку мне было трудно определить, земное или иномирное

происхождение у ростка, я решил нанести визит. На экране смартфона высветился самый короткий маршрут. Я все никак не мог привыкнуть, что на машине из центра, где находился мой дом и арендованный офис, за десять-пятнадцать минут можно было доехать до любого края города. Ну не должны были вот так быстро и преступно дома заканчиваться лесом и рекой!.. Этот градостроительный план заставлял думать о том, что я попался в ловушку или в декорацию для съемок фильма.

Я вышел из джипа, легко найдя парковочное место. Джипы покупают в трех случаях – когда хотят надежную машину, когда нужно покрасоваться и на случай непредвиденных встреч с inferнальными созданиями... Впрочем, последний пункт можно трактовать весьма широко, ведь у каждого владельца джипа свое понимание inferнального. Для кого-то и другие люди, особенно в дорогих костюмах, чересчур зловещи и хтоничны. Я взял с переднего сиденья небольшой чемоданчик с реактивами и направился в сторону нужного мне строения.

Как я и ожидал, таунхаус стоял в длинном ряду почти неотличимых друг от друга коттеджей с приусадебной территорией за высокими воротами. Я нажал на кнопку звонка на воротах и принялся ждать. Дом вызывал ощущение, что архитектор и не проектировал его вовсе, а просто взял готовую модель из какой-нибудь компьютерной игры и нажал много раз подряд кнопку «копировать-вставить». Словно извиняясь за поведение инженера, хозяева шаблонных таунхаусов пытались исправить ситуацию своими силами. Каждый старался создать неповторимую лужайку, а также соревновался с другими людьми экстравагантностью прудов, мостиков и пристроек. Мне уже стало казаться, что я сегодня не увижу владельцев, когда наконец подошел тот самый мужчина с фотографии из газетной статьи. У него были легкие залысины и роскошный плотный халат в пол, напоминающий почему-то мантию волшебника.

– Вы – новый садовник?

Я с ухмылкой замотал головой и кивнул в сторону припаркованного автомобиля:

– Я владелец компании «ЭкоДом».

В ситуациях, подобных этой, я всегда быстро и на ходу придумывал легенду, подстраиваясь под характер и ожидания своего

собеседника. Обычно импровизация получалась куда как достовернее, чем тщательно и заранее проработанная речь.

– Я слышал о вас и вашей компании. У меня друг заказывает ваши удобрения.

В который раз меня выручала репутация. Чем меньше город, тем больше в нем все завязано на связях и узнавании. Иногда мне казалось, что каждый житель здесь приходится друг другу либо родственником, либо приятелем. Впрочем, в самых крупных городах ситуация обстояла не менее забавная – мегаполисы любили организовывать самые неожиданные встречи. И история, когда ты случайно знакомился с каким-нибудь итальянцем в Праге, а потом через год встречал его в богом забытом спальном районе среди панелек Петербурга, считалась более чем рядовой.

– Хотел предложить вам эксклюзивный контракт.

– А, так вы пришли выкорчевать наконец эти неубиваемые растения, которые уничтожили все мои японские клены? – Мужчина непроизвольно обернулся в сторону своего сада. – Сколько вы берете за это? И какие даете гарантии?

Обычно моя тактика заключалась в том, что я почти ничего не сообщал о себе и своих намерениях и ждал, когда все это за меня придумает мой клиент. Люди сами наделяли меня той ролью, в которой больше всего нуждались.

– У меня есть необходимые гербициды и реактивы, которые помогут достаточно быстро избавиться от вашей проблемы. Сама работа вам не будет стоить ровным счетом ничего, я возьму с вас только стоимость расходников. Акция предоставляется всем новым клиентам.

– Я согласен.

Лицо собеседника прояснилось, и он поспешил открыть калитку, заканчивающуюся заостренными металлическими пиками. Когда я зашел, мужчина улыбнулся и протянул свою крепкую ладонь для рукопожатия:

– Евгений.

– Григорий, – соврал я, используя менее экзотичное имя, которым обычно представлялся в этом городе. – Я посмотрю на ваш сорняк, и у меня с собой вся необходимая химия и оборудование для анализа почвы, – я показал на чемоданчик в руке.

Евгений взглядом предложил следовать за ним и повел меня по извилистой дорожке, засыпанной блестящей морской галькой на японский манер.

– А ваши смеси не испортят землю? Не токсичны? – владелец дома недоверчиво обернулся через плечо.

– Нет, что вы. Мы работаем с прицельно действующими реактивами. Будут задеты только корни паразитирующих сорняков. «И кроме того, даже если я напортачу, все отходы выльются в другое измерение», – я мысленно закончил эту фразу и подумал, как же сильно иногда не хватает человека, с которым можно было бы обсуждать свою работу.

Мы обошли дом и выбрались на небольшую полянку. Совсем недавно на ней наверняка росла густая, аккуратно подстриженная трава. Но сейчас в центре участка торчали мягкие стволы карликовых деревьев с понурыми ветками на фоне почерневшей лужайки. Такие вещи творит либо огонь, либо внеземная форма жизни. Отдаляясь от эпицентра распространения чужеродных растений, трава становилась сначала нездорово оранжевой, а затем желтой, после чего переставала выглядеть больной. И посреди этого безобразия жизнерадостно торчали вполне себе процветающие ростки. На самом деле не так много растительных видов могли сотворить с землей нечто подобное. Я поставил чемоданчик на землю и принялся рыться в нем под аккомпанемент легкого звона закупоренных пробирок. Евгений, с интересом наблюдающий за процессом чуть поодаль, поинтересовался:

– И все-таки, какой состав у ваших жидкостей и порошков?

– По сути, я работаю с кислотами и щелочами. Это весьма эффективные гербициды. – Я присел на корточки и копнул землю под одной из ярко-зеленых стрел враждебно настроенного растения. – Если почва вокруг щелочная – значит, мне нужна смесь с кислотой. И наоборот. Эти растения создают для себя комфортную среду. А я собираюсь вернуть ту, которая привычна этой почве.

Если мужчина и заподозрил, что я говорю информацию, противоречащую элементарным азам садоводства, то никак не подал вида. И потом, если он собирался нанять садовника, то вряд ли бы оказался искусственным специалистом в области выращивания растений. Евгений поверил в мою откровенность и заметно расслабился. Я

начинал подозревать, что умение распознавать ложь – одно из главных качеств для достижения высокого уровня дохода. Мне и правда не пришлось врать – ведь с иномирными сорняками требовались иные способы борьбы. Я достал защитную перчатку, надел на руку и осторожно откопал основание стебля. На глаза показалась ярко-фиолетовая пульсирующая луковица. Впрочем, со своего места Евгений едва бы разглядел движения луковицы, похожие на дыхание. Сказка о Чиполлино неожиданно заиграла новыми красками: передо мной был разумный клубень.

– У вас есть лопата? Принесите, пожалуйста. А то я оставил свою в багажнике. Как раз пока проведу с этим растением пару тестов.

Евгений неохотно согласился, – очевидно, ему было любопытно, что именно я собираюсь дальше делать. Когда шаги владельца дома стихли за поворотом, я вылил под центральную луковицу большую колбу прозрачной жидкости. Сначала задергалась первая луковица, а затем в движение пришла сразу целая поляна. Если опасность угрожала одному Стеблю мертвеца, об этом сразу же, словно через радиотрансляцию, узнавали все остальные. В некотором роде у всех растений был коллективный разум, а общались стебли не то через сигнальную систему запахов, не то через еле заметные вибрации почвы. Я ставил на второе. Прошло несколько секунд, и растения словно разом всосало внутрь земли. Теперь оставалось запечатать разлом реальности. Я достал полностью заряженный амулет и прошелся с ним вдоль зараженной зоны, приговаривая древние заклинания, смакующие и повторяющие само понятие слова «печать» на древних, давно отмерших языках.

– А чего это вы, – спросил вернувшийся Евгений, – такое шепчете?

– Пытаюсь вспомнить название подходящего гербицида. На латыни. В принципе, все тесты я уже провел, осталось просто вскопать землю и обработать моими фирменными смесями.

Мужчина все правильно понял – и решил не мешать мне. Но я был уверен, что он станет приглядывать за мной из окна дома. Прорывы реальности случались гораздо чаще, чем можно себе представить. Большая часть моей работы состояла в том, чтобы классифицировать и изгонять прочь все инородное и мертвое, приходящее из чужих миров. Например, Стебель мертвеца сам по себе

нес опасность только для земных растений, и то не для всех. Но если фиолетовые луковицы вылуплялись на кладбище, то каким-то загадочно-ботаническим образом поднимали мертвецов, вступая с ними во вполне плодотворный симбиоз. Доставая из багажника удобрение и семена травы, я вспомнил другую историю, когда растение появилось на кладбище.

В тот день сработала вибрация наручных часов. Циферблат с упреком подмигивал ярко-красным светом, сообщая о том, что нарушены ближние границы города. Цвет, а точнее, его оттенок указывал достаточно точное место, в котором минуту назад прошло что-то враждебное и неизведанное. Я с уверенностью мог сказать две вещи: первое – это нечто точно уже не дышит и второе – свой путь в город нежить держит через наплавной мост. Я представил, как в припадке возмущения дергается сторожевой амулет, улавливая пересечение границы. И как с тихим стуком ударяются друг о друга камни, подрагивают легкие перья, закрепленные на зеленой рыболовной сетке. Амулет можно было изготовить из любых предметов, но лучше всего годились материалы, найденные рядом с тем местом, которое будет служить своеобразным рубежом. Я закольцевал волшебную силу на «ловце монстров» и на своих смарт-часах – получилось не сильно энергоемко и достаточно практично. Однако по какой-то причине не сработали другие амулеты, установленные в среднем и дальнем кругах за городом, которые бы дали мне больше времени на подготовку к встрече с нежитью. Обычно мои «подопечные» были не слишком расторопны и двигались скорее ползком или прихрамывая и пошатываясь. Впрочем, встречались и весьма активные экземпляры, которые ретиво бежали или пользовались услугами транспорта – как правило, они залезали в прицепы и «Газели» или случайно зацеплялись за какой-нибудь электросамокат и волочились по асфальту.

Мой джип вырулил через Старый город по направлению к понтонному мосту на достаточно большой скорости. Да, мне было совестно подтверждать ужасный стереотип о неаккуратной и равнодушной езде водителей дорогих бронированных машин, но я не мог сейчас изображать неторопливый катафалк. Иначе на катафалке могут повезти кого-нибудь другого. Я припарковал свой автомобиль недалеко от моста через стремительную реку и достал с заднего

пассажирского сиденья еще одно изобретение, переделанное из современной техники мною собственноручно. Внутри нарастало не беспокойство, а предвкушение. Я закрепил за спиной ранец, в котором помещался корпус пылесоса, и покрепче перехватил гибкий шланг. Со стороны могло показаться, что я вышел на дорогу, чтобы выгулять свой домашний пылесос, который соскучился по свежему воздуху, и еще я, наверно, был похож на дурака, который решил пропылесосить мостовую. Однако другая бытовая техника не давала такого точного и быстрого результата, необходимого, чтобы обнаружить следы нежити. Какое-то время я пробовал заколдовать робот-пылесос, но он иногда глючил или капризничал и очень любил долго и уныло биться о стены и бордюрный камень.

Попискивание пылесоса известило о том, что устройство обнаружило клетки кожи мертвеца, а заодно привлекло ко мне несколько любопытных взглядов туристов, рассматривающих силуэт древней каменной кладки городских ворот. Мне уже удалось убедить местных жителей, что как глава компании «ЭкоДом» я провожу проверки окружающей среды при помощи ультрасовременного оборудования, заказанного в Америке. Но вот гости города к такому зрелищу еще не привыкли, а потому обычно сразу хватались за свои телефоны и снимали видео с моим участием. То и дело в интернете всплывали ролики с броскими названиями: «Мужчина сошел с ума и думает, что он охотник за привидениями», и «Парень с пылесосом ищет мусорного монстра». Команда зачистки, конечно, убирала этот развлекательный контент из интернета, но я подозреваю, что перед этим сохраняла себе на память.

А часом раньше, разбуженный непонятым гулом и монотонными механическими звуками, под землей зашевелился древний воин, который не знал покоя с XIII века. Защитник стен по имени Переслав Недосолов был убит при попытке взять стены его родного города войском хана Батыя. Погруженный в слой торфа, он дремал и видел крайне беспокойные сны, в которых люди добровольно сдавали себя в долговое рабство своему же народу и меняли крепкую дружбу на аналог горсти звенящих монет. Образы вдруг стали ярче, словно вышли из тьмы на яркий дневной свет, и витязь обрел желание завершить свой долг. Клацанье и рев строительной техники раздались совсем близко, и ковш экскаватора зацепил пласт плотной массы из

перегнивших остатков растений и организмов. Воин смог освободить одну руку и пошевелил пальцами. Медленно, словно не веря в свое счастье, древний человек стер с лица налипшие комки торфа и зажмурился от яркого света.

– Витамин Д! – щурясь, он пробурчал незнакомое слово, одно из тех, которое привиделось ему в болотной полудреме, и позволил себе сделать неожиданный вывод: – Полезен для серой кожи.

Кожа у Переслава Недосолова и правда была серо-стального цвета, зато сохранилась почти полностью. Изменениям не подверглись также кольчуга и шлем, а еще большая часть рубахи и штанов. В том месте на спине, где металлические звенья брони размыкались, присосалась небольшая фиолетовая луковица. Левая рука высохла и стала совсем как у скелета. Но человек не расстроился и изучил целую, неизувеченную правую. Именно в ней был зажат длинный полуторный меч, не потерявший блеска и остроты. Воитель проверил хватку, откопал обе ноги и с дикими криками понесся через строительную площадку. Водитель экскаватора Павел клич услышал и перегнулся через приборную панель. Сначала он решил, что кто-то из коллег-рабочих решил устроить розыгрыш. После того как эти ребята со странным чувством юмора подложили ему в кабину скелет, найденный во время рытья котлована для многоэтажного дома, Павел во всем винил нерадивых шутников. Впрочем, убегающая в закат серокожая мумия с перекошенным набок сонным лицом была уж слишком детально проработана. Водитель экскаватора потрогал свой лоб, нашел его слишком горячим и решил отныне приходить на работу в кепочке. А пока невозмутимо продолжил копать углубление под декоративное озеро, которое должно было стать изюминкой нового парка отдыха.

Воин бодро двинулся к городу, умело размахивая мечом и ловко срезая бутоны цветов на ходу. Поначалу восставший почти не встречал людей на своем пути, но после того, как он пересек наплавной мост, стал замечать все больше гостей города. Казалось, они намеренно сбивались в группы покучнее. За спиной бредущего по автострате Переслава раздался резкий визг автомобильного клаксона.

– Вы права где покупали? – Болотный человек решил воспользоваться фразой, которая ему снилась чаще других, и зашагал дальше, не оглядываясь. Из окна дивного изобретения, похожего на

повозку, раздались ужасные возмущенные крики. В ответ на ругань пешеход лишь возмутился:

– Что ж вы слова басурманские мне кричите? Негоже.

Люди на набережной, привлеченные звуком автомобильного клаксона и необычайно зычным голосом странно выглядящего ходока, бросали свои дела. Они вешали на шею фотоаппараты, прекращая летние фотосессии у воды, отвлекались от своих мирных бесед и переставали обниматься.

– Свободная касса! Вам бургер здесь или с собой? – Воин уже вовсю пытался общаться со следующим водителем, заглядывая ему прямо в окошко затормозившего автомобиля.

Смеющиеся люди ничего не ответили, только достали небольшие плоские короба и направили их в сторону чужака. Поняв, что фраза употреблена неправильно, а возможно, и вовсе оскорбительно, Переслав Недосолов решил отложить знакомство с дивным новым миром на потом. Ноги понесли восставшего к мощной городской стене кремля вверх по мощенному булыжником склону. Этот день мог закончиться для воителя мирно – горожане и туристы признали бы в нем хорошего актера-реконструктора, добившегося удивительной достоверности образа. И тогда Переслав заработал бы хорошие деньги на фотографиях с людьми и в конце концов догадался, как купить мороженое, лимонад и даже претцель с сыром по старинному рецепту из родной эпохи. Но, к несчастью, именно в этот момент на площадь за городскими воротами въехал длинный и упитанный автобус, в котором уместилось удивительно много жителей Поднебесной республики. Они высыпали на улицу, словно разноцветные бусины с оборвавшейся нитки ожерелья, и заполнили пешеходную зону напротив деревянного лотка с выпечкой. С неподдельным интересом и восхищением они осматривали центр древнего города, любуясь на отреставрированный квартал трактиров, лавочек и мастерских в два этажа. В глазах воина этот дружественный акт приобщения к культуре выглядел как очередная попытка взять рубежи его Родины. Увидев лица, напомнившие ему о врагах, болотный человек ринулся вперед, не разбирая дороги.

В моей голове проносились неуместные для данной ситуации мысли: как я мог упустить захоронение на границе с центральным районом прямо у себя под носом? Перед глазами снова и снова

вставала карта города, на которой светящимися точками были отмечены места крупных битв и маленьких междоусобных столкновений, незаконные могильники родом из девяностых и обычные кладбища. Заступая на пост волшебника-некроманта, куратора своего города, я тщательно исследовал все прилегающие области с детектором нежити (да-да, у переделанного пылесоса было свое название). Разрыв ткани реальности мог произойти где угодно, а пробуждение живых мертвецов из-за вторжения иномирной флоры случалось чаще, чем можно предположить. Каждый квадратный метр был прочесан и занесен на карту, а опасные зоны снабжены необходимыми амулетами. Для небольших нежигеактивных участков я смастерил сдерживающие артефакты, которые препятствовали рандомному восстанию из мертвых. Такие безделушки обходились дорого и каждый день забирали у меня достаточно много силы, поэтому я никогда не злоупотреблял созданием подобного и уж тем более не мог соорудить защитную сеть вокруг города.

Я ударил себя по лбу на бегу. Ну конечно! Все дело в плотном слое торфа, экранирующим волны моего изобретения. Поскольку торф представлял собой перегнившие и мертвые останки древних и не очень организмов, я просто не смог бы обнаружить в нем нежить. Надеяться отыскать в торфе усопших также бесполезно, как пытаться найти россыпь древних монет над остовом подводной лодки при помощи металлодетектора.

Судя по видеозаписям, которые уже успели попасть на сайт новостного канала, таинственный болотный человек направлялся в Старый город. Как у некроманта, у меня было чудовищно большое количество уроков истории. На восставшем был доспех XIII века, и я атрибутировал его как экипировку городского стражника. Значит, мертвенький нарушитель направляется нести свою вахту. Ну почему мне вечно достаются воины? Нет бы обычные веселые завсегдатаи таверн, воспитанные дамские угодники или скромные пастушки. Правильно, зачем, пусть будут воители, вернувшиеся на службу. Я наконец догнал беглеца – в тот самый момент, когда началось веселье на площади, за древними городскими воротами с красивой красной башенкой.

– Вейсяо! [\[1\]](#) – В предзакатном пурпурном вельвете ночи мелькнула череда вспышек фотоаппарата одного из туристов.

Я покачал головой. Китаец слишком близко подошел к нежити, делая селфи на большую зеркальную камеру. Ослепленный яркой вспышкой, изолированный от лучей света несколько долгих веков, воин никак не мог прийти в себя и смешно задергал руками.

Но туристы решили, что перед ними просто блестящий актер, играющий зомбо-воина в антураже старинного города-крепости.

– Цаи цу! ^[2]– Черета фотовспышек заставила болотного человека не просто зажмуриться, а перекошиться в агонии из странных неритмичных подергиваний. Чуть позже я даже нашел в интернете закольцованный ролик, где странные ужимки воина были наложены на веселую клубную музыку.

За секунду до того, как воин взмахнул мечом, я безжалостно сдавил Стебель мертвеца, присосавшийся к защитнику стен. Моя рука коснулась неживого тела, проникая в чужие мысли, оплетенные отростками паразитирующей фиолетовой луковицы. Отключив воителя от жизни, обрезав последние нити, соединяющие с моей реальностью, я произнес упокаивающее заклинание и выдохнул. Теперь мой путь лежал в сторону ближайшего захоронения. Я ожидал увидеть лес рук, выкапывающихся из земли, или процессию из воителей прошлого, направляющуюся в знакомые места, но раскопанное болото оказалось пустым. Тогда я провел все те же операции, что и сегодня на заднем дворе у Евгения.

Когда я засыпал на свежееудобренную землю семена травы, Евгений предложил пойти в дом и выпить с ним настоящий японский чай матча.

– На самом деле мне пора. У меня недавно уволилась помощница, и я пока не нашел ей замену... Так что офис пока закрыт. Нужно возвращаться на работу... ну, вы сами понимаете.

– Спасибо, я вам очень благодарен. Не могли бы вы оставить свою визитку?

Обменяв визитку на деньги и подарок в виде коробки чая матча, я вернулся к своей машине. Вечером, заварив чай в полном одиночестве, я уже сожалел, что отказался от теплого гостеприимного предложения и ни к чему не обязывающей светской беседы.

Гилиад. Нежданное предложение

Я уже и не помню, когда в последний раз все шло не наперекосяк. Сначала холерные 1920-е, потом мой ужасный провал и наконец назначение в маленький провинциальный городок в области. Может показаться, что высший колдовской совет наказывает рутинной и отсутствием возможности сделать что-то по специальности... Но опыт подсказывает, что чем меньше населенный пункт, тем больше в нем тайн и загадок магического характера. Это в мегаполисах царит порядок и все работает как часы... А вот в маленьких, но старых городах дел у волшебника всегда достаточно. Я повесил на дверь своего офиса табличку «Закрито на дезинсекцию» и отправился в район Старого города.

Меня всегда успокаивала вдумчивая прогулка по дореволюционным кварталам. Вдыхая тонкий аромат магии, навеки впечатавшийся в каменные стены домов и мостовые из брусчатки, я мог предаваться ностальгическим воспоминаниям о прошлом. Колдовство, вложенное в старые города, пахло летней грозой, а еще выпечкой, приготовленной заботливыми руками, и располагало к философским мыслям. Когда-то весь город помещался внутри высокой, монументальной стены, надежно упрятанный от врагов. Глядя на стены кремля, я всегда вспоминал уютный мир снежного шара, защищенный своей стеклянно-глицериновой оболочкой от всего

враждебного. Для меня окружающая реальность, пожалуй, всегда казалась слишком хрупкой...

Мимо меня по дорожке пробежала маленькая белокурая девочка в комбинезоне. Она остановилась, засмотревшись на желтый одуванчик, присела на корточки и плохо слушающимися пальцами сорвала его. Крепко держа цветок в руке, девочка с самыми восторженными чувствами первооткрывателя побежала обратно, к своей матери. Я даже замедлил шаг, потому что очень хотел увидеть счастливое продолжение истории. Изможденная женщина толкала вперед коляску с еще одним ребенком – пухлым мальчиком, от жары обсыпанным красными пятнами. Увидев примчавшуюся дочь, уставшая мама натужно улыбнулась и взяла в руки одуванчик. Девочка, что-то напевая, унеслась вперед, к мосту, перекинутому через глубокий, поросший травой ров перед крепостной стеной. Женщина убрала с лица прядь подкрашенных золотистых волос и выронила цветок на асфальт. Мне стало очень больно, когда колесо коляски переехало пушистый желтый одуванчик. Меня не столько расстроила бессмысленная смерть цветка, сколько равнодушие, поселившееся в душе женщины. Я в который раз вспомнил, за что так ненавижу свой переезд из Петербурга.

Вокруг носились энергичные радостные дети, воспевая свое детство в красивом гимне. Чуть менее активно вели себя подростки, пока еще сохранившие оптимизм, но их чувства звучали уже не весельем, а гаммой бесконечных надежд и строительством планов на будущее. На фоне всех них опустошенные взрослые, растерявшие свою личность, отдавали вековой скорбью. Мне сказали, что подобные реалии характерны для всех городов, где не рождаются некроманты. «Что-то не так с водой», – говорили одни волшебники. «Что-то не так землей», – твердили другие. «Нет, чем-то в воздухе запахло!» – возражали иные.

Когда наставали плохие и одинокие времена, я знал, к кому обратиться за помощью или за советом. И тогда я звонил своему старому другу, который предотвратил нашествие призраков в 1703-м, когда название «Санкт-Петербург» еще не закрепилось за молодым городом, но уже была заложена первая крепость. Да уж, мы с ним помнили Петербург по-разному, и я, конечно, не застал восемнадцатый век. Да и от девятнадцатого я видел лишь половину, но зато, попрошу,

лучшую его половину! Я набрал знакомый номер, проходя вдоль трамвайных путей. На какой-то момент монотонный, постепенно удаляющийся звон поворачивающегося трамвая отрезал от меня телефонные гудки.

– Да, здравствуйте! Натан Соломонович, я бы с вами увиделся. У меня тут небольшой кадровый и экзистенциальный кризис. Нет, все сразу. Да, так всегда и бывает.

– Ну, тогда подходи в кафе. Поговорим. – Голос определенно ухмылялся.

Переспрашивать, в какое кафе, не имело смысла. В моем городе было только одно кафе, и открылось оно несколько лет назад. Куда ходили пить чай и перекусить подростки, парочки, а также молодые семьи до этого, для меня оставалось загадкой. Поэтому я уточнил:

– Когда?

– Обижаешь! Я тебя уже десять минут жду на месте, а ты все такой же копушечный и медлительный, как в старые времена.

– Люди не меняются, – я невольно улыбнулся и неприятные мысли отступили сами собой, – и я не медлительный, я созерцаю и никуда не тороплюсь.

Натан Соломонович сидел на мягком красном диванчике за столиком у окна. Он отдал предпочтение темно-синему костюм-тройке, который сложно было отнести к конкретной эпохе. Неумирающая вечная классика. Я покачал головой и зашел в кафе. Натан Соломонович заметил меня, встал из-за стола и поприветствовал вежливым кивком.

– Я позволил себе наглость лишить тебя мук выбора десерта и напитка. Честно говоря, я ненадолго в этом уездном городе. – Натан Соломонович подмигнул мне, а потом резко стал серьезным.

Шли годы, а мой бывший учитель ничуть не менялся: его выделяли из толпы все те же аккуратно выбритые виски с легкой сединой и безукоризненная осанка. Многие посетители кафе задерживали на чинном некроманте взгляд и, сами того не осознавая, распрямляли спины.

– А я уж было решил, что вы почувствовали мое смятение и решили по старой доброй памяти навестить меня. Но у вас, кажется, ко мне какое-то дело. Или просьба.

Я прищурился, пытаюсь угадать, что привело одного из выдающихся волшебников Москвы в мою скромную обитель.

– Одно другому не мешает. – Натан Соломонович кивнул на две небольшие чашки кофе: – Латте, зерна средней обжарки. Много молока. Как раз тот запах, который терпеть не могут мертвяки и инфернальные сущности. Пей почаще и станешь для них неудобоваримым. Может, и всякая нечисть, вроде улиточек и моли, перестала бы так бушевать. В Петербурге, кстати, мы уже давно понатыкали на всех углах улиц ароматные кофейни. И работы сразу стало намного меньше.

Я вздохнул. Значит, наставник уже знал про события последних дней, в результате которых кадровый состав «ЭкоДома» снова уменьшился до одного-единственного сотрудника.

– Так вам уже сообщили... А я пожаловаться хотел. Эти люди, они какие-то слишком пугливые. И приключения любят только в кино и в своих фантазиях.

Натан Соломонович развел руками:

– Ну так ты все равно жалуйся!

Я не сомневался, что мой бывший учитель получил достаточно подробный отчет о зачистке памяти Марии, а также обо всех событиях, эту самую зачистку спровоцировавших. По какой-то странной причине даже со стертой памятью Мария возненавидела угол Садовой улицы, на которой был расположен мой офис, а также сильно увеличила свой ежедневный путь домой, обходя бывшую работу буквой «П». Натан Соломонович ухмылялся, когда я рассказал про нашествие плотоядных тыквенных слизней, которые перевернули лавку с овощами и по ошибке вместе с тыквами съели рыжий парик моей сотрудницы. Наставник слушал меня внимательно, не перебивая, а когда я закончил рассказ, плавно перешел к своей теме:

– Ты единственный в городе волшебник и, я смотрю, достаточно сильно одичал. Тебе не хватает окружения. Люди – это наши подопечные, мы охраняем их покой... но они – не твой народ.

– Но я не могу уехать из этого города! Я бы очень хотел, чтобы все забыли, забыли... ну, вы понимаете о чем. – Перед моими глазами вставал туманный Петербург и желтый свет фонарей, разлитый по глади канала на набережной.

– Некроманты живут долго и запоминают все крепко. Я верю, что однажды ты окажешься выше своей ошибки в глазах Совета волшебников и сможешь вернуть себе свою жизнь. Ты – отличный специалист, и твою карьеру не определяет один отдельно взятый эпизод из прошлого...

Я поморщился и придвинул поближе кусок вишневого пирога, заказанного моим наставником.

– И вы специально мне намекаете своим пирогом из сериала «Твин Пикс», что город мне не подходит?

– Иногда пирог – это просто пирог. Я люблю вишню. – Натан Соломонович забарабанил пальцами по столешнице. – Никто не просит тебя покинуть твой пост. Тебе просто нужно взять себе помощника волшебных кровей. Ты раз за разом совершаешь одну и ту же ошибку, нанимая для своего бизнеса людей, но твои дела в первую очередь магические. Значит, и на службу нужно брать некроманта.

Мне снова, как в годы своего обучения, захотелось спорить и возражать:

– Мне нужен человек с соответствующим образованием! У меня нет времени обучать некроманта всем экологическим нюансам. Я живу, по-вашему, на что? «ЭкоДом» меня кормит.

Натан Соломонович принялся залиvisto смеяться:

– Тебя твои удобрения кормят.

Я понял, что моя фраза оставила маневр для иронии и получилась двусмысленной. Дело в том, что каждый из нас выбирал себе контору-прикрытие, чтобы вести официальный бизнес. Наше дело содержало нас и выставляло в выгодном свете для государства и налоговой. Мой выбор позабавил многих: больше семидесяти процентов дохода я получал, зарабатывая на продаже навоза с добавлением переработанного праха упокоенных существ.

Я все никак не мог подобрать встречную, не менее смешную шутку про заработок Натана Соломоновича, но его деятельность была слишком серьезной и какой-то несмешной. Каламбуры про последний гвоздь в крышку гроба и про «ну как там ваши клиенты, уже возвращаются в гробах?» были плоскими и избитыми. Мой наставник с недавнего времени держал похоронное бюро в Москве и, разумеется, ни в чем не нуждался. Насколько я слышал, почти все крупные могилокопательные конторы так или иначе принадлежали

некромантам. Да, даже некромантам приходится работать, потому что упокоенная нежить и мертвые монстры не назначат тебе зарплату вместе с премией за свое гуманное убийство.

– Давайте не будем о навозах. Мне сегодня еще очень много бумаг на поставки заполнять и проверять данные анализа грунта и заборы воды... Заборы – не те, которые из досок, а заборы – в смысле пробы.

– У меня есть для тебя отличный кандидат. Заполнит за тебя все документы, примет всех посетителей, организует поставки твоих... гм, удобрений. И ничуть не удивится монстрам этого города. Ну, умеренно удивится. Она еще не была в поле...

– Она?! Не была в поле? – Я не знал, что меня удивило больше – тот факт, что мой наставник опять бессовестно пытался найти мне пару, или тот, что он собирался повесить мне на шею совершенно неопытного новичка.

– Вы бы лучше своими могилорылами занялись. И наняли себе нормальный персонал. А что, почему вам не последовать своему же собственному совету и не нанять неопытных волшебников? Они вам половину кладбища из мертвых поднимут и вечеринку по ошибке закатят!

Натан Соломонович опустил взгляд:

– Ты ведь не сдашь меня Совету волшебников? Они оформляют огромные штрафы за жестокое обращение с умершими. Но я же не всех воскрешаю, а только тех, кто при жизни себя очень плохо вел. И потом, нежить – она достаточно понимающая и работающая. Быстро копает. Да и недолог век воскрешенного...

– Не хочу знать, – я замотал головой. – Нет, конечно, я не буду писать на вас жалобу. Но и вашу юную Гермину я к себе на службу не возьму.

В переговорах самое главное – до конца отстаивать свое мнение и идти лишь на незначительные компромиссы, которые кажутся уступками только на первый взгляд, а на самом деле играют в вашу же пользу. Однако на следующее же утро мне пришлось отправиться на вокзал встречать юное дарование, которое мне так красочно расхваливал Натан Соломонович.

«Это моя лучшая выпускница. Ей не хватает практики, но ведь теоретических знаний у нее предостаточно. Настоящий талант. Ты тоже таким был», – звучали у меня в голове слова моего наставника.

Да, когда-то я подавал огромные надежды, но время идет, и нас заменяют более юркие, способные и энергичные личности. Я спросил у своего наставника: «А как выглядит ваша воспитанница? На вокзал прибывает много разных людей, как я смогу ее узнать?» – «О, поверь мне, Адель ты ни с кем не спутаешь!» С этого и надо было начинать!

Мне уже начинало казаться, что я вписался в какую-то слишком эксцентричную авантюру, которую просто не смогу потянуть. Я ожидал увидеть девушку в яркой одежде или с необычным цветом волос, возможно, чересчур красивую или очень неаккуратную, влетающую лицом в стеклянные двери. Я даже был готов встретить гламурную версию Адель, нагруженную кучей лишних сумок, но все мои предположения разбились о скалы реальности. Электричка замедляла свой ход, выезжая из-за поворота. На часах было чуть больше девяти вечера, и состав приходил по расписанию без опозданий.

Мне было одновременно беспокойно и неудобно: кажется, нелюбовь к переменам стала давать о себе знать последнее время еще более настойчиво. Я не мог пройти на перрон, поэтому просто ждал гостью перед турникетами, сразу у лестничного спуска. Первыми через пропускной пункт всегда просачивались жители города, которые каждый день ездили на работу в Москву, а потому точно знали, в который вагон нужно сесть, чтобы оказаться сразу у выхода. За работягами, готовыми трястись в электричке несколько часов ради лучшего заработка, следом шли студенты, возвращающиеся на выходные с учебы. Дальше толпа немного мешалась, и выделить людей становилось чуть сложнее. Кто-то наверняка приехал в гости, кто-то – навестить родственников, кто-то – на дачу... Последними обычно выходили туристы. Толпа редела, и мне уже начало казаться, что я перепутал время или день приезда моей будущей сотрудницы. Однако тут из вагона по перрону зашагала высокая девушка с длинными каштановыми волосами. Проводница, проверяющая билеты, крикнула ей вслед что-то удивительно похожее на:

– Девушка, это у вас не собака! Это точно дикий зверь! Нет, подождите! Нужно оплатить штраф!

Я ахнул. В одной руке у барышни была ручка объемного и вместительного чемодана, а во второй – поводок с... да, проводница

была права: собакой четвероногое создание, ступающее в ногу рядом с Адель, назваться могло с большим трудом.

Это же гончая дикой охоты из загробного кельтского мира! Огромный белоснежный пес обернулся и расплылся в улыбке с оскалом, отчего проводница, семенящая за девушкой, покачнулась и начала терять сознание. К счастью, работница электрички была подхвачена широкоплечим мужчиной, вытаскивающим из вагона многочисленные ящики с фруктами. Адель что-то еле слышно сказала псу, и он от гордости еще больше наострил свои ярко-алые уши. Девушка достала из кармана билет и прошла сквозь прозрачные двери турникета, гостеприимно разъехавшиеся перед ней. Подтянув к себе ручку чемодана, она осторожно спустилась по четырем ступенькам и только затем осмотрелась.

– Адель, добро пожаловать! – Я не знал, что принято в таких случаях говорить незнакомому человеку. Я даже не был уверен, рада ли она находиться вдали от дома и добровольно ли отправилась в командировку.

Гостья кивнула, и на ее лице отразилось много разных смешанных чувств сразу. Наиболее ярко из них выделялось желание задать вопрос и поделиться впечатлениями. Она посмотрела на своего пушистого спутника и начала с расспросов:

– Вы же Гиляд, верно? Я очень рада с вами познакомиться. Правда, мы несколько часов провели в электричке, без возможности выходить на остановках... Они были слишком короткие... Ну, сами понимаете. Не подскажете, где здесь у вас... – девушка замялась.

Я не знал, куда деть руки, поэтому махнул рукой в сторону зеленого двухэтажного здания вокзала, где можно было также купить билеты:

– Уборная по коридору, налево, а затем направо. Вы пойдете мимо электронного табло с расписанием отправления электричек и повернете сразу за кассами. – Чем подробнее я описывал путь, тем больше это начинало забавлять мою собеседницу.

– Да нет же, это не для меня, а для Арауна. Как у вас тут вообще с необходимостью убирать за животными? – Адель посмотрела в сторону сквера возле вокзала, который, очевидно, показался ей слишком ухоженным.

– Араун? – Я больше не мог игнорировать тот факт, что девушка привезла с собой отлично дрессированную гончую дикой охоты. – Подождите, вы назвали его Араун?

– Это долгая история, – пожалала плечами девушка, – я вам лучше ее по дороге расскажу.

– Вы позволите? – Наверно, после знакомства стоило сразу же начать с предложения помощи в перемещении чемодана. – В таком случае можем отойти поближе вон к тому краю лужайки. Если честно, у меня никогда не было собаки. Но совсем недавно я едва не решился держать у себя дома улитку.

Мы двинулись вдоль вокзала, подальше от случайных взглядов людей.

– Улитку? – переспросила Адель. – Не думаю, что это сложно – держать у себя дома улитку.

– Да, только если это не тыквенный слизень из другого измерения. Но мы вроде как подружились. Я бы никогда не подумал, что, будучи некромантом, девяносто процентов времени буду сталкиваться с плотоядными растениями и животными, а вовсе не с живыми мертвецами... Какой-то я аграрий. Но все мы так или иначе романтизируем нашу будущую работу.

Девушка засмеялась:

– Вы спрашивали, почему пса зовут Араун. Это не я давала ему кличку. И я не крада его из потустороннего мира. Я знаю, что эти гончие ужасно редки. Это подарок короля эльфов – Арауна.

– Вы знаете короля эльфов? – Я постарался смягчить свой голос, чтобы он звучал не так удивленно.

Из всех миров, населенных волшебными созданиями, не было места более скрытного и вызывавшего живейший интерес, чем эльфийское царство. Большая часть знаний о нем осталась со времен Средних веков. Тогда наши миры вели активную торговлю, а некроманты Земли и эльфы заключали браки и военные союзы так усердно, что о других измерениях узнали простые смертные. Остроухие сильно наследили в землях суровой Англии, о чем в итоге пела каждая вторая романтическая баллада или героический миф кельтов. Иногда, в память о былых временах, наши ученики отправлялись в легендарное королевство на стажировку и получали совершенно уникальные знания.

– Да, нас Натан Соломонович познакомил. Король Араун подарил мне щенка и сделал предложение. Правда, я отказала, так как была слишком юна и не представляла себя заложницей королевских покоев. Но пес остался со мной. Король сказал мне, что гончая будет моим надежным стражем и охранником, и попросил назвать собаку в его честь. А также заверил, что я могу вернуться во дворец, если передумаю и решу выйти за него.

Этот разговор о волшебных знакомствах напомнил о старых добрых временах ученичества, когда я появлялся на званых вечерах в сопровождении своего наставника. Предложение мне никто не делал и собаку не дарил, но держу пари, что однажды я очень сильно понравился королеве гномов. То есть я надеялся, что это была королева гномов. Кажется, отличать гномов-женщин хорошо наловчились только гномы-мужчины.

– Я бы его отпустила, – прервала мои мысли Адель, – ну, Арауна. Я бы отпустила его с поводка. Меня же не оштрафуют?

До меня не сразу дошел смысл ее слов. Сначала я по ошибке решил, что мы все еще говорим про короля эльфов.

– Ах, это. Насколько я знаю, у нас штрафуют только за появление собаки на детской площадке. А, и еще, кажется, это касается общественных мест... Я не совсем уверен.

Девушка поникла и потрепала пса за ухом.

– Мы жили рядом с большим парком, недалеко от центра Петербурга. Араун свободно бегал и всегда приходил на мой зов. Он очень хорошо воспитан. Я поводок-то купила только перед самой поездкой... А тут повсюду люди и общественные места. Полагаю, нужно будет купить ему длинную рулетку.

Разговор завязался удивительно непринужденный. За час неторопливой прогулки мы дошли до моего офиса. За это время мы успели многое узнать друг о друге. Выяснилось, что мы выросли в одном районе – среди сталинских и дореволюционных домов недалеко от станции метро «Площадь Александра Невского», только в разное время. Одни места вскармливали большое количество некромантов, а другие – напротив, не могли породить совсем никого. Мне начинало казаться, что подобные феномены объясняются окружающей средой. Есть идеальные условия, которые подталкивают человека переступить границу обыденного. В них все дышит зефирной сказкой, и ты уже не

готов мириться со своей полуслепотой, а потому шагаешь за приоткрытую завесу в мир волшебного. А есть места, где обыденность – норма, и люди боятся выбиться из толпы, стать не такими, как все. Не решаются вырваться из вязкой, но удивительно спокойной рутины домашнего быта. Совсем как в моем новом городе.

Я много думал и больше слушал, чем говорил, а у Адель оказались удивительно интересные истории. И вот настал этот неловкий момент, когда предстояло решить, где будет жить моя новая ассистентка. Естественно, прежде чем соглашаться нанимать необученную волшебницу, я поинтересовался у Натана Соломоновича в весьма язвительной манере: «И куда же мне ее устроить на ночлег, по-вашему?» – но мой бывший учитель лишь долго смеялся и оставил тему открытой. Впрочем, у Адель имелся уже свой собственный план. Казалось, ее вообще невозможно смутить:

– Полагаю, назначенной вами зарплаты должно с лихвой хватить на аренду квартиры или отель.

Мне всегда нелегко давались решения, а говорить о щекотливых вопросах становилось неудобно настолько, что порой я игнорировал их или и вовсе пускал на самотек. Например, сколько платить Адель, в итоге решил Натан Соломонович, посчитав ее возможные расходы, профессиональный риск и уровень мастерства. Выходило побольше, чем получали ассистентки-люди, но им не приходилось тратиться на съем жилья, а еще они не собирались работать с магической стороной моего бизнеса.

– Я немного ознакомилась с ценами на аренду недвижимости в этом городе. Однако я не привыкла жить одна. – При этих словах Араун нетерпеливо заворчал: не то от недовольства по поводу того факта, что его не считают за человека, не то просто от усталости. – Натан Соломонович говорил, что у вас есть свободная комната, которую вы не используете. Я готова разделить расходы пополам и заселиться в нее, если, конечно, вы не против моей компании и я не помешаю вашему ритму жизни.

Адель, похоже, с легкостью организовывала всех и все вокруг. Я даже и не знал, что ответить и как все решить.

– Если вы не уверены, давайте сегодня я переночую у вас, а утром за завтраком сообщите мне о своем решении. У вас будет время подумать.

Меня смущал лишь один момент:

– Но что о вас подумают местные люди?

– Помилуйте, сейчас не XIX век на дворе! Люди давно перестали лезть в чужую личную жизнь. – Адель стояла на пороге у входа в офис и выглядела заметно уставшей.

– Только не в этом городе! Похоже, что удивительное количество местных жителей живет исключительно сплетнями, подпитываясь от телевизионных ток-шоу и разговоров о семейном быте своих соседей.

– Если единственное, что вас беспокоит, – это моя репутация, то не переживайте, я справлюсь. Королю эльфов только не говорите, – усмехнулась она, – а всем любопытным можете отвечать, что я ваша сестра.

Не сговариваясь, мы отложили в сторону обращение друг к другу на «вы». Я покачал головой и повел ее в дом через дорогу, в котором снимал двухкомнатную квартиру на пятом этаже. Уже предвкушая, как обрадуются жильцы моего подъезда огромной белой собаке, похожей на волка, я в крайне приподнятом настроении преодолевал лестничные пролеты. Эта мысль не только грела, но и помогала нести тяжелый чемодан.

Всю ночь я не мог заснуть и раздумывал над предложением Адель. С одной стороны, в случае возникновения непредвиденных ситуаций моя напарница будет рядом и сможет мне помочь. С другой – целые сутки проводить с одним и тем же малознакомым человеком казалось слишком изматывающим. А что, если мы не сойдемся характерами? Или она захочет переkreить те вещи, к которым я привык: купит некрасивый декор, переставит посуду, наведет свой порядок в одежном шкафу? Или будет надолго занимать ванную, или окажется, что она невкусно готовит, но мне придется есть ее обеды и ужины из вежливости? Я бы не хотел портить свое впечатление об Адель из-за дурацких бытовых привычек...

Мне все-таки удалось заснуть, но уже ближе к утру, поэтому после пробуждения я чувствовал себя крайне разбитым. Во второй комнате слышался отчетливый нервный «кляц-кляц» собачьих когтей по полу. Судя по отсутствию реакции, девушка еще спала. В конце концов, после добавления к «кляц-кляцу» мелодичного «у-у», раздалось хриплое сонное бормотание: «Да, да, уже иду», «Я почти

встала, говорю». Я успел одеться и привести себя в порядок, поэтому деликатно предложил прямо из коридора:

– Доброе утро! Давай я пока выведу на улицу Арауна.

– Доброе! – Судя по тону моей ассистентки, оно было скорее злым или как минимум досадным. – Двадцать минут он сможет потерпеть. Ты обещал обсудить со мной тему жилья за завтраком. Пойдем в какое-нибудь кафе.

Это было так мило, что Адель решила, будто в этом городе есть сразу несколько кафе. «Похоже, мы все попадаемся в эту ловушку», – решил я.

Мы расположились на летней террасе, а под фигурно кованными ножками столика расположился вполне довольный пес. Моя напарница взяла разных блюд по чуть-чуть и задумчиво пробовала каждое по очереди. Мы сидели в каком-то непривычном молчании, и я все пытался понять, что же пошло не так. Наконец, девушка произнесла:

– Ой, я стараюсь сначала завтракать, а уже потом говорить. А то я становлюсь злой, если голодна. Ты вчера сделал вкусный чай, и печенье со сладостями мне понравилось...

Меня позабавило это признание, и я решил сам поднять тему:

– Пожалуй, я не против, что ты займешь свободную комнату.

Девушка кивнула и попросила показать город. Было воскресенье, и возвращаться в контору не требовалось, поэтому я мог показать интересные уголки, парки и достопримечательности. Мы прогулялись по центральной площади с фонтаном, посмотрели музей скульптур под открытым небом. Мне захотелось показать девушке одно из самых красивых мест старого города – большой квартал, сохранившийся неизменным с XVIII века. Двухэтажные пастельно-синие, фисташково-зеленые и пудрово-лимонные двухэтажные дома утопали в зелени. В них было что-то неуловимо неаполитанское, и я сразу вспоминал особняки жаркой Италии, теснящиеся на скалах вдоль береговой линии. Между домами лежали мощенные брусчаткой широкие дорожки, а за каждым задним крыльцом начинался просторный двор с яблонями, грушами, стогами сена и деревянными телегами, словно случайно забытыми на траве. В этом квартале жизнь делала скачок на три века назад, а время начинало течь более неторопливо. Барышни в пышных старинных платьях предлагали попробовать местный лимонад и угощали крохотными конфетами. Адель пришла в восторг и

попросила сделать с ней несколько фотографий на память. Она все удивлялась, что в этом месте можно найти небольшой интерьерный театр, сувенирный магазин, таверну, а еще клуб реконструкции. Когда девушка торжественно посмотрела на красиво оформленную витрину лавки со сладостями, я предпочел напомнить истину, верную для любого туристического центра:

– Здесь цены для туристов, лучше печенье и конфеты купить в киоске подальше. Конечно, здесь упаковка красивее, и если тебе нравится переплачивать за сервис и декор...

– Я не для себя возьму. И всего одну пачку, отправлю родителям по почте в подарок. Мама любит все эти яркие ленточки, гофрированную бумагу и блестящие золотые надписи, сделанные красивым шрифтом. – Девушка привязала поводок Арауна к деревянным перилам массивного резного крыльца у входа в кондитерский магазин.

Этот жест был простой формальностью. Что-то мне подсказывало, что если гончая дикой охоты захочет куда-то пойти, то она с легкостью потащит за собой не просто перекладину перил, а сразу все крыльцо.

– Мне, пожалуйста, вот этот чайный набор. Да, тот, побольше. С зефиром, конфетами и чайным сбором.

Я предложил пойти домой через ту часть Старого города, где сохранился кремль. Пес натянул поводок и стал сильно волноваться.

– У волшебников ведь не бывает выходных? – с подозрением уточнила Адель, сжимая большой подарочный набор гостинцев, упакованный в цветной целлофан.

– Мы работаем, когда нечисть не дремлет. А не дремлет она почти все время... Жаль, что у нее нет жесткого графика, при котором хотя бы в воскресенье она предпочитает отоспаться подольше и пойти в церковь. Для людей офис закрыт в субботу и воскресенье, ну а с inferнальными созданиями я все никак не могу договориться.

– Араун чувствует все недоброе и опасное. Он сейчас взял след.

Пес и правда сильно тянул поводок, и я заметил, как напряглись мышцы на руках у моей ассистентки. Гончая начала двигаться легкими прыжками, и нам пришлось устремиться за ней. Пес приметил неопределенный желтый сверток и накинулся на него, схватив в зубы. Я засмеялся в голос. Таинственная находка оказалась упаковкой от недоеденной шоколадки «с банановым ароматом».

– Араун, фу!

Но было поздно, пес уже успел проглотить половинку шоколадки с вафель, подтаявшую на солнце.

– О, не будь к нему строга! Он уничтожил ужасно вредный батончик с безобразным количеством красителей и консервантов.

Адель выглядела смущенной:

– Никак не могу отучить его от привычки хватать еду на улице. В Петербурге нам приходилось обходить целый угол парка, потому что сердобольные бабушки оставляли там крупу, а иногда и кусочки мяса для птиц и бездомных животных.

Впрочем, пес, облизнувшись, потянул свою хозяйку вперед, и мне пришлось бежать рядом.

Девушка попыталась перехватить поводок поудобнее.

– Меня предупредили, что здесь особенно часто возникают пространственно-временные разломы и из них выползает много нечисти. Я думаю, что Араун мог что-то почувствовать! – на бегу прокричала она.

Пес замедлился, а потому на площадь за кремлевской стеной мы вышли, а не вбежали. Часть пешеходной зоны была закована в прозрачный поликарбонат. Под панелями было три метра пустоты, а затем виднелся круглый остов не то башни, не то церкви, найденный при раскопках. Араун отказался ступить на стекло и вытянул шею, с ужасом вглядываясь вниз, словно под его лапами с минуту на минуту должна была разверзнуться бездна.

– Совет волшебников накрывал центр города экранирующей сеткой? – спросила немного запыхавшаяся Адель.

Я кивнул, вспоминая одну из любимых лекций по магии – про древние города. «Чем старше город, тем больше внимания ему уделяют главы волшебных сообществ. Места с богатой историей аккумулируют огромное количество энергии, становясь источниками силы, а значит, притягивают другие миры по определению. Чтобы обезопасить жителей города, на наиболее старые участки с кладбищами, рыночными площадями и городскими стенами накидывают невидимый покров из чар сотен волшебников. Из чар сотен – просто потому, что одному или нескольким волшебникам такая работа была не под силу».

– Может, он просто чует слишком большую концентрацию магии?

Адель пожала плечами, как будто боялась, что я сейчас начну спорить с ней и пытаться внушить свое мнение. Я видел, что ее не убедило мое предположение.

Адель. Что-то не так с городом

Мне всегда казалось, что лучше всего можно понять город, если пройти его пешком. Охотно открывали свои секреты исхоженные тропы в поле, илистые берега рек и даже асфальтовые дорожки, на которых я оставляла свои отпечатки. словно дух города наконец засчитывал усердие и внимательность и проводил своеобразный обряд посвящения. За теми, кто каждый день куда-то спешил и бежал, завеса тайны закрывалась плотно. От всех равнодушных и торопливых людей ускользали даже такие маленькие штрихи, как акварельные разводы закатов и безоблачные звездные ночи. Приходя домой перед самым сном, я сверяла свои умозаключения с книжкой по истории города.

Никто не помнил, откуда появился небольшой квадратный водоем перед кварталом современных высотных домов. На всех фотографиях и гравюрах, которые мне удалось отыскать, этот небольшой пруд неизменно был изображен. Более того, его не стали зарывать при перепланировке местности пару лет назад и вписали в центр архитектурного ансамбля из новостроек. Древние песни лягушек рассказали мне, что их незатейливый островок воды – это осколок священного первоморя, откуда пошла вся жизнь.

Посреди поля, куда отправлялись на променады владельцы собак, образовался огромный кратер. Вместо того чтобы выровнять уровень

земли, по дну ямы просто проложили асфальтовую дорогу, которой жители панельных домов пользовались, чтобы сократить путь. Когда спустилась в ров, то почувствовала, как резко, на несколько градусов упала температура, и нащупала приоткрытую дверь в подземное царство.

* * *

Сперва Гиляд хотел составлять мне компанию в прогулках перед сном, но я настояла на том, чтобы выходить в сопровождении одного лишь Арауна. Ткань реальности может и обидеться, если не уделить познанию достаточно своего личного времени и уважения. В один из первых вечеров после заката солнца я наткнулась на женщину, которая стояла возле пятиэтажного дома и смотрела в теплые желтые окна. Я видела только ее широкую спину и тележку, груженную большим количеством чемоданов и сумок. От тяжести ее багажа на газоне остались две глубокие борозды, обнажившие черную землю и напомнившие мне почему-то кровоточащие царапины.

– Вы забыли ключи? – рискнула предположить я и сошла с асфальтовой дорожки на траву.

Женщина ничего не ответила и даже не обернулась. Кажется, она не верила, что к ней могут обратиться, или не хотела разговаривать со мной.

– Прошу прощения, вы не можете попасть домой?

На этот раз дама повернула свою голову, словно сова, и ответила очень хриплым голосом:

– Нет, я просто слежу за порядком. Тут всякое происходит... Скоро пойду домой.

– Вам довести тележку до квартиры? Она кажется очень тяжелой.

Незнакомка затряслась, дернула плечами и с трудом взяла себя в руки:

– Я никому не доверяю трогать свои вещи. И всегда ношу их с собой. Не оставляю без присмотра, чтобы их не забрали. А то я потом ничего не докажу. Ничего-о-ошеньки не докажу.

Я вспомнила, как добиралась на занятия к Натану Соломоновичу через центр, на сорок шестом автобусе, который шел мимо

Михайловского замка, Марсова поля и Летнего сада. В салон вошел немытый человек, от которого отворачивались пассажиры. Никто не хотел его замечать. Я до сих пор думаю, что более уместной маскировки просто не придумать: люди боятся смотреть в глаза олицетворению бедности и бездомности, выраженной в отдельно взятом человеке. В этом же автобусе ехал турист, который не представлял, на какой остановке нужно сойти. Он пожаловался, что так и не смог разобраться с местной картой и не представляет, где находится. Кондуктор замотала головой и сообщила, что она не имеет понятия о деталях маршрута, на который ее перевели совсем недавно, а потому она ничем не может помочь. В глазах бездомного зажегся огонек, и он принялся рассказывать про каждую достопримечательность самые интересные факты, сообщил названия остановок и пообещал, что подскажет, где нужно сойти. Гость Петербурга оказался очень растроган – ему провели совершенно уникальную экскурсию и помогли найти дорогу до его отеля.

Женщина вернулась к созерцанию чужих окон в темноте, но ее фигура почему-то ужасно напомнила мне доброго старичка из автобуса. Что-то в них было неуловимо похожее. Богатый жизненный опыт, скрытый под непритязательной на первый взгляд оболочкой, эта невидимость, из-за которой все горожане равнодушно отводили взгляды в сторону...

Когда я добралась до кухни и завела разговор о женщине с тележкой вещей, Гиляид лишь развел руками:

– Местные считают ее городской сумасшедшей, но на деле эта дама в возрасте просто со странностями. Она возит с собой только тетрадки, в которых тщательно записывает каждый свой день – то, что услышала по радио, то, что сказали соседи, и новости, оказавшиеся в газетах, а также то, что увидела и подслушала, наблюдая за местными жителями. Команда зачистки несколько раз меняла ей память, и женщина не может помнить ничего волшебного или inferнального. Записи многочисленных страниц подтверждают мою гипотезу. Вообще, Лизавета больше по теориям заговора. Пытается объединить события, между которыми нет никакой связи... И свет ей отключили, потому что в газете написали про смерть мэра. И шпионят за ней, потому что на телевидении вышло интервью с краеведом, сотрудником музея... У нее много суждений, я не разобрал все ее записи. Но в этом

и нет нужды. Просто у Лизаветы развито воображение. У меня есть версия, что она хочет писать фантастические книги и ищет сюжеты, заимствуя их из жизни и наполняя вымыслом. А пока просто собирает материал. Такой пока еще не признанный Стивен Кинг местного разлива.

Наверно, в каждом населенном пункте есть свои приметно-неприметные люди, про которых слагает городские легенды только молодежь – юноши и девочки пограничного возраста. Не взрослые, но и уже не дети. Почему-то именно подростки смотрят куда пристальнее всех прочих людей и видят все события насквозь, без флера от розовых очков детей или серых оттенков взрослости. Прошла пара дней, и я, как и многие, отодвинула на задний план мысли о Лизавете и черновиках ее невероятных романов.

Жизнь потекла своим чередом, когда я наконец научилась вести бизнес маленькой, но гордой конторы под названием «ЭкоДом». Мне потребовалось чуть меньше недели, чтобы разобраться, как заполнять бесчисленные бланки и отчеты, как общаться с клиентами и грамотно переделать сайт. Вообще, изначально интернет-страничка «ЭкоДома» со всеми своими кислотными рекламными надписями, всплывающими из-за угла экрана, выглядела немного жутковато. Когда я решила, что хуже уже не будет, сообщение о скидке для постоянных покупателей начало пульсировать, увеличиваться и покрываться звездочками, удивительно похожими по цвету и фактуре на пятна ветрянки или бубонной чумы. Мое противостояние с Гилиадам, утверждающим, что «здесь все так ведут бизнес», закончилось полным ребрендингом и переходом на светлую сторону цветовой гаммы. В один из вечеров я сделала макет новой вывески и логотипа компании в фисташково-серебристых оттенках.

На следующее утро я ожидала курьера из типографии с плакатами, а вместо этого встретила на пороге буквальное воплощение той жизни, которую оставила позади. Сероглазый нестареющий юноша с волосами, убранными короной, не мог отвести от меня взгляда. Через секунду в дверном проеме показался мой белый красноухий пес, смущенно склонивший голову набок. Я почти слышала, как вращаются шестеренки в его песьем мозгу – одни механизмы говорили: «Поставь ему свои лапищи на плечи», а другие твердили: «Не стоит безоговорочно доверять сильным мира сего».

– Здравствуй, – я разрушила молчание, которое показалось мне слишком морозным и неудобным. – Ты пришел, чтобы снова задать свой главный вопрос?

Король эльфов покачал головой, и в ответ за его спиной зашумели кроны деревьев. Кажется, они аплодировали.

– Я пришел к некроманту, с которым вы ведете здесь дела. Я здесь с неофициальным визитом. Не будь здесь тебя, я бы сначала навестил Совет волшебников. Мне не хотелось подставлять тебя под удар и запускать веретено бюрократических разборок.

– Я ценю это.

Араун-младший обнюхал мантию Арауна-старшего и потерся об складки ткани белым боком. Так все животные мира испокон веков через людей передают друг другу быстрые послания.

«Мы могли бы быть хорошими друзьями, – подумала я. – Проклятье, ну почему все так сложно?» У короля эльфов было все то, что я больше всего ценила в близких людях, – чувство такта, отличное воспитание, безоговорочная верность. Если бы мы общались больше, он смог бы понять меня, а это, как известно, первый шаг к развенчанию того образа, который люди придумывают, глядя на тех, кто им нравится.

– Сделать тебе травяной чай? – Я не стала говорить Арауну, что полюбила заваривать травы после нашего знакомства. – Гиляд пока на задании, но должен скоро приехать.

– Да, пожалуй, – согласился собеседник, осматривая фойе, занятое моим рабочим столом и небольшим выставочным стендом продукции «ЭкоДома». – Ты могла бы править целым миром, но выбрала совсем другую жизнь. Я уважаю твой выбор, но он меня ранит.

Араун, дождавшись моего кивка, сел на краешек кресла в маленькой зоне для посетителей. Я достала из ящика две кружки и пакет с сушеными цветами календулы, апельсиновыми корками и цукатами. Невысказанные слова повисли в воздухе – нам обоим было понятно, что я променяла жизнь, полную почета и ответственности, на незавидную участь стажера и второй скрипки. Внезапно даже электрический чайник, ютившийся на моем рабочем столе, потому что его оказалось больше некуда поставить, стал свидетельством моей несостоятельности.

– Я слышал, что ты закончила свое обучение на некроманта. Тебе не хватает практики, но ее будет просто неоткуда взять, если ты закопаешься в этих бумагах и не будешь сопровождать своего коллегу.

Король эльфов намеренно выделил слово «коллега», по своей привычке оставляя мне широкое поле для размышлений. Мой пес улегся в ногах под столом и уставился на меня печальными розоватыми глазами. Дрожащими руками я заварила травы, изо всех сил сохраняя самообладание и стараясь не расплакаться. Неприятные факты о жизни, на которые тебе открывают глаза, останутся такими же неприятными, с каким бы уважением и тактом их ни преподнесли.

Дверь офиса со скрипом открылась, удачно заглушив мой невольный всхлип. Араун встал со стула, приветствуя волшебника, застывшего на пороге.

– Уважаемый Гиляд, я – Араун, король эльфов. Я пришел к вам, чтобы сообщить, что до нашего мира доходят волны и всплески дикой, злой силы. Эпицентр находится на том месте, где располагается город, который вы оберегаете.

В глубине души я знала, эта информация была сказана только для меня. Это было и предупреждение, и предложение разобраться в необычном феномене. Все миры, конечно, были связаны между собой. Но очень редко деятельность, которую кто-то разворачивал в своей реальности, касалась реальности иной. Араун подошел, чтобы поцеловать мне руку, и удалился в кабинет Гиляда Вайса. Другой разговор для моих ушей не предназначался. Я скорее почувствовала, чем услышала, как эльф накрывает комнату завесой непроницаемости, блокирующей все разговоры. Чашка травяного чая осталась на моем столе нетронутой.

Дружеский визит продлился дольше, чем я могла предположить. Мозг услужливо рисовал образы происходящего за закрытыми дверями, поэтому в моем воображении мужчины то хвалились своими подвигами и ностальгировали по прошлому, то мерялись магической силой. При этом в реальности Араун скорее делился своими данными и показывал свои воспоминания, а потом сравнивал с ситуацией в нашем городе. Запоздавший курьер передал баннер для стенда и уличную вывеску, я приняла несколько телефонных звонков и оформила больше десяти заказов на доставку удобрений. Рабочий день подошел к концу, и одновременно с его завершением открылись двери

в кабинет некроманта. Хмурый, уставший и потерянный, Гиляд Вайс смотрел в пустоту и не шевелился. Араун вышел из офиса, потрепал своего пушистого тезку и взял горсть сухих листьев из своего кармана. Он исчез, раскрутив указательным пальцем небольшой ручной смерч из трав и цветов. Запахло терпким медом и акацией, но этот аромат из приоткрытой завесы быстро рассеялся призрачным шлейфом. Остались только нотки дождя и скошенной травы – запах удивительно обыденный и ничуть не волшебный. Именно этими духами меня встретил город на платформе.

«На настоящие задания? А по кускам ее потом кто соберет?» – Среди ворчания Гиляда мне удалось разобрать только эту фразу.

– Твой старый знакомый подкинул мне непростую задачку. С одной стороны, мне нужно понять, что происходит с этим городом. С другой – необходимо безопасно обучить тебя мастерству некроманта в реальных условиях, а не только в теории. Я согласен с королем эльфов лишь в одном – лучше уж мы вместе с тобой будем пытаться понять странную городскую аномалию, чем ты бросишься расследовать все одна и подвергнешь себя большей опасности.

Волшебник предложил выгулять пса в парке неподалеку и заодно решил ввести меня в курс дела:

– Король эльфов утверждает, что оберегаемый мной город сильно меняется. Как будто его кто-то переписывает. Или даже перерисовывает. – Я заметила, что Гиляд избегает называть Арауна по имени и ограничивается лишь обозначением его титула. Не буди лихо, не так ли?

Я задумалась. Что значит «перерисовать город»? Расставить в других местах парки и пруды? Поменять архитектуру? Вычеркнуть какой-то период истории, словно его никогда и не было? Добавить жителям в коллективную память события, которые не случились? Я вспомнила, что психологи для одного своего эксперимента взяли детские снимки подопытных и при помощи фотошопа поместили маленькие детские фигурки в корзину огромного разноцветного воздушного шара. Около сорока процентов людей не просто вспоминали это выдуманное событие родом из далекого детства, они еще и оплетали его вкусными и яркими подробностями. Нет, если бы кто-то решил внедрить ложные воспоминания горожанам, то мог бы не тратить магию, а просто написать научный труд и выпустить пару-

тройку выдуманных статей в известных журналах. Для достижения максимального эффекта желательно еще добавить немного поддельных гравюр или фотографий соответствующего качества. Спустя пару лет мало кто бы усомнился в вымышленности исторического факта.

– Тот, с кем мы имеем дело, – продолжил Гилянд, – перестраивает все на свой лад. Он, как паук, ткёт ткань реальности под себя. Наш остроухий друг почувствовал эхо преобразований в своем мире и забил тревогу. Проблема в том, что изменения затрагивают сразу весь город и не локализируются в конкретном районе. Словно тот, кто заварил эту кашу, находится одновременно в разных местах. Ну или удачно это имитирует.

Переплетенные прямо над фонарем ветви деревьев бросали на дорожку тени. Из-за этого на асфальт падало кружево из света и полумрака. Гончая дикой охоты бежала чуть впереди, напоминая призрака: шерстинки пса в послезакатных сумерках искрились лунным светом.

– В чем конкретно выражаются преобразования? – Я попыталась вспомнить всех существ из бестиария, о которых мне рассказывал наставник. Обычно либо магическому созданию уже подходила наша реальность, либо он начинал задыхаться раньше, чем успевал что-либо предпринять. До сих пор археологи находили странные скелеты созданий, не сумевших адаптироваться, и признавали их фальсификатами. – Если речь идет о вымирании целых видов или сокращении популяции птиц и животных, то можно заподозрить рептилоидов.

– В том-то и дело. Никто бесследно не исчезает. Никто не спешит вымирать. Не меняется соотношение суши-земли, поэтому мы не можем заподозрить амфибий. Но что-то все равно творится. Кого мы еще забыли упомянуть?

– Похоже, что никого. Что мы вообще знаем об этом городе? – Мне показалось, что стоит попробовать решить проблему с другого конца. – В этом городе не рождаются некроманты. А ученики волшебников, которые приезжают сюда, теряют свои силы и со временем становятся людьми. Только некроманты остаются некромантами.

Гиляд вывел нас к центральному фонтану, и шипение падающих брызг немного перекрыло наши голоса. В воде отражалось бездонное небо, сшитое из голубых, розоватых и синих лоскутов. В детстве я думала, что, если забраться в круглую чашу фонтана, мир перевернется, и под ногами у меня окажется сладкая вата из облаков. В своих фантазиях я, конечно, всегда ела легкую ватную паутинку, и в каком-то городе из-за этого не проливался дождь – ведь все дождевые облака были съедены.

Я достала телефон и набрала номер своего учителя:

– Натан Соломонович, здравствуйте, известно ли вам что-нибудь о пропаже экспонатов из музея при Волшебном совете?

– И тебе здравствуй, Адель. Как устроилась на новом месте?

Я замялась. Мне хотелось быстрее проверить свою догадку.

– Из музея ничего не крали. И предупреждая твой следующий вопрос – нет, никто из семей о пропаже семейных реликвий не объявлял. Если у тебя будет настроение, позвони вечером, расскажешь, как прошли первые дни на работе.

– Обязательно. Может ли такое быть, что какая-либо магическая вещь осталась без присмотра? – Я приглушила голос, спохватившись, что кто-то может нас услышать. Никому не было до меня дела. Если бы я была человеком и услышала бы чьи-то разговоры про магию и артефакты, то решила бы, что речь идет об очередной компьютерной или настольной игре. Но перестраховаться было нелишним.

Натан Соломонович громко задумался на том конце провода:

– Нет, в этом году все владельцы ценных артефактов являлись на проверку в Совет волшебников. Такие вещи всегда тщательно отслеживаются. А почему ты спрашиваешь?

– Помогаю Гиляду расследовать одно странное дело. Мы отсекаем все варианты – даже самые безумные. – Я посмотрела на скамейки вокруг фонтана.

– Понятно. В любом случае рад был тебя услышать.

Облокотившись на белые изогнутые спинки, в полутьме парка сидели подростки всех возрастов – и школьники, и студенты. Лица многих подсвечивали экраны смартфонов, выхватывая из темноты только овал без тела, что выглядело достаточно зловеще. Компания ребят зашумела, и из переносной колонки раздалась громкая современная музыка, в которой слова не угадывались совсем. Под

однообразный мотив исполнитель песни загундосил и завыл, промахиваясь мимо нот. Гиляд нервно дернулся и предложил вернуться домой.

Дома было тихо. Я посмотрела на карту города, вырезанную из дерева разных пород, а потому и оттенков. Каждый цвет обозначал конкретный район, а в темноте даже включалась бледно-желтая подсветка. Гиляд решил при помощи маленьких разноцветных бумажек отметить те места, где чаще всего появлялась нежить, чтобы попробовать получить общую картину происходящего. Некромант по очереди вспоминал все свои дела за последний год, помечая их яркими прямоугольничками. В итоге на кухне стало уютнее и веселее, но ситуация так и не прояснилась. Каждый район нежить оккупировала с приблизительно одинаковым успехом, не отдавая предпочтения конкретному месту, где ее можно было бы выследить и обнаружить. В конце концов Гиляд сдался и переключился на вечернюю беседу:

– Как получилось, что ты стала некрмантом?

– Мою жизнь нельзя было назвать обычной. Если бы я не стала некрмантом, то даже не знаю кем. – Я позволила себе скользнуть в те давние воспоминания.

Не ночь, но уже вечер. Мне всегда казалось, что в городе поздней осенью темнело непозволительно рано. Мне пять или шесть лет, и я иду рядом с бабушкой в магазин, ведь мама работает допоздна. Я иду рядом с бабушкой, потому что «меня нельзя оставить дома одну». Возле нашего дома, который в трех остановках от Невского проспекта, нет ни одного продуктового магазина, только небольшой круглосуточный ларек с очень высокими ценами. В моем детстве не было супермаркетов. Сияющие витрины, полные еды во всех ее формах и упаковках, расположились на первых этажах бывших доходных домов. Я всегда что-то прошу купить, меня завораживают цвета и обертки, блеск софитов и, конечно, запахи. Я хочу немного печенья с шоколадом, и конфет на развес, и пирожных с пушистой кремовой глазурью. И сколько бы мне ни твердили, что на них совсем нет денег, я не устану просить и уговаривать. Бабушка ужасно утомлена, она расстроена, что ее бывшую жизнь начальницы завода унес ветер перемен. И вместо понимающих коллег с похожими интересами и хобби ей досталась я, ершистый фантазер, не прекращающий болтать.

– Посиди на остановке пока, хорошо? Я скоро буду. – Совсем еще не старая женщина, досрочно отправленная на пенсию, тяжело вздыхает и добавляет: – Я буду видеть тебя вон в то большое окно. Никуда не уходи, слышишь? Дождись меня.

Теперь нас разделяют два стекла – одно от арочного окна, а второе – от навеса автобусной остановки. Я чувствую себя как в аквариуме. Холодный ветер улицы так резко контрастирует со знакомым теплым какао-бризом, поселившимся в магазине. Проходит минут семь или десять, а очередь, заканчивающаяся на моей бабушке, все также неспешно движется вперед. Мне кажется, что минула целая вечность. Знакомое зеленое пальто из драпа теряется и оказывается перегорожено широкой мужской спиной. Бабушка оборачивается и выглядывает в проход магазина, чтобы убедиться, что я все еще на месте.

У меня в перчатках замерзают пальцы, и я мечтаю только о том, чтобы поскорее добраться домой, где батареи топят жарко, а меня ждет шалаш из стульев и одеял. К остановке то и дело подъезжают разные троллейбусы и автобусы, забирая с собой людей, но я не знаю, который из них привезет меня в нужное место. Все мои вопросы решаются, когда я вижу, как рядом замирает покатый автобус в черную полосу. Он похож на колорадского жука и выглядит очень знакомо. Автобус точно поедет в нужную сторону! Об этом говорит и аккуратная вывеска, закрепленная на лобовом стекле, которая гласит «ДОМОЙ». У меня нет сомнений, и внутренний голос нашептывает, что мама уже вернулась с работы и откроет дверь, стоит мне нажать кнопку звонка. Я забираюсь внутрь чрева, усаживаюсь на сиденье из кожи и смотрю на желтые, неприятно-масляные огни улиц. Я не сразу понимаю, что в салоне автобуса, кроме меня, нет совсем никого. Даже кондуктора. Осознание приходит позже, когда меня уносит прочь по незнакомой дороге на большой скорости. Раньше я часто видела, как куда-то мчатся рейсовые автобусы, опустошенные, темные, совсем без пассажиров. Они всегда казались призраками, появившимися, чтобы сразу исчезнуть и оставить теряться в догадках других людей. Хватаясь рукой за поручни, я двигаюсь в сторону кабины водителя, заклеенной выцветшими календарями за разные годы. В небольшое окошко я вижу баранку руля, крутящуюся саму по себе. Мимо проплывает остановка, словно островок спокойствия и безмятежности.

Руки сжимаются в кулаки, и я отчаянно барабаню в окно, пытаюсь привлечь внимание. Но меня сопровождают уставшие и равнодушные взгляды взрослых, ожидающих более подходящий транспорт. Их глаза смотрят сквозь меня, и мне начинает казаться, что я и вовсе перестала существовать.

И когда я окончательно теряю надежду, автобус резко тормозит так, что я ударяюсь лбом об валик оббитого кожей поручня впередистоящего кресла. Я поднимаю глаза и замечаю, что на пути откуда-то возникает высокая женщина в высоких сапогах и шерстяном костюме в серую клетку. Мне не слышно, какие слова она произносит, и я едва успеваю заметить, что она рассыпает цветной песок перед кабиной. На несколько секунд улица превращается в серебристо-голубую пустыню – с настоящими барханами. Из-под гигантских песчаных склонов выглядывают крыши пятиэтажных домов вдали, деревья с пустыря у подножия насыпных гор застывают зелеными оазисами. И только дорога окутана легким слоем блестящих песчинок. Дверь рядом с водителем открывается, и незнакомка уверенно заходит в салон. Видение пустыни за окнами исчезает, но на сапогах женщины я вижу всю ту же блестящую пыль. Дама легко берет меня на руки, несмотря на то, что я уже совсем немаленькая. Она шепчет слова успокоения, звучащие удивительно причудливо и распевно.

– Это был просто автобус, идущий в парк. Кондуктор заснула и забыла предупредить пассажиров, что нужно выйти на конечной.

Она пытается помочь мне забыть все то, что случилось, но вместо этого я вижу все происходящее с чужого ракурса. Одержимый злым демоном автобус хотел хорошенько напугать очередную жертву, прежде чем поглотить. Инфернальное создание питается страхом. Нужно успеть спасти маленькую девочку, изгнать сущность и сделать бабушке внушение. Дети не должны платить за ошибки взрослых. Тем, кто заботится о незащищенных, следует всегда быть внимательными и настороже.

– Мама говорила, что врать – нехорошо. Мне нестрашно, я не боюсь вашего демона.

– Даже так, милая? – печально вздохнула женщина. – Даже так?

Можно сказать, что мне не было предначертано стать некромантом. Можно подумать, что мне потом не снились взбесившиеся автобусы-призраки. Но мама и правда учила меня

говорить только правду. С тех пор я ненавижу желтый свет фонарей, который прочно переплелся с событиями того вечера.

Ловлю себя на том, что, утопая в приторной до тошноты патоке воспоминаний, я невольно расфокусировала картинку происходящего. Гиляд уставился на меня непонимающе, и я протянула ему ладонь, чтобы поделиться событиями прошлого. Запомнила бы я тот злополучный день, если бы некромант не касалась меня рукой во время процедуры удаления воспоминаний? Запечатлелись бы тогда картинки того дня? Перед глазами отчетливо, словно на пленке, проявился офис волшебника.

– Подожди, это ты тот самый юный некромант, посвященный в профессию по ошибке?

Я кивнула, отпуская пальцы волшебника.

– Никто толком не знает, почему все произошло так. Но я вижу в том событии и плюсы. Для меня переход прошел почти безболезненно. Это как переболеть ветрянкой – проще в нежном детстве, чем во взрослом состоянии.

У меня был очень громкий голос: он, словно пули, прошивал стены и устремлялся в квартиры к соседям. Подозреваю, что жителям нашей лестничной клетки могло показаться, что я специально достала громкоговоритель, чтобы помешать им заснуть. Стрелка часов стремилась к цифре 11. Кто-то не поленился постучать в дверь моей квартиры.

– Откройте, это соседка снизу! – Как оказалось, звуки разговора легко преодолевали даже несущие межэтажные перекрытия дома.

Безобидная фраза уже звучала как претензия в суде. Я зажала рот ладонью и выдавила извинения. Гиляд вздохнул, что-то вспоминая.

– Ты даже представить не можешь, сколько соседка написала на меня жалоб! «Затопил мой застекленный балкон», «Испортил дорогой ремонт в ванной. Из-за того, что сосед сверху сносил перегородки стен, у меня треснула кафельная плитка». И это при том, что в съемной квартире я даже гвоздя в стену не вбил. Карта города, например, крепится при помощи специального клея, – шепотом пояснил волшебник. – Меня расстраивает эта откровенная ложь и требование немедленно исправить чужую жизнь. Если бы бабушка попросила ей помочь, я бы дал ей денег или оплатил специалиста по ремонтным работам. Но Нина Владимировна из другого теста: она не привыкла,

что ей делают одолжения, ведь всю жизнь на должности начальника отдела культурно-просветительной работы она лишь раздавала приказы и сыпала запросами.

Гилиад прошел по длинному неосвещенному коридору:

– Да, Нина Владимировна, вы что-то хотели?

На лестничной клетке мялась очень бодрая пенсионерка в нескольких слоях одежды.

– Ночь на дворе, а вы тут шумите! Приличные люди уже давно спят! Замолчите сейчас же, а не то позвоню в полицию. – Поток претензий прервался, и бабуля схватилась за сердце.

Жест показался мне картинным и наигранным, но когда я посмотрела под стол, то поняла, что именно заставило соседку замереть и округлить глаза от ужаса. Из кухни исчез Араун. Зато в темноте, на уровне пояса взрослого мужчины, горели гигантские красные глаза.

– Демон! Исчадие ада! – завопила Нина Владимировна и, опираясь на перила, поспешила покинуть лестничную площадку. Я так и не поняла, кого она назвала демоном и исчадьем ада – Гилиада или Арауна.

– Что вы, Нина Владимировна! Сестра из Петербурга привезла любимую собачку! Она без нее никуда!

Что-то мне подсказывало, что отныне бессмысленные визиты с целью потребовать денег на ремонт прекратятся раз и навсегда.

Гиляд. Птицы перемен

С тех пор как меня навестил король эльфов, мне стало казаться, что за мной следят. Это ощущение не покидало меня за завтраком, усиливалось в обед, а перед сном становилось просто невыносимым. И даже ванну принять не получалось спокойно. Араун дал мне на разгадку задачи ровно неделю, и я знал, что по истечении срока он доложит Совету волшебников о странных событиях, волной докатившихся до его царства. Я больше не имел права ошибаться и не мог себе позволить упустить «вторжение темных сил» – как окрестила происходящее Адель. В итоге даже она заметила, что я замкнулся в себе. По ночам мне стал сниться сон, в котором король эльфов впрягал меня в упряжку, как лошадь, и заставлял бежать вперед, размахивая морковкой на удочке. За первые три дня расследования мы с Адель проверили все амулеты, убедились в их работоспособности и соорудили парочку новых. Патрулирование города никаких результатов не дало, и мне уже стало казаться, что надо мной просто жестоко подшутили или попытались манипулировать.

Не выдержав, я признался во всем Натану Соломоновичу, но он тоже потерялся в догадках. Его предложение заключалось в ожидании следующих всплесков силы и возможных последствий. На четвертый день мучений я был рад немного отвлечься и выполнить часть своего

обещания, показав своей напарнице одну грань нашей работы на посту стражей города.

За завтраком Адель по обыкновению читала газету, которую нам доставляли до почтового ящика на первом этаже парадной. По утрам моя напарница, позевывая, выпускала Арауна на лестничную клетку и ждала, пока он спустится до лестничной площадки с ящиками. Пес зубами доставал плотно свернутый рулон, пахнувший типографской краской, а затем возвращался обратно. Напарница поначалу внимательно прислушивалась к тому, как сотрясалась от мощных шагов Арауна лестница, и опасалась услышать недовольные жалобы соседей. Однако с тех пор, как пару дней назад под громкий визг жительницы с четвертого этажа по всем ступенькам раскатились фрукты и овощи из ее тяжелой сумки, все обитатели квартир предпочли несколько изменить свой график. Теперь они, не сговариваясь, выходили на работу либо чуть позже, либо чуть раньше утреннего забора прессы Арауном и мило улыбались мне, если я показывался без собаки.

Девушка поудобнее уселась в кресле на кухне и перевернула последнюю страницу газеты, внимательно изучая раздел рекламы. Адель с самого приезда в город оказалась одержима его историей и всеми текущими событиями.

– Ну вот, опубликовали обновленный баннер «ЭкоДома». Он выгодно выделяется на фоне остальных рекламных сообщений, – Адель протянула мне листок через стол, – смешнее всего выглядят объявления о риелторских услугах. Смотри – раз, два, три, семь, нет, целых тринадцать объявлений о помощи с продажей и покупкой жилья. Мне кажется, здесь столько квартир не продается, сколько есть компаний, предоставляющих услуги продажи.

Я взял листок и внимательно рассмотрел черно-белый лист, разделенный на аккуратные прямоугольнички с перечислением услуг и номерами телефонов, по которым эти услуги можно было получить. Я только сейчас заметил, как права Адель – в нецветном варианте другие рекламные сообщения и правда выглядели немного уныло и безвкусно. И вообще, своими жирно очерченными рамками напоминали надгробные камни. Как будто кто-то ставил памятник своей деятельности.

– Раз есть столько агентств, значит, и сделки с недвижимостью должны быть востребованы, – предположил я, – ну иначе риелторы бы обанкротились и закрыли свои конторы.

– По сути, среди всех объявлений в газете здесь представлены только мы, риелторы, агентство путешествий, с которым мы делим крыльцо, салон красоты и специалисты-дезинсектиционисты. То есть дезинсектологи.

– А вот это уже наши друзья не-волшебники. – Я съел последний кусочек яичницы в хлебе и отложил сложенный газетный лист на пустой стул рядом.

– Артефакторы, – согласилась Адель. – Я подумала, что Натан Соломонович шутит, когда говорит, что в этом городе всего одна семья хранит у себя древний артефакт. У меня в соседнем доме живет целых пять таких семей. Несколько сотен семей по всему Петербургу...

Я вспомнил, как любили селиться поближе друг к другу не-волшебники. Они часто выбирали дома постарше, с историей, там им легче дышалось, и фамильный артефакт успокаивался, напитываясь окружающей силой. Артефакторы сами силой не располагали, в отличие от некромантов, зато использовали разные магические амулеты, ожерелья, древние книги, да, в общем-то, все, что угодно. Вместилище волшебной силы могло выглядеть по-разному, например, на экскурсии в музее, основанном Советом волшебников, я видел за стеклом чье-то исподнее, наделенное необычными возможностями. Похоже, что чувство юмора у ребят из прошлого было весьма странное. Иногда я представлял, как целые поколения собираются вокруг волшебных портков и используют их не по назначению – позволяя пробраться в мир любовной магии. «Владельцы вещи держали гадательный салон Приворот отворот», – гласила табличка, прикрепленная к музейному стенду. Да, нижнее белье закончило свои годы экспонатом, но лишь потому, что все представители рода умерли и не оставили потомства, – такое встречалось особенно часто после 1917 года.

– Здесь никто не хочет жить, – я вздохнул, – и даже другие Артефакторы отсюда уехали.

Современные некроманты настоящий артефакт создать не могли. Почти все заколдованные вещи так или иначе отнимали часть нашей энергии, постоянно ею подпитываясь. Ловушки для inferнального

потребляли больше всего, а меньше всего забирали уже изобретенные человеком и доработанные некромантом сложные механизмы вроде моих детекторов нечисти. Каким-то образом волшебники прошлого смогли обуздать силы природы и пользовались их ресурсами, а не своими собственными, исключая из цепочки передачи силы себя самих. Негласно считалось, что в нашем мире произошло какое-то событие, лишившее волшебников их мощи, и с тех пор больше никто не создал ни одной безделицы, которой подпитка извне была не нужна совсем. В музеях до сих пор занимались исследованием вещей, которые даже после смерти своего создателя продолжали исправно выполнять свою функцию. В любом случае покинутые артефакты без хозяина начинали беситься и выплескивать неконтролируемую силу. Именно поэтому Адель сразу после рассказа короля эльфов решила позвонить своему учителю и уточнить, не пропадали ли семейные или музейные реликвии. Магическим безделицам всегда нужен уход – даже в музеях опытные сотрудники не забывали регулярно разряжать накопленную экспонатами энергию.

– И как тебе семья? – прервала мои размышления Адель. – Не злоупотребляют силой?

– Семья вполне приличная, у них веками хранилась Гамельнская дудочка, но никого крупнее тараканов они ею не выманивали. Держат свой маленький бизнес по устранению насекомых. Да и легенды любили преувеличить – в Средние века Гольштейны один раз изгнали вместо насекомых крыс из Гамельна, и вот уже в воображении людей на поводу мелодии шли не грызуны, а домашние животные. Немного фантазии – и в летописях через несколько десятков лет домашние животные заменились детьми.

– Охотно верю. И все-таки интересно, что вместо красивой легенды о гипнотической музыке, которая очистила город от разносчиков заразы, мы получили назидательную сказку о том, что нельзя обкрадывать музыкантов. Ведь раз мелодия крысолова увела за собой грызунов, то может забрать и детей, если попытаться обмануть дудочника и не заплатить ему обещанное вознаграждение.

Гамельнская дудочка действительно существовала. Она путешествовала по всему миру вместе с хозяевами, оплетая себя не самыми лестными сказаниями, а потом осела в России. Не-волшебники были потомками тех самых могущественных некромантов

прошлого, вот только почему-то начисто были лишены силы. Им оставалось пользоваться артефактами своих предков и контролировать разрядку вещей, понемногу выпуская магию в мир. Совет волшебников уважал наследников и не требовал чужого – как мне казалось – отчасти из уважения, отчасти – из опасения, что в потомках могут проснуться могучие силы прошлого. У Артефакторов даже был свой собственный «сезон охоты» – шесть недель поздней осенью и ранней весной, когда можно было всю пользоваться силой, спрятанной в безделицах. В это время в подконтрольном мне городе на дверях парадных начинали появляться объявления в духе: «В вашем доме будет проводиться санитарная обработка от тараканов, клопов, муравьев и блох».

Через окно кухни было видно, как август клонился к концу и, словно переживая душевный кризис по юности и золотому лету, решил зарядить реквиемом из дождей. Было раннее утро пятницы, за окном ливень превращал тропинки в ловушки из коричневой грязи, цепко хватающие случайных прохожих за щиколотки. Даже гончая дикой охоты решила уподобиться всем земным собакам и дремала у входа в квартиру. Я посмотрел на часы и понял, что пора собираться на важное задание, а потому перевел тему:

– У тебя с собой фирменная обувь петербуржца?

– Резиновые сапоги? Всегда!

– Надевай их, сегодня мы идем в лес на твоё первое задание. – Я снял с сушилки серый свитер крупной вязки. Такие ещё обычно можно встретить на англичанах или на постановочно-романтических фотографиях, посвящённых осени, камину и чашкам какао. Мне свитер нравился за свою практичность и наличие высокого, но не сдавливающего ворота. – Одевайся теплее, пожалуйста.

Можно было бы поехать на машине, но Арауну нужна была прогулка, поэтому мы вышли заранее и двинулись в сторону елового леса, казавшегося голубым из-за необычайно густого тумана. Ливень перешел в неясную морось, но Адель все равно не снимала капюшона, накинутого на тонкую шапку. Мы брели мимо района частных домов с резными ставнями и узорами на фасаде. Затейливые деревянные линии окон напомнили о лете в родительском поместье под Гатчиной. У меня был огромный соблазн снять себе жильё здесь, вместе с просторным участком, дровницей и зарослями цветов под окном, но потом я

подумал, что моя профессия просто не оставит свободного времени на заботу о доме. А если я замерзну, то не всегда найду время разжечь огонь печи или затопить баню, когда захочу помыться вечером после работы. Не говоря уже о том, что я не выкрою и лишнего часа в день, чтобы разбить свой сад или хотя бы не дать умереть тому, который высадит арендодатель.

Вскоре строения остались позади, и Араун побежал в чащу, обрадованный лесными запахами.

– А что у нас за задание? – спросила Адель. – Я не слышала, чтобы твой телефон вибрировал или оживились амулеты. Что нам предстоит сделать?

Мне хотелось показать и красивую сторону нашей работы. Но все необычные и завораживающие моменты лучше преподносить в виде сюрприза.

– Увидишь.

– Мы что-то ищем? – Напарнице явно не доставало терпения. – Может, потерянный артефакт? Или нужно разглядеть отпечатки в грязи? Мы кого-то выслеживаем?

Я вовремя поймал рукой ветку, которую девушка задела плечом и едва не ткнула себе в глаз.

– Потерпи чуть-чуть.

Под ногами чавкал ковер из иголок и грунта, а я и без всяких карт знал, где остановиться. Знакомая полянка образовывала почти идеальный круг, на котором отказывались расти деревья и кусты.

– А теперь стой здесь. Очень важно, чтобы ты никуда не двигалась – вне зависимости от того, что увидишь. Придется подождать – мы пришли пораньше, чтобы случайно не пропустить важное событие.

По моей просьбе Адель взяла на поводок Арауна и принялась осматриваться.

И когда мне показалось, что терпение напарницы лопнет, на высоте шести метров над землей открылись два портала. Они выглядели как два гигантских кольца, отделенные друг от друга поляной. Я размял пальцы и приготовился действовать. Адель застыла с видом человека, который ждет, что фокусник сейчас вот-вот вытащит из шляпы кролика. Сначала я услышал тихий напевный клекот, а потом увидел огромные крылья в нежно-розовом оперении. Стая птиц,

напоминающих крайне крупных фламинго, начала свою миграцию из северного мира в южный. С узорчатых перьев слетали лепестки сакуры, неторопливо кружащиеся в завораживающей балетной партии.

– Говорят, что на этих птицах, Шкитан, держится сразу несколько миров, – я нарушил молчание, чтобы поведать старую как мир легенду. – Пока живы предки фламинго, миры стоят нерушимо. Шкитан почти не оставляют потомства, их дети рождаются едва ли раз за сто лет. Эти птицы – символ жизни и победы над смертью. Но у них есть заклятые враги, олицетворяющие тьму и пустоту, – те, кто желает поглотить Шкитан и установить свой порядок – антижизнь. С самого основания орден волшебников-некромантов защищает редких птиц и обеспечивает им комфортный переход из одного мира в другой через наш. До нас Шкитан сопровождали ведуны, а до них – жрецы племен. Два раза в год я прихожу сюда, чтобы выполнить свой долг и не дать тьме поглотить свет.

Еще до того как следом за фламинго появилась стая волков, я услышал их протяжно-натужные хрипы. Гигантские костлявые создания лишь условно звались волками. Чаще их называли Фенрирами, в честь зверя из скандинавской мифологии, убившего всеотца богов. Мне всегда казалось, что Фенриры больше похожи на скелеты медведей, обтянутые странной бархатно-малиновой шкурой.

– Я слышала эту легенду, – сказала Адель, не сводя глаз с процессии Шкитан, воздушно парящей в сторону второго портала. – Это правда, что птицы уязвимы только в нашем мире?

Хрипы нарастали, и теперь к ним примешивалось жадное клацанье зубов. Я оставил вопрос без ответа и раскинул легкую магическую сеть прямо под линией полета розовых фламинго. Мне потребовалась вся мощь распахнутого портала, чтобы удержать свое магическо-оградительное сооружение. Адель взмахнула рукой и подкинула сгусток своей силы в мою сеть, связывая звенья еще более крепко и надежно.

Из портала вырвалась дикая свора, то сплетающаяся в клубок и грызущаяся, то бросающаяся вверх в диком припадке безоговорочной злобы. Фенриры раз за разом налетали на мою сетку, сверкающую голубыми искорками электричества, и отскакивали от нее, словно мячики. Под их лапами в грязь втапывались розовые лепестки сакуры, и поляна из прекрасного сказочного места превращалась в

поле боя. Араун посмотрел на хозяйку, смущенный и удивленный. Адель что-то зашептала ему, но ее голос растаял среди гвалта, визга и электрического треска. Волко-медведи скользнули в портал следом за своей добычей, подчиняясь воле вечного круговорота жизни и смерти. Порталы захлопнулись, словно их никогда здесь и не было. Моя напарница выглядела очень довольной, она чувствовала себя одновременно спасительницей, помощницей и стражем своей реальности. Я ощущал, что однажды наш мир проиграет бой тьме, мы канем в Лету, и начнется чужая эпоха. Возможно, и не из-за уничтожения розовых фламинго, а из-за чего-то другого. И совсем иные создания начнут свое бытие во враждебных для меня условиях и чужих для меня временах. Для кого-то моя смерть будет означать жизнь. Я не мог перестать об этом думать и знал, что однажды и Адель все поймет.

– Да, Шкитан уязвимы только в нашем мире. Именно поэтому мы и бережем их переход. И еще интересный факт... – Амулет в кармане нагрелся, предупреждая об угрозе. Я достал один из трех камней, которые звякнули, соприкоснувшись боками. Темно-красный.

Адель посмотрела на руны, аккуратно начерченные моей рукой. Я вспомнил, как выводил борозды вручную, корябая поверхность гладкой плоской гальки.

– Земля. Угроза идет из недр земли, – произнесла Адель задумчиво. – Как глубоко ты поместил маяк?

– Я оставил второй камень в одном из туннелей подземной части города. Я даже не знаю, с чем столкнусь там... Наверно, мне следует пойти одному.

Напарница посмотрела на меня осуждающе и тяжело. Я исправился:

– Если ты пойдешь, то будешь делать ровным счетом то, о чем я буду просить. Если скажу, что дальше ты не идешь, значит, не идешь. Попрошу отнести образцы в офис – значит, возьмешь пса и понесешь. А если какое-нибудь щупальце утащит меня в свои подводные недра и я пробулькаю тебе со дна: «Звони Натану Соломоновичу...» И что ты тогда сделаешь?

– Позвоню Натану Соломоновичу? – усмехнулась Адель.

– Да, но сперва уберешься подальше от ливневки и моих печально выпускаемых на поверхность воды пузырьков. Идем в офис за

универсальным магическим ключом.

Девушка отпустила Арауна с поводка и молча покачала головой. На женском языке это означало что-то вроде: «Вот чудак! Ну почему эти мужчины просто не могут быть иногда нормальными?»

– Может, это и есть что-то вроде второго симптома вторжения темных сил? – Из рта Адель вылетело облако пара.

Я вздохнул и повел нас обратно через лес.

– Я же говорил, что пока рано называть всплеск странной энергии, о котором нам рассказал король эльфов, вторжением темных сил. Возможно, мы имеем дело с очередным проявлением природных и географических особенностей города.

– И все-таки, – возразила напарница, – похоже, что я угодила прямиком в самую гущу событий.

Я начинал думать, что Адель прямо-таки притягивает неприятности.

Адель. Незваные гости

По дороге проехала «газелька», на тенте которой красовался старый, запыленный и грязный логотип компании «ЭкоДом». Мысленно я добавила себе в список задач обновление дизайна грузовой машины и попыталась представить, кому именно сейчас везут заказанные удобрения. Может быть, старушке, которая живет заботами о своем фруктовом саде? Или владельцу загородного дома, который выращивает редкие сорта растений? Но почти наверняка заказ ехал к местным агрофермам с парниками. Только эти ребята и продолжали стабильно закупать продукцию фирмы Гириада в конце лета, если верить аналитическим таблицам сбыта за прошлые годы.

Мы вернулись уже знакомой мне дорогой и направились вдоль кирпичных пятиэтажек советской застройки по центральной улице города. Вокруг было удивительно пусто, и лишь иногда нам встречались мамы с колясками, вооруженные подозрительными или отсутствующими взглядами.

– Десять часов утра. Почему вокруг никого? Может быть, мы проспали апокалипсис?

– Просто почти все давно на работе, да и сезон отпусков закончился. Те, у кого отпуск еще длится, проводят последние

умеренно теплые деньки на даче за городом. Вот и остаются только женщины в декрете.

– И все-таки я никогда не привыкну к тому, что тут рабочий день начинается в семь часов утра. Как-то это бездушно. Мы, кстати, идем в какое-то конкретное место?

– Сначала зайдем в офис – мне там кое-что нужно. Я тебя понимаю. Хотел бы я тебя утешить, что к таким вещам привыкаешь, но на самом деле это не так. Чувства инаковости и отличия от той картины, к которой ты привыкла в мегаполисе, будут только расти и со временем начнут беспокоить своей неправильностью еще больше.

Почему-то люди совсем перестали встречаться нам на пути. Три или четыре квартала мы ни с кем не столкнулись. Я оглядывалась по сторонам и запоминала это сюрреалистическое ощущение – утро, туман, разлитый по разлинованному, словно лист бумаги, шоссе. А вокруг – одна гулкая тишина. На Садовую вырулил одинокий серый автомобиль, который должен был разрушить морок, но он лишь усилил ощущение того, что я попала на какой-то полигон для испытаний сценариев конца света. Араун ткнулся мне в руку, улавливая смену настроения. Заметив, что мне не по себе, Гиляд попытался утешить меня:

– Ты всегда можешь уехать отсюда. И я в любом случае напишу тебе хорошую рекомендацию.

Вскоре показалось крыльцо офиса, с трудом угадывающееся в молочно-сизых декорациях поставгустовского утра. Шторы на окошке квартиры над конторой предательски дернулись, выдавая незримо наблюдателя. Из окон здесь смотрели так часто и так пристально, что я невольно начала ощущать себя как загнанная лань – под постоянным прицелом кого-то, кто прячется в тени. Отогнав ассоциацию с кукловодами и проклятиями, я вошла в офис следом за некромантом. От лап Арауна на полу оставались отчетливые отпечатки, а в своих следах я обнаружила даже пучки травы, воткнутые в клочья грязи.

– Нашел, – сообщил Гиляд и похлопал себя по карману.

Туман начинал быстро рассеиваться и подбирал полы своего сизого платья, словно дама девятнадцатого века, перепутавшая купе в расписном Восточном экспрессе. Волшебник свернул на улицу, ведущую вниз по холмистой местности, и мы двинулись в

направлении Старого города. Мне захотелось рассмотреть уже знакомые здания. Я в удивлении охнула.

– По-моему, нам уже не нужно спускаться в подzemелья этого города. Мне кажется, я знаю, что не так.

Почти у каждого дома по улице, резко ведущей вниз, была пристройка цокольного этажа, необходимая, чтобы сгладить крен дома. Иначе особо невезучим жильцам, живущим наверху склона, все заглядывали бы в окна без зазрения совести. Весь низ здания оказался облеплен абсолютно некрасивыми крылатыми мошками непозволительно гигантских размеров. Ну, как гигантских... Некоторые насекомые были размером с ноготь моего большого пальца.

Гилиад проследил за направлением моего, безусловно, кислого и недовольного взгляда и уткнулся в армию мошек.

– Это земные создания, – некромант вынес свой вердикт. – Такие существа обычно живут в теплых, влажных подвалах. Но я никогда не видел, чтобы они облепляли фасад дома.

Мы, не сговариваясь, обошли весь дом вокруг, внимательно рассматривая слегка треснувшую штукатурку на стенах. Точнее, ее небольшие участки, проглядывающие среди мохнатых и определенно нравящихся мне все меньше и меньше мошек. Когда мы дошли до узких подвальных окошек, то наткнулись на еще менее приглядную вещь. Из зарешеченного отверстия наружу пробивались вяло шевелящиеся черные слизняки. Заасфальтированная дорожка, прилегающая к дому, тоже оказалась усыпана слабо шевелящимися некрупными червями. Первой моей мыслью было сжечь их всех, вместе с мошками. Второй – взять билет до Петербурга, забыть про несчастную аттестацию, но сначала убедиться, что на подошвах ботинок я случайно не привезу домой одну или несколько таких тварей.

– Тоже земные, – удивился Гилиад, фотографируя стены дома на телефон, – и опять – эти мокрицы не вылезают на холод и предпочитают прятаться от человека. Тоже любят влажность и тепло.

– Да мне все равно, что они там любят! Хоть спать с плюшевым мишкой в обнимку! Я хочу узнать, что же заставило их покинуть родные просторы!

Некромант нащупал в кармане ключ от всех дверей и сжал его пальцами.

– Думаю, нам все-таки стоит проверить наших любимых Артефакторов. Я не знаю, кто еще способен заставить насекомых ползть из всех щелей...

Ключ безвольно опустился на самое дно кармана его пальто.

* * *

Семья Артефакторов Гольштейнов жила в удивительно красивом сталинском доме в исторической части города. В отличие от того дома, в котором Гилиад снял квартиру, лестничные клетки были удивительно просторными, у жильцов был удобный лифт и высокие потолки. На секунду я забыла, что нахожусь не в Петербурге, когда залюбовалась на фасад с башенками, сложенными из кирпича, и аккуратное крыльцо булочной на первом этаже, увитое плющом. Некромант нажал на кнопку дверного звонка, а я обернулась и посмотрела на огромное арочное окно лестницей ниже. Мне сразу представилось, как уютно и тепло здесь жилось людям... Как они выходили в сад, раскинувшийся перед домом, чтобы поесть свежую выпечку на свежем воздухе, или сидели в комнате на широком подоконнике все в подушках, глядя в окуляр телескопа.

Вопреки моим ожиданиям, никто по ту сторону двери не уточнил, к кому мы пришли, а глазок двери так и остался темным, запахнутым и словно спящим.

– Здравствуйте, вы немного рано, но я убрался в квартире на случай, если вы захотите сделать свои фотографии, и... – Юноша в теплых разноцветных носках замялся, увидев моего коллегу, и улыбка сползла с его лица. – Вы не риелтор. Не могу сказать, что рад вас видеть, Гилиад.

– Здравствуй, Максимилиан.

Острый взгляд парня нашел меня рядом с некромантом, скользнул по мне и снова стал радостным.

– О, значит, вы – риелтор!

Я покачала головой. Гольштейн-младший принялся искать кого-то за нашими спинами, и я поспешила помочь ему завершить цепочку выводов:

– И мой пес тоже не риелтор.

– О боже, вы пришли ко мне с обыском! – Юноша схватился за голову, и его лицо с удивительно правильными чертами исказилось тоской.

Словно в подтверждение его слов, Араун залаял и потянул меня в квартиру. Я терпеливо одернула поводок и зашептала слова на языке эльфов: «Стой смиренно!» Какое бы магическое вмешательство пес ни почувствовал, мы не могли войти в квартиру без формального согласия хозяина. То есть не то чтобы на пороге чужого дома некроманты, не получившие дозволения войти, вдруг с визгом рассеялись бы черным пеплом... Просто, вторгаясь, мы теряли часть своих полномочий и прав.

– Мы не представлены друг другу, – я прервала душевные терзания собеседника. – Меня зовут Адель, и я – напарник Гилиада. Мы с неофициальным визитом, ничего такого. Вы можете нас не пускать в дом, разумеется, но через пару дней мы все равно вернемся с заверенным предписанием от суда волшебников. Никому из нас этого не нужно, правда? Давайте вы просто разрешите нам войти и ответите на наши безобидные вопросы.

Максимилиан кивнул, отступая внутрь квартиры. Я едва успела снять ботинки и пальто, а Араун уже с диким лаем потянул меня вперед.

– Извините, мне очень жаль! Он чует все недоброе и неправильное. Наверно, сейчас приведет меня к вашему артефакту.

Однако пес влетел на кухню и необычайно энергично схватил со стола надкусанный бутерброд с колбасой.

– Колбаса уже и правда не та, – со смехом пожаловался Гилиад, появляясь на кухне в компании Максимилиана. – Вот раньше она и правда из мяса делалась, а сейчас – сплошная соя.

Гольштейн-младший вздохнул и предложил нам расположиться за круглым обеденным столом, а сам поставил воду кипятиться.

– Что привело вас ко мне? – не оборачиваясь, спросил юноша. – Рядовая проверка?

Гилиад, позволивший мне взять на себя роль переговорщика, решил нарушить молчание:

– Не совсем. – Некромант стал задумчивым и молчаливым, предлагая собеседнику самому все рассказать.

– Вам нужно воспользоваться артефактом? Официально просите помощи для своего бизнеса?

– Я не знаю, успели ли вы заметить, но в городе все насекомые вылезли из подвалов, канализаций и облепили фасады домов. Мошки, слизни, мокрицы... И это все на улицах! Не представляю, что сейчас творится в домах.

Максимилиан дернулся и потянулся к кухонному ящику. Араун, устроившийся у меня в ногах, заметно напрягся. Гиляд что-то нащупал у себя в кармане. А хозяин дома резко развернулся и положил на стол упаковку мармелада.

– И вы думаете, что это мы сделали? Если честно, моя семья думала то же самое про волшебников. В конце концов, это же не мы выпустили яблочных плодоярков и плотоядных слизней. Я давно перестал удивляться всему, что вижу на улицах.

Печальный свист чайника аккордом оборвался в густой тишине.

– Тогда вы не возражаете, если я осмотрю Гамельнскую дудочку?

Гольштейн-младший махнул рукой в сторону одной из комнат.

– Адель, подожди меня, пожалуйста, на кухне. Если Максимилиан не возражает.

Максимилиан не возражал. Он был спокоен за древнюю реликвию. Тут как в анекдоте: «Знаете, сколько некромантов нужно, чтобы украсть один артефакт? – Не знаю, но еще ни одному не удалось выжить, чтобы об этом рассказать».

Оставшись наедине с невозмутимым юношей, я решила задать вопрос, который меня волновал:

– Скажите, а зачем вам риелтор? С этим домом что-то не так? Ищите более подходящий район?

– Ищем более подходящий город. С этим явно что-то не так. Нам неспокойно здесь, и будет лучше быть поближе к другим Артефакторам. Поэтому отец и позвал риелтора. – Юноша передал мне явно плохо помытую чашку, до краев наполненную черным чаем со странной пленкой. Гиляд говорил, что местная вода богата минералами, но при долгом употреблении вызывает ни с чем несравнимую боль в почках и раздражение в горле.

– А где ваш отец сейчас? – Я приняла чашку и из вежливости сделала небольшой глоток.

– Отправился выполнять заказы по устранению насекомых в домах и квартирах. На мою семью сейчас свалилось очень много вызовов. То, что ползучих тварей призвали не мы, не означает, что мы не будем предлагать свои услуги и прогонять их старыми добрыми немагическими средствами. По закону мы не можем пользоваться артефактом вне сезона охоты, но закон не запрещает нам зарабатывать круглый год. Тем более в те времена, когда город нуждается в нас.

Если послушать Максимилиана, так их семья чуть ли не Бэтмен с командой супергероев, стоящих на страже Готэма. Впрочем, вспомнив свое отвращение к ползучим тварям, недооценивать вклад дезинсекторов в защиту покоя граждан я не собиралась.

– А где твоя мама?

– Она на других выездах. На тех, на которые не успевает папа. Отвечая на ваш следующий вопрос – мой старший брат занимается активной рекламой и продвижением услуг нашей фирмы. Ведет бухгалтерию, принимает заказы, а сестра тем временем клеит объявления о предоставлении услуг по дезинсекции на дверях подъездов.

Я только сейчас поняла, что сидящему напротив меня юноше не больше восемнадцати лет, просто он рано вытянулся и пришел в атлетическую форму, а еще все время сидел с самым серьезным лицом, отчего казался лет на семь старше.

– Очень жаль, что вы уезжаете. Все-таки каждому городу нужны Артефакторы и их семейные реликвии. Это как-то... неправильно. Пустой город, почти лишенный магии.

Максимилиан наклонился ко мне, не желая, чтобы из соседней комнаты его смог услышать мой напарник:

– Мы пытались продать квартиру сами больше полугода, но ею вообще никто не интересовался. Поэтому мы решили обратиться к профессионалам. Если честно, мы ждем с нетерпением того момента, когда наконец сможем выехать за пределы города. Я бы на вашем месте тоже отсюда уехал. Собрал вещи и возвратился домой под любым предлогом. Не знаю, как это объяснить, но мы все чувствуем себя здесь не в своей тарелке. У нас постепенно пропадает жажда жизни. Мама сама на себя не похожа, отец все забывает и не может ни на чем сосредоточиться. Брат и сестра ссорятся по пустякам, хотя раньше они были не разлей вода. Я... я... – Парень помотал головой и продолжил: – Мы как будто теряем здесь самих себя, оставляем

частицы своей души... Этот город что-то с нами делает. Я знаю, что Гиляд не может отсюда уехать, его приговорили отбывать здесь... ну что-то вроде срока. А вам стоит уехать. И собаку возьмите. Даже животным тут не место. – Юноша посмотрел под стол, словно раздумывая, стоит ли гладить Арауна или лучше не тро- гать.

– Я не знала, что Гиляда приговорили к этому городу... к ссылке.

Максимилиан открыл рот, намереваясь рассказать о чем-то еще, но замолчал, когда услышал неспешные шаги некроманта, возвращающегося на кухню.

– Дудочкой и правда не пользовались очень давно. – Волшебник опустил голову и сел рядом со мной. – Приношу свои извинения. Однако я был обязан проверить самый очевидный вариант.

Гольштейн-младший пожал плечами, что означало «не берите в голову».

– Последний раз мы доставали ее весной и снова используем реликвию только в предписанный Советом период. В ближайшие месяцы будем справляться обычными инсектицидами.

В разговоре была поставлена жирная точка. Мы определенно были здесь лишними, поэтому я поблагодарила юношу за теплый прием и сотрудничество и двинулась к выходу. Пока мы одевались, Максимилиан наведлся в комнату, где хранился их семейный артефакт, и убедился, что он на месте. Что волшебники, что не- волшебники всегда любили перестраховываться и доверяли в первую очередь сухим фактам. В дверь позвонили, и я почувствовала себя маленькой девочкой, которую застучали за поеданием десертов, приготовленных на грядущий праздник. Хозяин дома протиснулся мимо Арауна, который умудрился перегородить собой весьма просторный коридор, заняв все свободное место особой позой по диагонали.

– Да, кто там? – подозрительно поинтересовался Артефактор.

А он, однако, быстро обучался.

– Я – риелтор Владислав из федерального агентства «Ступени». Я здесь, чтобы комфортно и безопасно продать вашу квартиру.

Интересно, а у многих людей, которые слышат имя Владислав, автозамена в мозгу срабатывает строчками из песни: «What is love, baby don't hurt me, don't hurt me no more», или только у меня?

Максимилиан открыл дверь, и мы с риелтором поменялись местами. Передо мной оказался крайне жизнерадостный пухлощекий парень лет двадцати пяти. Одновременно с ним на меня уставился бейджик с улыбающейся мини-копией незнакомца. Поздоровавшись с хозяином квартиры, Владислав посмотрел на нас:

– Если вам с женой вдруг станет тесно в вашей квартире или вы решите завести детей и захотите более подходящую квартиру, обращайтесь к нам. – Владислав улыбнулся мне и Гиляду. – О, я смотрю, у вас большая собака! Наверно, вам больше подойдет частный дом!

Гиляд выглядел смущенным и избегал смотреть мне в глаза. Максимилиан встал в коридоре так же некомпактно, как недавно Араун. Мне показалось, что эта комедия доставила юноше немалое удовольствие.

– Мы не муж и жена, – отозвалась я. – А еще никто из нас не собирается покупать квартиру в этом городе.

Риелтор и тут не растерялся:

– Вы знаете, у нашего агентства есть филиалы в разных городах. Где именно вы бы хотели приобрести жилье?

Я посмотрела на раскрасневшегося, довольного жизнью и чересчур энергичного незнакомца с неприятием и с трудом сдерживаемым раздражением. Араун еле слышно зарычал.

– В любом случае я дам вам свою визитку. Там есть телефон центрального московского офиса и мой личный номер, – Владислав подмигнул мне и протянул карточку двумя пальцами.

Пес рядом со мной разразился возмущенным предупреждающим лаем. Концерт был окончен.

Гилиад. Вечер открытий

Адель передала мне свой разговор с Максимилианом через прикосновение. Ее воспоминания, четкие и ясные, плавно влились в меня. Мы сидели теперь уже на моей кухне, и я думал о том, что совсем скоро у меня останется всего два дня на расследование таинственных событий. Впрочем, знакомое чувство смутной догадки не покидало меня. Что-то из содержания диалога Адель и Максимилиана начало меня беспокоить.

– Ты уверена, что запомнила все точно, без искажений?

Девушка открыла свою коробочку с китайской едой и кивнула.

– Говоришь, Гольштейны продают свою квартиру больше шести месяцев?

– Это не я говорю, я лишь передаю тебе чужие слова. Подростки могут преувеличить или приуменьшить. Я бы не воспринимала его слова буквально. – Адель ловко подцепила лапшу палочками.

– Тебя ничего не смущает? Квартира стоит в продаже полгода, и никто не приходит ее посмотреть?

Адель задумалась, не понимая, к чему я клоню.

– Может, они поставили слишком высокую цену. Или покупатели здесь приходят только от риелторских агентств. Тогда неудивительно, почему здесь так много подобных контор.

Интуиция, выработанная столетиями работы по поиску нечисти и инфернальных созданий, буквально кричала – «что-то здесь не так».

– Если Гольштейны и правда хотели быстрее уехать из города, вряд ли они бы стали указывать завышенную стоимость. Наоборот, я бы на их месте еще и занизил цену. Хочу проверить одну свою гипотезу.

Я включил ноутбук, и Адель под села ко мне поближе, желая проникнуть в тайны методики расследования. Однако я поставил ее в тупик, открыв сайт по поиску недвижимости.

– Подожди, но какое отношение продажа квартир имеет к насекомому кризису?

– Пока никакого. – Я нашел в настройках нужный город и стал наугад тыкать в объявления о продаже квартир. К счастью, сайт показывал, сколько дней и месяцев жилье находится в продаже. Я нашел дом, где жили Гольштейны, а затем и их квартиру. На фотографиях промелькнула знакомая кухня и коридор.

– И правда, семь месяцев в продаже, – согласилась Адель, глядя на отметку объявления. – О, у Артефакторов даже указана причина продажи – «переезд в другой город».

Переезд в другой город. Это именно то, что нужно и мне, и Гольштейнам. Фраза Адель неожиданно подала мне идею. Теперь я щелкал на всплывающую рекламу о продаже жилья с вполне конкретно сформированными целями.

– Объявления, в которых сказано, что квартира продается по причине смены города, продаются очень долго. А вот это объявление вывешено два года назад. И цена стоит по нижней границе рыночной...

Адель нахмурилась:

– Еще одна местная аномалия? Надо выгулять Арауна. Заодно и поразмышляю над этой загадкой.

Я не стал еще раз предлагать свою компанию, – в конце концов, мне ясно дали понять, что мое общество излишне. Я мог понять свою напарницу и ее желание уединения – ведь мы и работали, и жили под одной крышей вместе.

Сначала я долго не мог провалиться в сон – опять! – а когда наконец начал засыпать, то вспомнил, что завтра меня ждет суббота – долгожданный выходной от работы в «ЭкоДоме». Транспортная служба, с которой я сотрудничал, и без меня развезет все заказы, а экологическую экспертизу вместе с приходом холодов почти перестали заказывать. В любом случае необходимости идти в офис не было – каждый желающий сможет найти мой телефон на вывеске офиса или на любой из реклам. Вместо этого я наконец смогу более основательно заняться расследованием. Время утекало непозволительно быстро, и почему-то я представлял оставшийся срок как заканчивающиеся отверстия в кожаном ремне – время идет, и приходится затягивать его все туже и туже, пока дырок не останется совсем.

Долгожданного покоя забытью мне не принесло. Вместо этого я почему-то превратился в батарейку – которая накапливала энергию и отдавала ее. Я был не очень-то большой батареей – скорее пальчиковой от телевизионного пульта, чем большой батареей мощного компьютера. Я шел мимо зала, полного искрящих катушек Теслы, и ощущал свою маленьковость и беспомощность. Когда-то давно, когда я еще был учеником, Натан Соломонович объяснил мне, что некромант – это что-то вроде аккумулятора и проводника одновременно. Мы вбираем в себя потустороннюю энергию мира мертвых, выводим ее через ритуалы, заклинания, насыщая ею обереги. И раз амулеты требуют постоянного притока магии, значит, я должен его обеспечить. Многие заклинания и манипуляции с объектами нуждаются в разовом вложении сил. Но, так или иначе, не сломавшись, я могу выдавать лишь определенный объем магии, проходящий через меня. Этот объем зависит от того, насколько я вместителен по меркам батарей и как быстро могу пополнять свой заряд. Во время ученичества мы пользовались не своей энергией, а занимали силы у учителей. Наши собственные возможности и лимиты раскрывались после обряда инициации, когда мы давали клятву оберегать этот хрупкий мир от всех inferнальных угроз, а потом умирали. С Адель это произошло в ту злополучную ночь в одержимом автобусе, когда она была маленькая. Единственный некромант, который сначала отправился на тот свет, а потом, через десять лет, начал свое обучение по профессии. Спускаясь по винтовым ступеням в подземный грот под Петербургом, я не представлял, что мне предстоит начать совсем иную

жизнь. Произнося слова древнего обещания, написанного на пропахшем сыростью пергаменте древней книги, я еще не знал, что оно отнимет и что даст взамен.

В вихре сменяющихся хаотичных образов, от которых меня начинало подташнивать, нашелся один, за который я уцепился, словно за ручку цветного зонта. Совершенно случайно это оказался чужой сон. Сон, принадлежащий Адель. И прежде чем я успел развернуться и снова попасть в воронку, похожую на крутящийся леденец, меня вышвырнуло за спину моей коллеги.

Знаете это ощущение во сне, когда вы одновременно наблюдаете за происходящим своими глазами, а потом смотрите на себя со стороны взглядом незнакомого мужика? Так бывает, когда ваши сновидения приходят посмотреть кто-то еще, и мозг, чтобы не сойти с ума, пытается объяснить наличие чужака, вписывая его в сюжет безобидным вторым «я». Ну вот, теперь я смогу проснуться, только когда проснется моя напарница. Маленькая Адель подглядывала в щель приоткрытой двери. Она была чуть старше, чем я запомнил. Большой свитер с чужого плеча на ней выглядел как монстр, который пытается поохотиться на своего владельца, а затем съесть.

Почему-то я сразу догадался, что девочка выросла в коммунальной квартире. Оглядевшись, я понял, какие именно детали навели меня на данный вывод. Прямоугольная комната площадью около тридцати квадратных метров умещала в себе не только привычные глазу кровати, диван, книжные шкафы. Я заметил еще сервант с посудой в углу и обеденный стол у окна – почему-то заставленный грязными и чистыми тарелками. Апогеем картины в стиле случайного ренессанса был старый советский холодильник, неубиваемый, вечный и работающий на энергии людей, расстроившихся из-за распада Советского Союза. В коридоре громко и шумно ругались, что-то гремело, сопровождая этой симфонии безысходности. Реквием по детству. Взрослая Адель, которую я знал, казалась мне если не веселой, то хотя бы уверенной в себе и достаточно бодрой. Маленькая Адель была потерянной, одинокой, словно не знавшей, куда приткнуться, чтобы не мешать другим. Она и сейчас наблюдала за происходящим со стороны, не вмешиваясь.

– Я тебе сказала, чтобы ты свою грязную посуду в раковине не оставляла! И чтоб я вас в ванной после девяти вечера не видела! Если

вы втроем за час не успеваете помыться – это ваши личные проблемы! – В ответ на визгливый женский крик послышался невнятный скомканный ответ. Я уже слышал этот голос – именно он просил Адель остаться на остановке и подождать ее. Выходит, отвечала бабушка.

Я вырос в ту эпоху, когда подобная ситуация просто не могла бы произойти. В те далекие времена, окутанные флером империи, люди уважали чужое пространство и знали границы. Чужих, незнакомых людей никогда не помещали насильно в одно небольшое пространство, словно крыс под прозрачный колпак, чтобы посмотреть, загрызут они друг друга насмерть или все-таки с горем пополам поделят углы и кормушку. Безусловно, я считал одним из худших экспериментов по расчеловечиванию именно коммунальные квартиры. У разных людей с абсолютно разными ценностями никогда не получится ужиться. И это еще неплохо, если вы, скажем, литературный критик, а ваш сосед – инженер-проектировщик или студент педагогического университета. Но если рядом с вами поселился человек, которому нечего терять, который постепенно опускается на дно, будет очень сложно не оказаться утянутым в чернильные глубины отчаяния вместе с ним...

Я помню, как однажды выполнял свою работу в музее-квартире Достоевского. Один некромант съехал с катушек и оживил inferнального Раскольникова. В итоге экскурсия превратилась в аттракцион. За туристами, размахивая окровавленным топором, бегал бородатый мужик и восклицал: «А сейчас мы внимательно посмотрим, тварь ли вы дрожащая или право имеете, муа-ха-ха!» Мне тогда удалось успокоить книжного персонажа – образцового зомби с запавшими глазами – простым неверием в его форму. Но рассказ совсем не об этом. И даже не о том, какое удивительно петербургское приключение случилось с гостями города и бедолагой-гидом. Я дождался команды зачистки памяти и, выпустив экскурсантов из подсобки, подумал, что хотел бы снова вспомнить те времена, которые были мне куда роднее нынешних. Поэтому я пристроился в хвост толпы и последовал за возобновившейся экскурсией.

Шагая за группой школьников, я слушал мерный голос гида, водившего нас по просторной квартире в центре города – не то на пять, не то на шесть комнат.

«Жил Достоевский очень бедно для своего времени. Ему приходилось снимать эту квартиру, он не смог позволить себе купить ее. У него было два слуги – управляющий и кухарка, в то время как другие писатели жили в роскошных имениях со штатом слуг. Пройдемте в его личный кабинет, где он сочинил свои знаменитые произведения...»

Отдельная столовая, свой кабинет, три просторных спальни, зал для принятия гостей... И не гостиная – а именно зал. В Москве и других городах залом называют любое помещение, в котором встречаются друзей, – даже клетушку с низкими потолками на десять квадратов. Но то, что ошибочно получило имя «зал», стоит разжаловать до «гостиной». Потому что в зале, принадлежащем Достоевскому, были зеркала, много свободного пространства и несколько банкетов. Над головой простиралось четыре метра пустоты, заканчивающиеся красивой потолочной лепниной; а еще я насчитал не меньше трех окон. И это квартира в центре Петербурга метров на сто шестьдесят для одной семьи. Всем бы так бедно жить.

Я был рад, что воспоминания помогли мне пропустить крики, доносившиеся из коридора. Адель застыла в дверях, парализованная, подавленная и наверняка обвиняющая себя в происходящем. Почему-то дети всегда так делают. Я услышал звуки удара и лишь покачал головой. А девочка у двери сжала руки, что-то зашептала сквозь тихие слезы. Картинка сменилась. Мы с ребенком поменялись местами, и теперь она смотрела изнутри меня, а я все видел ее глазами. Некромант может многое. Особенно некромант, которому еще не нужно содержать штат оберегов в регулярном порядке и экономить свои силы на борьбу со злом. Разделяя мир на черное и белое, Адель нашла однозначного врага – соседку, которая набросилась на беззащитную пенсионерку. Я охнул – оказывается, женщина успела окатить бабушку Адель кипятком из дымящегося чайника, который держала в руке. Подчиняясь воле ребенка, женщина с растрепанными волосами и безумным взглядом поскользнулась. При падении соседка умудрилась приложиться лицом о металлический носик, но, видимо, несильно, потому что тут же попыталась встать. Бабушка девочки зашла в комнату, не глядя на внучку, и села к телефону – набирать номер из двух цифр. Адель прикрыла дверь и в щелку продолжила вливать свою силу – порциями, не жалея. Из всех щелей поползли

крупные тараканы, преодолевая разноцветные пластиковые квадратики обшарпанного пола. Но они не умели кусать, – по крайней мере так, как того хотелось Адель. И тогда девочка заставила тараканов отрастить желваки, совсем как у плотоядных насекомых. Мне казалось, что я сейчас смотрел сцену из фильма «Мумия»: скорее всего, именно его накануне видела моя юная напарница. Оставалось порадоваться, что она еще, видимо, не умела читать и не призвала кого-то вроде Ктулху. Насекомые облепили соседку коричнево-черной массой, а потом меня резко вышвырнуло из сна прямо в кровать. Сквозь стену я услышал сдавленный крик Адель, а потом ровное, спокойное сопение.

Мне было очень жаль девушку и ее разбитое на куски детство – разбитое еще до того, как вмешалась потусторонняя сила и перемешала карты, превратив в некроманта. Но я не мог закрыть глаза на то, что, возможно, именно от нее исходили всплески темной силы. А еще именно после прибытия Адель началось вторжение ползучих тварей. Я повернулся на другой, еще не отлежанный бок и задумался. Так и представляю, как подойду к напарнице за завтраком и невинно поинтересуюсь: «А это не ты, случаем, устроила нам всем тут казнь египетскую? Нет? А если хорошо подумать?» Или нет, не так. «Я тут без спроса и такта подглядываю за твоими сокровенными переживаниями, которыми бы ты никогда не стала со мной делиться. Поэтому давай-ка признавайся, что тебе сделал этот город?»

А если во всем действительно виновата Адель, но она не понимает, что творит? Или даже не подозревает, что негативно влияет на город? Некоторые из нас, засыпая, продолжают использовать силу, сражаясь с несуществующими монстрами из снов... Обычно таким ученикам наставники делают обереги, запирающие энергию на ночь. Ничего подобного у девушки в комнате я не видел, поэтому решил на всякий случай сделать примитивного ловца снов. Мне не спалось, и я почему-то очень боялся снова провалиться в один из кошмаров Адель: это было бы вполне ожидаемо, с учетом того, что мне удалось поймать ее волну и частоту сна сегодня. Я быстро натянул брюки, свитер и накинул ветровку, ожидая, что ночью должно быть еще холоднее, чем днем. Последние числа августа, а такой холод, как будто во двор пожаловал конец октября...

В безмолвии квартиры, погруженной в черничное варенье сумерек, скрипнула дверь. Я выдохнул, стряхивая с себя остатки чужого сна, и посмотрел на Арауна, вопросительно высунувшегося из комнаты своей хозяйки. Секунду я раздумывал, стоит ли брать с собой гончую дикой охоты, но пес все решил за меня и бодро засеменял к выходу. Не зря говорят, что собакам нужен простор... или хотя бы просторный внутренний двор, куда они могут выходить, когда сами того пожелают. Я пристегнул ошейник к поводку и бодро спустился по лестнице. Светила полная луна, и я помнил, что в конце Садовой улицы есть цветы в кадках, посаженные городским комитетом, которые еще не успели завянуть от холода. Ночь, полнолуние, конец лета – это было идеальное время, чтобы собрать энергетически правильный ловца снов. Я хищно покосился на куда как более красивые кусты диких роз, выращенные одной из наших соседок. А что – если я сейчас нарву их здесь, то не придется бродить по холодным улицам до ближайших кадок. Секундное помутнение едва не заставило сорвать несколько бутонов. Но я помнил, что соседка уже однажды догадалась, кто обезглавил ее дорогие кусты. И это учитывая мою осторожность и сбор бутонов в самый разгар ночи, когда весь дом спал. Слухи здесь передавались какими-то странными, почти колдовскими дорогами, и мне не захотелось портить и без того натянутые отношения с жителями моей парадной. Особенно после злосчастного ночного кошмара.

Пройдя половину пути, я вспомнил, что не взял с собой пакет, и подавил желание посокрушаться. Пришлось аккуратно рассовать розовые, фиолетовые и красноватые вьюнки по карманам. Через двести метров и новую клумбу компанию уже сорванным цветам составили желтые настурции с мягкими лепестками. Араун послушно семенил рядом, но стоило мне немного потерять бдительность, и он попытался схватить черствую заплесневелую корочку хлеба. Мое шиканье отогнало пса от почти захваченной добычи, и тот печально облизнулся, провожая голодными глазами упущенную возможность. Для меня было довольно странно смотреть на абсолютно сытое, лоснящееся создание, бросающееся на откровенную гниль. Особенно если вспомнить, с какой скоростью испарялся собачий корм из огромного двадцатикилограммового мешка.

– У тебя тоже было тяжелое детство и деревянные игрушки? – зачем-то спросил я у Арауна вслух и не менее странно продолжил: – Наверно, у твоей мамы родилось сразу очень много щенков, и тебе не всегда доставалось ее молоко...

Еще я не мог выкинуть из головы черствый хлеб. Я посмотрел на окна близлежащего дома и подумал, что, наверно, сердобольные старушки пытаются подкормить птиц, выкидывая из окон остатки своего ужина, даже не представляя, что из-за дрожжей в сдобе птицы очень часто погибают. У пернатых просто нет пищеварительных ферментов, способных усвоить дрожжи, поэтому выпечка, особенно свежая, их медленно и мучительно убивает.

Остаток времени, отведенного для сна, я провел, вплавляя в стекло дрожащие в воздухе руны, а затем и собранные цветы. У луны я позаимствовал немного ее молочного сияния, и стеклянный полумесяц получился загадочным, опаловым, но с яркими всплесками настурций и вьюнков. К краям полумесяца я приделал цепочки с болтающимися на концах кристаллами. В общем, утром я был никаким – после трех часов сна и съедающих изнутри подозрений относительно Адель. Она казалась мне такой правильной, надежной, что хотелось отбросить все сомнения. Но я не мог, поэтому за чашкой утреннего кофе задал невинно звучащий вопрос:

– Как тебе спалось?

Девушка замялась и немного поморщилась, пытаясь вспомнить:

– Если честно, мне сначала снилось что-то очень неприятное, но я не запомнила. Знаешь, бывают такие сны, после которых остается пустота внутри, и еще они слишком тяжелые, чтобы о них остались воспоминания. А потом мне снилась шоколадная фабрика. Я ела очень крупную зефирку, политую шоколадом, но она никак не уменьшалась. В целом мне понравилось, но было очень обидно не обнаружить ее у себя в комнате, когда я проснулась, кусая уголок подушки.

Я улыбнулся и предложил зайти в кондитерский магазин. Адель согласилась, а потом стала очень серьезной:

– А что с нашим расследованием? А с заказами на удобрения и экспертизу почвы?

– «ЭкоДом» пока отходит на второй план. С расследованием... ну, я не знаю... небольшой тупик. Я собирался все-таки проверить

подземелья и стоки. В конце концов, камень же подал нам оттуда сигнал.

Адель согласилась:

– Идея хорошая.

«А еще я буду пристально за тобой следить и тщательно расспрошу про твою жизнь, потому что пока ты – моя главная подозреваемая».

– Я сделал тебе ловца снов, чтобы хорошо спалось, – я протянул ей на вытянутой руке луну с неба. Ну ладно, просто амулет, приправленный лунным сиянием.

Напарница добродушно ухмыльнулась и нежно взяла оберег, поглаживая его тонкими пальцами.

– Ювелирная работа. Спасибо. Кстати, выглядишь так, как будто амулет сейчас нужнее тебе. Плохо спал?

– Почти не спал, – поправил ее я. – У меня где-то валялся свой ловец снов, наверно, убрал в одну из коробок в чулане. Не поверишь, но раньше у меня проблем со сном почти не было.

Собираясь на улицу, я поймал себя на легком дежавю и отмахнулся от неуместного чувства. Я проверил карман, убедился, что захватил ключ от всех дверей, и решил положить еще несколько артефактов – на всякий случай. Разные твари, особенно мертвые, становятся сильнее под землей. Еще я собрал в наплечную сумку все самые тяжелые вещи, которые не удалось уместить в карманах. Впрочем, уже второй раз подряд нам было не суждено добраться до подземелий. Поток смешанных чувств оборвался, когда в кармане завибрировал телефон, предупреждая о чем-то важном. На экране горел зеленый значок «Полиция, переадресация». Я поскорее взял трубку и, как и следовало ожидать, услышал лишь фрагмент разговора:

– Да нет, вы не понимаете! Мы его неделю назад похоронили, а сегодня он у нас дома! Готовит пироги как ни в чем не бывало.

Дежурный подавил смешок и задал вопрос, который, по его мнению, должен был внести хоть какую-то ясность. Впрочем, женщина на краю истерики попытку вникнуть в детали не оценила:

– В смысле, с чем пироги? С мясом! А какое это имеет значение? У нас дедушка мертвый в квартире! У меня на руках свидетельство вскрытия от судмедэксперта и акт регистрации смерти. Даже свидетельство о захоронении есть!

Все-таки мои изобретения, завязанные на магии, реагировали на некоторые ключевые слова, которые позволяли им перенаправить вызов ко мне, а это значит, что беседа должна была уже идти какое-то время. Неизвестно, как давно бедняжка жаловалась на восставшего или призрака.

– А вы на кладбище звонили? Может, ваш дедушка впал в летаргический сон и выкопался? А потом вернулся в знакомое место. Вы говорите, квартира на Партизана Германа, 87 – ваша общая?

– Это не мой дедушка! – взорвалась собеседница, повышая голос.

– Тогда чей же? – совсем растерялся полицейский, не понимающий, чего именно от него хотят. – Ничейный? К вам бездомный вломился в квартиру?

– Дедушка моего мужа! И я же вам уже говорила, что он не мог выкопаться, потому что в морге проводили вскрытие. Пожалуйста, заберите дедушку в участок! Он стоит с огромным кухонным ножом и режет кусок баранины!

Дежурный полицейского пункта, кажется, начал ломаться. В мою комнату заглянула уже одетая в пальто Адель, и я включил остатки диалога на громкую связь:

– Подождите, а на основании чего мы должны забрать вашего дедушку в участок?

– Да не моего дедушку! Один мой дедушка умер семь лет назад, а другой – в прошлом году!

– Сколько же у вас там мертвых дедушек? – растерялся полицейский, потеряв нить, ведущую к претензиям.

– Всего один, но нам и его хватает! Арестуйте дедушку моего мужа, пожалуйста!

– Хорошо, на основании чего мы должны забрать дедушку вашего мужа в участок? Стоять с ножом и резать баранину законом не запрещено. Умирать законом тоже не запрещено. Как и притворяться мертвым. И уж тем более законом не запрещено находиться у себя дома. Успокойтесь, поешьте пирожков с бараниной. Я даже не буду выписывать вам штраф за ложный вызов. Если, конечно, вы не собираетесь еще раз звонить. – Мысленно я похвалил сотрудника участка за спокойную, неагрессивную реакцию. Должно быть, ему часто приходилось общаться с больными и впечатлительными людьми. Впрочем, я в разумности звонившей женщины ничуть не сомневался.

Выдохнув, мужчина вынес свой вердикт: – Если вы уверены, что перед вами не чужой человек, то я ничем вам помочь не могу! До свидания!

Собеседница взвыла и собиралась добавить что-то еще, но ее прервали немилосердные гудки, оставшиеся от сброшенного вызова.

– Значит, идем к партизану на Партизана Германа? Как думаешь, призрак или восставший? – Глаза Адель загорелись в предвкушении первого настоящего задания.

– Почти уверен, что мы столкнемся с призраком. Во-первых, имей мы дело с восставшим, у меня амулет на кладбище бы сработал. И, как мы уже знаем, все амулеты работают исправно. Ну и барышня ни слова не сказала о том, что ее бабушка пытается разговаривать, – значит, мы точно не имеем дело с восставшим. Уверен, она бы упомянула, если бы наш мертвенький попытался с ней взаимодействовать при помощи слов.

Мы снова шли пешком. Я даже не успел удивиться, как ловко и незаметно жизнь превратила меня в пешехода. На меня укоризненно покосился джип, забытый на небольшом островке парковки рядом с домом. Когда мы в первый раз решили проверить работоспособность амулетов и попытались взять с собой в автомобильное патрулирование Арауна, то вместе с Адель об этом ужасно пожалели. А если говорить точнее, больше нас о поездке пожалел только сам Араун. Не привыкший к реву мотора и укачиванию, пес завыл так надрывно, что вполне смог бы упокоить всех живых, а всех мертвых, наоборот, разбудить и вернуть с того света.

К счастью, улица Партизана Германа тоже располагалась в центре города, и весь путь занял чуть больше двенадцати минут.

Для разнообразия улица решила быть солнечной. Легкая желтизна уже начала угадываться в листьях, или это разыгралась моя фантазия... Золотой свет делал все немного ирреальным, но очень красивым, и даже стандартные дома из сероватого кирпича засияли, точно их сложили из брусков драгоценного металла. А я все шел и думал, что нужно установить возможную причастность Адель к делу о всплеске темной силы. Желательно при этом, не вызвав подозрений. Я решил закинуть удочку – и начать обычную беседу про теплые и не очень воспоминания о прошлом. Вряд ли моя напарница что-либо заподозрит, ведь все вокруг всегда пытаются узнать друг друга как можно лучше.

– Мое детство прошло в XIX веке, в центре города, и я помню наплавные мосты вместо обычных. А зимой лед был такой крепкий, что прямо в акватории Невы устраивались ярмарки. Все вокруг катались на санях, на коньках, торговцы наперебой нахваливали свой товар. Можно было купить себе горячего напитка с медом и специями и согреться. Еще помню взятие снежной крепости – это было одно из моих любимых развлечений. Мы сначала несколько дней строили фортификационные сооружения, а потом пытались брать штурмом стену соседа. И горка была для катаний – такая высокая. У меня столько воспоминаний...

– Я родилась в девяностые. У меня разные воспоминания о детстве – есть много хороших, есть и не очень. – Напарница выдержала небольшую паузу, а потом добавила: – Как и у всех, я полагаю.

Мы перешли на другую сторону дороги по размалеванной бело-желтой зебре и двинулись вниз по улице. Араун все время нервно водил носом, подозрительно принюхиваясь, и иногда замедлял шаг.

– Хотела бы я оказаться в том, другом Петербурге XIX века. У тебя были гувернеры или ты учился в гимназии?

– Сначала – гувернеры, – признался я, – а потом было училище.

– Тогда ты, наверно, можешь представить, как за мной присматривали. Я стала некромантом раньше, чем пошла в школу. Совет волшебников не вмешивался в жизнь и быт моей семьи, он только оставил от себя наблюдателей в детском саду. Для таких, как мы, нет учебных заведений, будущие некроманты обычно совмещают работу или учебу в вузе с обучением у наставников. После одного несчастного случая, еще до поступления в школу, Совет осознал свою ошибку, и одна из двух семей, которые жили в коммунальной квартире с нами, внезапно решила съехать. А вместо нее прибыл еще один наблюдатель. Вот только лучше бы съехала та семья, которая в итоге осталась.

Мне не хотелось признаваться в том, что, собрав воедино сон Адель, ее последнюю фразу и типичное поведение высокопоставленных магов, я догадался, какой урок решили преподнести ребенку.

– Понимаешь, у нас жила очень агрессивная соседка по имени Ирина, и она всегда искала конфликта. Наверно, у нее было какое-то

накопленное недовольство на жизнь, внутреннее одиночество, которое разъедает хуже любой кислоты. Ее дети не желали ее знать и съехали сразу после окончания школы, ее мать перебралась от нее подальше на дачу. Однажды я решила вступить за свою бабушку, но меня толком никто не учил использовать силы. Я переборщила и очень пожалела об этом. Следовало бы внушить Ирине идею продать жилье и решить все мирно. Но, Гилиад, понимаешь, она заслуживала хотя бы чуть-чуть побыть на месте моей бабушки, которой не давала жить! Но не заслуживала того, что я с ней сотворила. Из-за моего магического вмешательства соседка сошла с ума. Она перестала понимать, что происходит вокруг, и начала очень бояться остаться одна в своей части квартиры. У нее было целых три комнаты! Но с утра до вечера Ирина сидела на стуле на кухне с такими ужасно пустыми глазами. Она почти не спала и до поздней ночи не покидала свою выдуманную вахту, замерев и затерявшись в темноте. Мужчина-некромант, которого подселили в нашу коммунальную квартиру, запретил мне применять даже небольшие чары к этой женщине, и первые несколько лет мне было ужасно страшно заходить на кухню. Я боялась, пока мыла посуду, боялась, когда шла на кухню за мукой или сахаром... Но теперь я знаю, какова цена ошибок волшебника. С тех пор я больше не использую магию на людях.

Мне показалось, что я был первым, кому Адель рассказала про свое детство столь много. Она выглядела очень ранимой, а я долго не мог найти подходящие слова, которые бы не испортили момент.

– Ты ни в чем не виновата, – я похлопал девушку по плечу и поймал подозрительно-сощуренный взгляд Арауна, вышагивающего рядом. – О, мы почти на месте.

Нет, ну какие же все-таки изверги занимали посты в Совете волшебников! Ребенка и так жизнь наказала – занятостью матери и депрессией бабушки, нападением призрака, пожирающего души, и ужасной, бесчеловечной соседкой. Я бы выделил деньги из бюджета и переселил юного некроманта с семьей в отдельную квартиру. Но Совет решил воспитывать по-своему. Пусть учится жить в жестоком социуме с самых ранних лет. Честно говоря, я удивлялся, как Адель не сломалась. Или все-таки сломалась?

– Как думаешь, что спровоцировало появление призрака? – немного нервно спросила Адель, когда мы почти подошли к дому.

Вопрос был уместный. В реальной жизни призраки возвращались очень редко. Только в кино несчастные души использовали любой повод, чтобы передать привет живым. Пустяковые незаконченные дела погибших просто не могли прорвать ткань мироздания, которая бы помогла выбраться в нашу реальность. Иногда в пододеяльнике жизни ощутимую дырку проделывала масштабная катастрофа, которая приводила к мучительной смерти многих людей одновременно. Порой было достаточно одного серьезного убийства, чтобы в нашем мире появился призрак.

– Мне жаль тебя расстраивать, но я не слышал о крупных авариях в этом городе. А это значит, что наиболее вероятной причиной возвращения пожилого господина я считаю насильственную смерть от рук одного из близких. Менее вероятно, от рук кого-то из друзей. – Я говорил так тихо, чтобы нас не могли услышать прохожие или люди внутри квартир с приоткрытыми окнами.

Адель заметно приуныла:

– Но ведь то, что старик вернулся в родной дом, совсем не значит, что он пришел наказать своих убийц. Почти все призраки возвращаются в знакомые и родные места... А что может быть роднее дома?

– Адель, я никого не обвиняю, просто делюсь своим опытом.

Мы вышли к простому панельному дому на девять этажей и восемь парадных – обшарпанному бетонному киту с потрескавшейся серой кожей. По три квартиры на этаже, и в одной квартире в среднем живет семья из трех человек. Итого примерно шестьсот пятьдесят человек в одной панельке... Я застал зарождение и формирование многих архитектурных стилей, элементы которых то и дело снова входили в моду лишь для того, чтобы быстро кануть в небытие. Но когда я увидел первые панельные дома, то решил, что это бараки для строителей, а сами мастера позже возведут другие, пригодные для жизни людей здания. Время шло, а жилье, заявленное как временное, обрело бессмертие и превратилось в символ эпохи. Наверно, если бы я не стал некромантом, то пошел бы в архитекторы. Люди врут с разных ступеней и пьедесталов своих карьерных и социальных лестниц, но архитектура всегда честна. Она лучше любого современника расскажет обо всех скрытых общественных проблемах, состоянии культуры, богатстве и приоритетах страны или города. Ее декор и изящество или

его отсутствие нарисуют мне эскиз человека – того, кто в теремочке живет. Эта панелька мне признавалась абсолютно честно, что дела у ее жителей не очень, но они держатся и уходят с головой в быт. Очень сложно думать о высоком, когда счета не хотят сходиться.

Я слышал, как Адель идет по лестнице осторожно, стараясь не шуметь. Ей было немного неудобно, и кажется, она слегка боялась женщины, с которой мы должны были увидеться. А может, опасалась ее агрессивной реакции.

– Позволь, я сам поговорю. – Я нажал кнопку звонка и услышал в ответ тяжелый топот ног.

Дверной глазок загорелся косым желтым светом и превратился в мини-версию ока Саурана.

– Да? Кто это? – раздался хриплый голос с задранном вверх ударением к концу фразы.

– Нас прислали из участка. Мы по поводу вашего звонка в полицию. Оператор передумал и направил нас к вам, убедиться, что у вас все в порядке.

Женщина хмыкнула и приоткрыла дверь, оставив наброшенной цепочку.

– Покажите, пожалуйста, ваши документы.

Я достал обыкновенный брелок из местного туристического магазина, который был заколдован и являлся людям в том облики, которое они больше всего ожидали увидеть. Мне оставалось лишь надеяться, что родственница покойного не видит во мне ничего враждебного и не рассчитывает, что у меня в руках окажется нож или пистолет.

Собеседница кивнула, дождалась, пока мы представимся, и уточнила:

– А собака зачем?

Я улыбнулся:

– Служебная овчарка. Кем бы ни являлся ваш непрошенный гость, он может оказать сопротивление. Моя напарница – кинолог и обучила пса выполнять безопасное задержание.

Кажется, ответ устроил женщину, и она пригласила нас войти. Короткие волосы, лежащие шапкой, растянутое домашнее платье и сгорбленный вид отнимали у нее годы жизни. Должно быть, ей было около тридцати, а большие очки добавляли в ее образ вечное

удивление. Я разулся и двинулся за хозяйкой квартиры. Она замерла в коридоре, перед входом на кухню, и потеряла красный след от дужки очков на переносице.

– Врать не буду, тот человек – один в один дедушка моего мужа. Только такого быть не может. Пожалуйста, просто заберите его от меня, я еще от похорон толком не отошла, а мужа бы схватил инфаркт, если бы он увидел человека, которого мы только что похоронили. Хорошо, что муж на работе. – Она вздохнула и скрылась в одной из комнат.

Я прислонился к стене и посмотрел на кухню. Стены, одетые в обшарпанные бумажные обои, хранили след от затопления соседями сверху. Выцветший линолеум на полу кое-где потрескался, но первое, что бросалось в глаза, – это ярко-желтый, как канарейка, кухонный гарнитур. Пожилой мужчина, который стоял рядом, перед разделочной доской, выглядел вполне мирно и обычно. Руки привычными движениями нарезали тушу, аккуратные кусочки баранины отправлялись в электрическую мясорубку. Щелк-щелк – чавк-врум-врум-врум. В этой готовке была заключена любовь и подлинная гармония, удары ножа и звуки мотора мясорубки рождали современную мелодию в стиле техно.

Это могло бы быть идеальное утро пенсионера, который старается приготовить блюдо повкуснее для своей любящей семьи. Вот только пенсионер был мертв, а семья, наверно, не была любящей... Адель перегнулась через мое плечо и заглянула на кухню.

Женщина за спиной возникла, как призрак, заставив мою напарницу шумно выдохнуть.

– Вот фотография дедушки моего мужа, Виктора, – хозяйка квартиры встала напротив меня, держа в руках снимок. – Я не говорю, что перед нами – он. Я не знаю, разыграл ли это такой или какой-то пожилой мужчина, как в «Иронии судьбы», перепутал дом, подъезд, квартиру... и его ключи случайно подошли к моему замку.

Так всегда бывает – мозг всегда ищет наиболее логичные варианты происходящего. Разум уводит дорогами здравого смысла прочь от сумасшествия или кривого пути принятия сверхъестественного мира.

– Адель, что нам нужно сделать в данных обстоятельствах? – словно на экзамене, поинтересовался я. Ситуация в любом случае

требовала команды зачистки, поэтому я решил использовать подходящий момент для обучения и проверки знаний своей сотрудницы.

– Действуем по протоколу, – с готовностью отозвалась она. – Сначала следует окликнуть предполагаемого призрака и привлечь его внимание. Призрак не отреагирует на раздражители, в отличие от живого мертвеца. Далее – усыпляем всех жильцов, отгораживаем занятую призраком жилплощадь при помощи дорожек из соли. Аккуратно переступаем границы, убеждаемся, что перед нами призрак, и посыпаем его лавандовым порошком или сушеной лавандой. Объект классифицируется как призрак, если обретает дар речи и выходит из закольцованного повторения действий, характерных для него при жизни. А так как лавандовый порошок воздействует на призраков образом, сходным с...

Я прервал почти прямое цитирование параграфа про правильное упокаивание вернувшихся к жизни и покосился на хозяйку дома. На ее щеках появлялся румянец, а ноздри стали раздраженно раздуваться.

– Какое бы шоу вы здесь ни снимали, я буду подавать на вас в суд! Усыплять меня? Я вам что, собака?!

– Виктор! – окликнула дедушку Адель и крепко зажмурилась. Когда она закрыла глаза и зашептала знакомые слова на древнем языке, мясорубка затихла и в квартире воцарилась тишина.

Призрак, а теперь у меня не оставалось сомнения в том, что перед нами именно он, как ни в чем не бывало продолжал помещать куски мяса в затихшую воронку, собрав из них порядочную башенку.

– Вы что, меня не слышите? Вон из моего дома, клоуны! И актера своего заберите! Я вас запомнила! – Женщина не решилась приблизиться ко мне или к Адель, но ее голос и не думал дрожать.

Я достал из кармана маленький флакончик духов, бросил его в руки Адель и прошел мимо возмущенной хозяйки в комнату за стулом. Все произошло слишком быстро и почти без пауз. Напарница поймала флакончик и распылила немного магической взвеси перед носом уставшей владелицы квартиры. Я ловко поймал женщину и позволил телу опереться на обитую мягким поролоном спинку стула. В этом вынужденном сне женщина выглядела безмятежно, и печали вместе с годами покидали ее расслабившееся лицо. Адель залезла мне в сумку за пачкой соли и принялась отделять периметр кухни насыпной белой

линией – чуть более упитанной и удавообразной, чем следовало бы. Я выхватил вторую пачку и принялся огораживать соляной чертой другую половину комнаты. Напарница следом за мной осторожно вошла в прямоугольник из соли, повторяющий форму помещения. Я бросил фиолетовые лепестки лаванды в лицо чужому дедушке.

Привидения не были прозрачными, но по своему желанию могли управлять материей и проходить сквозь предметы или, наоборот, брать вещи в руки. Лепестки упали повару за шиворот, а часть горсти рассыпалась по полу. Седовласый мужчина вздохнул и повернулся к нам лицом, оставив в покое начинку для пирогов.

– Я умирал долго, очень долго. Лет в тридцать я почувствовал себя неожиданно слабым и немощным для своих лет. Много в моей жизни потеряло смысл. Но я продолжал стараться, чтобы у моих детей было будущее.

У призраков был один недостаток: они всегда очень хотели выговориться. Если они находили добросовестного слушателя в лице некроманта, то долго не могли остановиться. И начинали всегда издали. Мысленно я поблагодарил дедушку за то, что он не начал рассказ из глубины веков, со времен появления своих предков.

– У меня внутри росла дыра, которую было невозможно заполнить. У меня была семья, с которой я был счастлив, была работа на производстве, которая приносила мне удовольствие. Но что-то было не так. Я перестал радоваться мелочам, растерял хобби и друзей. Те, с кем я общался раньше, старели даже быстрее меня, изнашивались и становились не похожими сами на себя...

Печальный взгляд призрака перестал быть стеклянным и отрешенным и наполнился теплотой воспоминаний о тех, кто был ему дорог. Где-то я уже слышал подобное высказывание... Араун заскулил и устроился поудобнее на пороге квартиры. Его беспокойство прогнало какую-то важную мысль и словно отправило поезд, несущийся в пункт назначения, на запасной, тупиковый путь. Я что-то упустил, проклятье!

– Ко мне пришли во сне, чтобы забрать то, что от меня осталось, и выпить до дна... И тогда я умер. Но я знаю, кого в этом можно обвинить...

Замок зашуршал, и в двери повернулся ключ. Сначала в открывшуюся щелочку протиснулись объемные пакеты, а потом уже

спиной и сам пакетносец. Адель застыла на кухне очень удивленной восковой фигурой из музея. Араун тихо скользнул в другую комнату. Я переводил взгляд с затихшего призрака на напарницу и обратно.

– Дорогая, у нас на работе отключилось электричество, и нам дали оплачиваемый выходной на сегодня. Завтра все починят. Я зашел в магазин и взял все продукты по твоему списку... – Все еще занятый сражением с пакетами и закрыванием двери, мужчина еще не заметил ожившую фразу из моего любимого анекдота: «Собрались как-то призраки, некроманты и чело–век...»

– Мальчик, не дайте в обиду мальчика, – выдавил из себя призрак, словно опасаясь, что он не успеет поведать нам что-то важное. – Мальчик с безделицей в опасности... Защитите его.

– Дорогая, ты не одна? – упавшим голосом выдавил муж, открывая вторую дверь в коридор.

Не такое «не одна» боятся увидеть мужчины, вернувшиеся домой с работы пораньше. Впрочем, коридор любезно открыл взгляду внука призрака сначала только меня. Мужчина, молодая копия седовласого призрака, опустил тяжелые пакеты на пол.

– Вы что здесь делаете?!

Адель сбросила с себя оцепенение и встала рядом со мной:

– Мы – друзья вашей жены.

Мужчина удивился и принялся искать взглядом саму жену. Она любезно храпнула вместо приветствия и сползла по спинке стула.

– Да что здесь происходит?

– Мальчик, защитите мальчика! – вклинился дедушка. – Он – один из хранителей важной вещи, и он – их цель! Они виновны во всем плохом, что происходит в этом городе!

Внук бросился на кухню, навстречу знакомому голосу, а затем случилось сразу несколько вещей. Во-первых, из комнаты тенью выскочил Араун, который решил, что хозяйке может угрожать опасность. Во-вторых, бегущий через коридор мужчина умудрился запнуться о трещину в линолеуме и влетел на кухню носом вперед прямо через солевую линию. Я попытался удержать поток соли обычным заклинанием, но не успел его дочитать. В-третьих, пес прижал упавшего мужчину, взметнув вверх еще больше соли.

Брызги соли коснулись призрака, заставляя его исчезать с шипением газировки и становиться все менее осязаемым.

– Дедушка! – воззвали из-под гончей дикой охоты.

– Араун! – возмутилась Адель, глядя на последние всполохи испаряющейся вместе с призраком надежды обнаружить убийцу несчастного возвращенца. В коридоре укоризненно засопели, выражая неодобрение нашей неловкости.

* * *

Мы стояли во дворе дома, пока пес обнюхивал все кусты, до которых только мог дотянуться его розовый нос. Я посмотрел на мельтешение знакомых лиц в окне: команда зачистки заработала вовсю. Они отредактируют память домочадцам и даже подарят от себя немного хорошего настроения, чтобы помочь человеческой психике быстрее восстановиться. Я подумал, что люди, испытывающие беспричинный подъем сил, даже не догадываются, какие события были пережиты ими, зато часто берут жизнь в свои руки и что-то кардинально меняют к лучшему. Кто-то уходит с нелюбимой работы, кто-то мирится с семьей, кто-то наконец позволяет себе любимое хобби или поездку в экзотические страны...

– Не стоит винить себя. И потом, мы сегодня выяснили два важных момента: во-первых, родственники не убивали своего дедушку. Во-вторых, кто бы это ни был, следующая его жертва – мальчик с безделицей, хранитель артефакта...

– Я тоже сомневаюсь, что внуки пришли к своему дедушке, пока он спал, и «выпили его до дна», как выразился Виктор. Похоже, что его убийца – это что-то по нашей части. А еще он почему-то нацелился на одного из Артефакторов. Думаешь, на Максимилиана? У Гольштейнов есть еще старший сын, правда, вряд ли его можно назвать мальчиком... Так почему из всего семейства наш убийца выбрал именно Максимилиана?

Максимилиан. Большой-большой секрет

«Было немного обидно так много знать о магии – и совсем ею не пользоваться. Еще обиднее было сознавать, что много поколений назад члены моей семьи являлись могущественнейшими волшебниками.

В то время как мои предки возводили целые города посреди одиноких островов, просто подняв руки, я не мог превратить даже крохотный предмет во что-то иное. Сейчас в распоряжении когда-то величественного рода Гольштейнов находилось небольшое напоминание о грандиозных чарах – Гамельнская дудочка, творившая волшебство без нашего участия. Поэтому я всегда немного завидовал некромантам – тем, кто оберегал наш мир от всего темного и мертвого. Я впервые увидел Гириада, некроманта своего города, когда был мальчишкой: мы тогда только перебрались из Москвы. Я попросил показать мне какое-нибудь колдовство и ожидал увидеть в его руке светящийся огненный шар или марширующую по комнате тяжелую мебель. Но вместо этого Гириад долго шептал себе под нос какие-то слова, похожие на молитву, после чего в коридоре зазвонил домашний телефон. Мне показалось, что меня обманули и волшебник просто заранее договорился со своим другом, который сделал звонок из дома,

чтобы разыграть меня. Магию некроманта не сопровождали красивые алые всполохи силы или ярко-синие молнии, и на каждое неэффективное действие требовалось достаточно много времени и чаще всего – какие-то подручные предметы или настойки. Гиляд объяснил мне, что золотая эпоха волшебства осталась в прошлом и для серьезного колдовства силу нужно у чего-то заимствовать – у портала, магического существа или амулета, в который необходимо было периодически вливать свою же мощь. Артефакты нарушали всю концепцию, существуя вопреки логике и законам природы. Наверно, если бы их совсем не осталось в нашем мире, некроманты решили бы, что эпоха Великих Колдунов – просто миф или красивая сказка».

Максимилиан отложил свои записи и вернулся к древней книге из семейной библиотеки под названием «Предания старины», которую читал уже несколько месяцев. Для ее изучения потребовалось взять уроки немецкого языка, а потом самостоятельно углубиться в средневерхненемецкий диалект, которым перестали пользоваться еще в XIV веке. Сложность перевода старого тома заключалась также в том, что смысл некоторых слов был утерян, и лингвисты, составившие словарь, в подобных случаях искренне пожимали плечами и ставили знак вопроса около наиболее вероятной трактовки. Другие слова, напротив, имели множество предполагаемых смыслов. Некоторые фразы книги из-за этого досадного недоразумения становились весьма забавными: «И взял великий Утте свой «?», показал всему народу, и охнули люди на площади, ведь ни у кого больше не было такого!» Или: «И тогда победу присудили Ингрид, «вкусному имбирному прянику», ибо мастерство колдовства ее было несомненно». В первом случае речь шла об уникальном зазубренном клинке, выкованном лучшими мастерами Германии (или поварами, как предлагал другой переводчик), а во втором волшебницу ошибочно назвали кондитерским изделием, тогда как речь шла о том, что у девушки были ярко-рыжие волосы.

Максимилиан уже неделю подряд открывал интернет-вкладку с почтой, чтобы посмотреть на статус заказа. И вот наконец-то, после стольких дней томительного ожидания, ему в руки попала долгожданная ценная посылка. Ее содержимое кому-то могло показаться средневековым рецептом от кашля или списком покупок – именно под таким описанием юноша нашел объявление о продаже.

Вот только утерянные много веков назад листы имели характерную нумерацию, складывающуюся в историю. В цифры были вписаны зарисовки города, бытовые сценки и фантастические приключения алхимика и его оживленной невесты. Большую часть легенды о некроманте можно было найти на страницах «Преданий старины». Недостающие эпизоды с когда-то утерянных, криво выданных листочков легли на стол, запакованные в плотный картон.

Максимилиан пришел к выводу, что именно недостающие листы прольют свет на тайну магии древних могучих волшебников и помогут повторить и даже превзойти их деяния. К сожалению, продавец отказался фотографировать свою находку в нормальном разрешении, а на снимке в интернете с трудом можно было разобрать витиеватые слова, написанные изумрудными чернилами. Несколько секунд юноша смотрел на посылку, а потом дрожащими руками открыл упаковку. Его пальцы осторожно взяли три потертых желтоватых листа в куда как более потрепанном состоянии, чем страницы книги. Однако заклинание и фрагмент летописи все еще можно было различить. Интересно, для чего предыдущие поколения Артефакторов решили избавиться от столь ценной информации? Боялись, что книга может попасть не в те руки? Решили обезопасить себя, потому что обряд мог принести вред тому, кто его проводил? Возможно, и то и другое сразу. Максимилиан слишком рано понял, что у каждой вещи есть своя цена и чем заманчивее вещь – тем больше придется за нее отдать. Не прерывая цепочку размышлений, он принялся неторопливо переводить текст. За окном стемнело, домой вернулись сначала брат и сестра, а затем и родители, а упрямый юноша все еще возился с древней рукописью. Раньше семья всегда спрашивала, как прошел его день, рассказывала о смешных ситуациях на работе, но сейчас никто даже не обратил внимания на Максимилиана, скрывшегося за стопкой словарей.

Ему ужасно захотелось поскорее продать квартиру, но квартира словно противилась самому факту продажи и отказывалась уходить из их жизни. Риелтор разводил руками и, не теряя оптимизма, уверял, что их покупатель просто пока еще не нашелся, но он где-то есть. И нет, он не мифический зверь. Просто времена сейчас трудные. Правда, когда младший Гольштейн задал вопрос: «А когда они вообще были легкими?» – агент по продаже недвижимости лишь засмеялся и

промолчал. Максимилиан покачал головой и включил настольную лампу. Текст сложился во что-то более-менее логичное. Автор «Преданий старины» утверждал, что заклинание, придуманное им, заимствует силу у поколений еще не рожденных детей, внуков и правнуков, начисто лишая их каких бы то ни было способностей. Зато в руках одного отдельно взятого волшебника сразу появляется необузданная мощь, которая рвется переделывать и перестраивать мир. Кто-то давным-давно решил встать у истоков создания нового мира, увековечить себя в истории и тем самым отнял у Максимилиана единственную возможность использовать то, что дано ему по праву рождения. Данную ему и еще многим другим потомкам разных семей... Гольштейн-младший почувствовал себя опустошенным, несчастным и пожалел о своей жажде познания. Быть может, из-за магических способностей, однажды отнятых предками, члены его семьи становятся не похожи сами на себя и теряют свои лучшие качества?

В дверь настойчиво звонили. Максимилиан, так и не решивший, что делать с выдранными листками, подошел к двери и услышал тихий лай. Ну да, это опять некроманты в сопровождении странного пса, который ест все, что плохо лежит.

– Вы же уже проверили артефакт и убедились, что моя семья не пользовалась им в последнее время. Что вам еще нужно?

В любой другой момент юноша встретил бы гостей более вежливо, но с тех пор, как его жизнь перевернулась, скрывать свои чувства стало на порядок сложнее.

– У нас есть основания полагать, что все странные события последних дней как-то между собой связаны. И то, что прогнало насекомых из подвала, ищет именно тебя. По какой-то неведомой нам причине. Мы думаем, что ему нужен артефакт.

Максимилиан похолодел и замерзшими пальцами открыл замок. Неужели кто-то, кроме него, узнал о недостающих страницах книги, попавших к нему в руки?

– Проходите на кухню, мне нужно убрать беспорядок в комнате.

Листы нужно было спрятать подальше, туда, где их никто не станет искать. Гольштейн-младший пропустил гостей в коридор и быстро зашагал в комнату. В его руки легла большая толстая книга, которую открыли из вежливости только один раз, чтобы не обидеть

дарителей. Максимилиан безжалостно сложил листы «Преданий старины» пополам и поместил между страницами поваренной книги.

– Значит, вы думаете, что меня кто-то или что-то хочет найти? – Юноша уселся на стул, поближе к кухонному окну.

– Да. Час назад развеянный призрак сообщил о том, что «мальчику, одному из хранителей важной вещи», грозит опасность от рук его убийцы. Мы больше мальчиков, которые бы вместе с кем-то охраняли важную вещь, не знаем. Потому с тобой для охраны пока останутся Адель и Араун. – Гиляд встал из-за стола и направился в прихожую.

Девушка-некромант неловко пожала плечами и отвела взгляд.

Гилиад. Хороший специалист

Ситуация начала выходить из-под контроля, и в нее добавилось слишком много переменных. Скрывать от Совета волшебников информацию стало откровенно опасно, пусть даже мое обращение будет означать признание собственной некомпетентности и невозможности оградить город от угроз.

Я набрал знакомый номер, попросил своего наставника передать начальству сведения, которые мы пока смогли добыть, и добавил:

– Натан Соломонович, можно именно вы заедете за мальчиком и артефактом? По протоколу, вместе с дудочкой и возможной жертвой я оставил Адель. Мальчик и ваша бывшая ученица под защитой мощнейших амулетов из моей коллекции: никто не сможет ворваться в квартиру, если его не пустит сам хозяин. Даже вы. Адель дождется вашего прихода, а затем присоединится ко мне в исследовании подземелий.

Бывший учитель явно улыбался в трубку.

– Она – хороший специалист?

– Достаточно. Только опыта не хватает.

– Сдается мне, – задумчиво протянул Натан Соломонович, – что опыта в ближайшее время она получит с лихвой. У вас там сгущаются облака, будь осторожен. А я приеду ближайшей электричкой.

Ну что ж. По крайней мере, судя по словам призрачного дедушки, Адель непричастна. Зато виноваты какие-то неведомые «они». И эти «они» еще и имеют отношение к недавнему нашествию насекомых. Хорошо, что призраки не могут врать. В высшей степени иронично, что некоторым людям, похоже, нужно умереть, чтобы перестать обманывать и вводить в заблуждение. Мало кто знал, но именно волшебники ввели в человеческий лексикон выражение «горбатого могила исправит».

Адель. Как я умерла

О чем говорить с подростком, мне было непонятно. Мне было непонятно, о чем говорить с подростками, даже когда я сама была подростком. В сущности, это время минуло совсем недавно, и я нехотя пыталась приспособиться к роли взрослого человека.

– Откуда у тебя такой пес? – Максимилиан рассматривал Арауна, уткнувшегося мордой мне в ноги.

– О, он из царства эльфов. Вообще-то, он должен быть охотничьей собакой, но так как я получила его еще щенком, то не стала учить загонять дичь. Мне вообще кажется жестоким кого-то загонять. У Арауна, конечно, есть инстинкты, но он направляет их в мирное русло. Он очень любит что-нибудь приносить. Например, одежду или почту.

Юноша поджал губы и осторожно поинтересовался:

– Раз он не из нашего мира, наверно, умеет что-то необычное?

– Ну, у Арауна будет более долгая по сравнению с собаками жизнь. Наверно, он проживет даже дольше обычного человека. Мне говорили, что на гончих дикой охоты все заживает быстрее. А еще – его лай будет слышен во всех измерениях, если он решит обратиться к своей стае. А в остальном он обычный пес.

Я часто слышала, что слишком много додумываю за других. Но сейчас у меня не получалось избавиться от ощущения, что мое

присутствие воспринимают как досадную необходимость.

– Можем посмотреть какой-нибудь фильм, пока ждем вашего старшего волшебника.

– Да, неплохая идея.

Максимилиан пригласил меня в комнату и начал искать в интернете какой-то авторский фильм, который, по его словам, через метафору очень достоверно показывал волшебную сторону этого мира и был снят некромантами, вышедшими на пенсию. Что угодно, лишь бы не чувствовать себя неловко. Начались титры, а вместе с ними главный герой пошел сквозь сменяющие друг друга времена года. И он все брел, пока другие люди расплывались разноцветными линиями, точно огни машин на фотографиях с длинной выдержкой. Нам всем снятся такие сны. Каждый некромант хоть раз просыпался посреди ночи после похожих сюжетов. Герой на экране тем временем сумел распрямиться на ветру и остановил солнце, идущее за горизонт. Он пытался поймать совсем не закат, а девушку в белом платье – единственную, которая не размазывалась яркими масляными линиями.

Наверно, Максимилиан хотел как лучше и пытался показать свою осведомленность о переживаниях некромантов, вот только мне стало совсем не по себе.

Актер на экране наконец схватил незнакомку за руку, и та тихо произнесла:

– Ты умер. Можешь остаться в этом мире и управлять им, как пожелаешь. Любое твоё желание сбудется, и ты сможешь быть счастлив. Сейчас у тебя дурацкая работа – совсем не для твоего интеллекта. А хочешь, сможешь вернуться в студенческие годы и получить другую специальность. Если тебе опостылело все это – возвращайся в счастливую пору детства, когда все вокруг решают родители, а тебе просто нужно успеть вернуться до темноты с прогулки к ужину.

Я начала задыхаться и отвернулась. Я не сомневалась, что дальше главного безымянного героя ждут увлекательные приключения, которые помогут ему вернуться с того света, вот только у меня не было никаких сил смотреть кинокартину дальше. Каждый из нас стоял на месте мужчины с экрана и слышал подобные слова. Своего рода предложение – остаться в мире грез, простом, понятном и податливом, или пройти испытание и возродиться настоящим волшебником. Мы

все корим себя за то, что соблазн согласиться погрязнуть в воздушных мечтах был слишком велик. Мы все переживаем этот момент снова и снова.

Наверно, другим некромантам было легче, в конце концов, они умирали в более сознательном и менее впечатлительном возрасте. Это как с ужасниками – чем ты становишься старше, тем меньше они тебя впечатляют. В разговорах я всегда старалась показаться сильнее, чем есть на самом деле, в надежде однажды поверить в свои слова. Я так часто повторяла, что обряд инициации прошел легко, когда слышала бесконечные вопросы, что фраза уже стала дежурной.

– В чем дело? – Максимилиан поставил фильм на паузу, и я собиралась объяснить свои эмоции, но в этот момент в дверь позвонили.

– Наверно, Натан Соломонович подъехал. Я открою дверь.

– Гиляд же сказал, что ваш волшебник поедет из Москвы? До нас три часа езды. Он не мог успеть добраться так быстро.

Я осторожно встала с дивана и подошла к входной двери. В дверной глазок вовсю улыбался Владислав. Интересно, ему доплачивали за это дурацкое выражение лица? В коридор скользнул Араун, и высунулся Максимилиан.

– Тут риелтор пришел. Вообще, мы не должны никому открывать до прихода Натана Соломоновича, – прошептала я.

– Хозяева, открывайте! До вас не дозвониться! Я привел потенциального покупателя, – заголосил Владислав. За его спиной стояла искаженная линзой семья с вытянутыми телами и большими круглыми головами, похожими на тыквы.

– Адель, ну пожалуйста, я так хочу уехать из этого города! Это же всего лишь риелтор из агентства. Мы с семьей его проверили, он обычный человек!

Я открыла дверь, но решила быть настороже. В коридор зашли самые обычные мама и папа и ребенок лет одиннадцати. На злодеев или похитителей они никак не тянули.

– А чего на звонки не отвечаем? – бодро заверещал Владислав.

Максимилиан виновато похлопал себя по карману:

– Забыл зарядить телефон. Думал, вы заранее позвоните, а не прямо в день просмотра...

– Ребятам квартира нужна срочно, они только сегодня смотрят, у них потом времени не будет. Ну что ж, как я и говорил, ремонт квартире не требуется, можно въехать и жить.

Владислав увел неразувшихся посетителей в спальню, а Гольштейн-младший лишь сопровождал их шаги печальным взглядом.

– И так каждый раз. Мне уже вообще начало казаться, что все эти люди ничего не хотят покупать, а просто приходят посмотреть, как живут другие. Или посещают квартиру вместо музея, чтобы полюбоваться на семейную коллекцию книг. Лучше я последую за ними, вдруг в моей шутке есть всего лишь доля шутки.

Владислав оторвался от песни восхваления, посвященной лепнине на потолке, и позволил гостям осмотреться. И правда, они же ведут себя, как маленькая группа туристов на экскурсии. Риелтор тем временем оставил семью осматривать помещение и обратился ко мне:

– Ну что, надумали с мужем квартиру в Москве покупать? Хотите взять недвижимость по соседству с вашими друзьями Гольштейнами?

Я закатила глаза и замотала головой. С этим агентом по недвижимости было бесполезно говорить. За мной тенью замаячил Араун, и Владислав предпочел замолчать под неодобрительным взглядом пса. Процессия, словно стайка пингвинов, переваливаясь, двинулась в соседнюю комнату. На этот раз я и Максимилиан не упустили людей из виду, потому что в соседней комнате была спрятана Гамельнская дудочка.

– Пол, как вы видите, оригинальный, отреставрированный паркет елочкой... А еще здесь хранится очень ценный артефакт, за которым мы с вами и пришли.

Сперва мне показалось, что я ослышалась. Мозг все понял раньше меня, губы стали нашептывать слова защиты, и я оттеснила Максимилиана за свою спину. Все произошло за долю секунды. Владислав размахнулся и ударил прямо в живот. Его лицо искривилось, на нем не осталось и следов той открытой улыбки, которая вроде как должна демонстрировать широту души и радушие. Я потянулась за защитным амулетом, но не успела его активировать. Владислав заломил мои руки за спину, накладывая на них путы из жесткой веревки. Размашистым движением он залепил мне рот заранее заготовленным куском плотной клейкой ленты. Араун бросился

вперед, собираясь оттолкнуть от меня проклятого риелтора. Владислав присел, и пес пролетел вперед, свалив отца семейства.

Мать успела отскочить в сторону, но налетела затылком на угол стола и теперь недовольно потирала голову. У нее было такое плоское, почти пластилиновое лицо, как будто на досуге она привыкла ударяться им о стол и умудрилась смять все свои отличительные черты. Максимилиан понесся в соседнюю комнату, и я успела услышать, как щелкнул дверной замок. Пес развернулся, чтобы прыгнуть на Владислава, но его уже валили женщина и ребенок. Одиннадцатилетний мальчик достал из своего кармана электрошокер и приложил к боку Арауна. Я зашипела, а пес обмяк, теряя сознание. Грудь гончей слабо вздымалась, и я выдохнула с некоторым облегчением. Со связанными руками и заклеенным ртом я могла только связаться с Гилядом или своим учителем. Напряглась, зажмурилась, но поняла, что не чувствую никого из волшебников. Просто не могу проникнуть никому в голову. Заметив мой бегающий взгляд, Владислав отдышался и бросил:

– Вы с тем, другим некромантом стали вертеться у нас под ногами. Думаете, мы бы пошли в дом Артефактора без защиты от дурацких чар? На клейкой ленте руны молчания. Никому ты, девочка, о нашем визите не скажешь, в том числе и мысленно. – Риелтор перевел взгляд на своего сообщника: – Володя, нашли дудочку?

– Дудки, – без улыбки отозвался короткостриженный «отец семейства», похожий на откормленного кабана. – Нет ее здесь. Наш информатор чувствует ее в этой квартире, но его ощущения скорее похожи на геолокацию – не стоит ожидать точного месторасположения вплоть до комнаты.

– Максимилиан! – закричал риелтор, выпуская меня из поля своего зрения и отпихнув в сторону, к фальшивому отцу.

Мужчина сжал мои связанные запястья еще сильнее, лишая возможности вырваться. Это только в кино пленники зачем-то злят злодеев, пытаются напасть на них, вызывая лишние волны агрессии. Я выпрямилась и встала совершенно спокойно, не желая вывести из себя Володю. Я надеялась, что младший Гольштейн успеет найти зарядку от смартфона и позвонит Гиляду или мы потянем время и дождемся подкрепления в лице Натана Соломоновича. Ребенок с электрошокером опустился на пол и стал охранять собаку, а

притворная мать двинулась к входной двери и, судя по металлическим щелчкам, заперла нас. Назад она не вернулась и так и осталась охранять вход, словно гвардеец в смешном длинном валенке на голове, стерегущий королеву Англии.

– Открой дверь! – рявкнули из коридора. – Или я убью девчонку! Открой, я сказал!

Из недр коридора раздалось глухое «бум», затем еще одно и завершилось аккордом из знатного «хлясь!». С таким деревянным звуком ломается ветка или хрустит надломленная палка. В данном случае, скорее всего, сдался экошпон двери, которую риелтор, по иронии судьбы, нахваливал несколько минут назад словами «надежная, прочная дверь с качественными европейскими замками».

Тихого и побледневшего Максимилиана втащили за ворот рубашки. Он опустил взгляд в пол и выдавил из себя слабое «извини», обернувшись ко мне. Юноша извинялся за то, что оставил меня, или за то, что не успел позвать подмогу? Я не считала его побег предательством, наоборот, это действие увеличивало наши шансы оказаться спасенными.

– Где Гамельнская дудочка?

Гольштейн-младший рассмеялся, качая головой:

– Вы думаете, что мне, такому неопытному и молодому, оставили бы мощный артефакт? Семейную реликвию? Отец всегда носит дудочку с собой. Вы могли засечь ее, когда он вернулся домой с работы, но не более. Я – всего лишь обманка.

Владислав размахнулся и дал Максимилиану пощечину, как в плохих боевиках. Никто не любит, когда его обводят вокруг пальца. Юноша осел на пол, но не сделал попытку подняться.

Владислав сжал руки и вытер их о штаны. Он наклонился к уху Гольштейна-младшего. Сейчас он совсем не был похож на свою лучезарную фотографию, улыбочиво взирающую с раскачивающегося на шее бейджика.

– Тогда что же это такое ты показывал этой любопытной девице и ее наставнику-некроманту? Неужели не дудочку?

– Это была не более чем реплика дудочки. Но даже ее я не могу взять в руки. Защитные заклинания не дадут воспользоваться подделкой кому-либо, кроме моего отца. Давным-давно этот трюк придумал Совет волшебников...

В моей голове все перемешалось. Выходит, Гилиад проверял ненастоящий артефакт? А это означает, что Гольштейны могли использовать ее, чтобы открыть незапланированный сезон охоты и заработать на отъезд из города без продажи квартиры? Я тряхнула головой, чем вызвала недовольство Володи, дернувшего меня за запястья.

– Не лги мне, щенок! – закричал багровеющий Владислав. – Некромант осмотрел дудочку, взял ее в руки, он бы смог отличить подлинник!

– Как вам угодно – псевдоартефакт в соседней комнате, – можете попытаться им воспользоваться или вынести отсюда. Он в серванте, в большой раковине, которую мы привезли из Сочи. На самом виду, чтобы сложнее было искать.

– Ты! – гаркнули у меня за спиной. – Пойдешь со мной и заберешь Гамельнскую дудочку.

Про артефакты нам рассказывают очень много. Ведь именно древней необузданной силы из прошлого больше всего боится Совет волшебников. Каждый некрмант на первом году обучения узнает, чем опасны игры с древним наследием золотой эпохи колдовства. Волшебник, который не получил от Артефактора разрешения вынести из квартиры его вещь, умирал долго и в муках. Корчась и впадая в небытие. Пока не оставался распростертой на земле сломанной, безжизненной игрушкой.

– Попробуешь забрать дудочку. Если откажешься – сам тебя убью.

Я попыталась еще раз достучаться до чьих-нибудь мыслей, нарушить радиомолчание в своей голове, настроившись на чужую волну, но мне отозвалась только тишина. Боже, Гилиад, позаботься о моем псе! И прежде чем я успела осознать все происходящее, Володя впихнул мне в руки раковину и толкнул в коридор. Псевдомать семейства сжала губы и отворила дверь. В моих глазах потемнело, руки стали холодными и влажными. Комната закружилась, и я полетела ей навстречу с совершенно пустой головой. Перед тем как все заволкло черным, я почувствовала, как меня волочат по полу.

Адель. Дети подземелья

– Зачем мы потащили с собой этого пса? Я уже не говорю о том, что он весит даже больше мертвой некромантши, которую мы тоже взяли с собой не пойми зачем. Мы что, собираем коллекцию Кунсткамеры? – заорали у меня над ухом.

Однажды в детстве, когда мне совсем не хотелось возвращаться домой, я задержалась на детской площадке во дворе школы. Турники и тренажеры заволокло послезакатным маревом, а потом и ключьями тьмы. Включились фонари, а я все лазила по лесенкам и цеплялась за протянутые между брусьями канаты. И когда я прыгнула, попытавшись зацепиться за турник руками, то упала с достаточно большой высоты и ударилась грудной клеткой о жесткое пробковое поле. Во всем были виноваты моя глупость и неверный блеск металла, из-за которого я неправильно рассчитала расстояние до перекладины. Так вот, первые несколько секунд из-за удара я не могла вздохнуть, а потом, с первобытным страхом и болью, наконец набрала воздуха в ушибленные легкие и начала с трудом кашлять. Примерно с этим ощущением я очнулась в совершенно незнакомом месте, уперевшись взглядом в кирпичную кладку. Некроманты чувствуют боль и могут умереть во второй раз – уже по-настоящему. Но нас все-таки чертовски сложно убить обычными человеческими методами. А вот магические артефакты – совсем другое дело... Почему же я до сих пор жива?

Стараясь не производить ни звука, я повернула шею и осторожно осмотрелась.

Кирпичная кладка пола переходила в слабо освещенный арочный проем, нависающий прямо надо мной. Слабый свет тек откуда-то из-за спины, оттуда же слышались и уже знакомые голоса. Насторожившись, я поймала фоновый шум, звучащий монотонным звуком падающего водопада. В воздухе пахло сыростью и мокрым камнем.

– Нам нельзя оставлять следы! Никто не должен знать о смерти некроманта. А собака могла бы выследить нас по запаху!

– Ты что, просто не мог ее убить, как ту девушку? – взорвался Владислав.

– Ты что, это же собака! Я сыну дарил похожую... ну не прям такую же, но тоже большую, пушистую, верную.

За спиной согласно пискнул тот ребенок, который приложил к Арауну электрошокер. Вот же... на языке завертелись некрасивые эпитеты, которыми я немедленно наградила – сюрприз! – настоящего сына Володи. Это что же за семья такая? Мистер Смит, миссис Смит и Смит-младший?!

– О, приходит в себя! Вы только гляньте! – вырвалось у Володи.

Я похолодела и попыталась затаить дыхание, не выдав себя ни малейшим движением. К счастью, речь зашла не обо мне.

– Итак, Максимилиан, толку от тебя никакого. Но хоть в качестве приманки сгодишься. Уверен, родители обменяют дудочку на своего ребенка. Я бы обменял.

Я повернула голову и натолкнулась взглядом на компанию похитителей, вставших вокруг Гольштейна-младшего, точно он был новогодней елочкой и одним своим видом немедленно требовал хоровод. Араун лежал без сознания чуть поодаль, его передние и задние лапы были связаны или стянуты чем-то. Но он и правда был в порядке. Меня просто выбросили и оставили валяться без всяких чувств на холодном полу. Руки оказались достаточно туго стянуты за спиной не то веревкой, не то жгутом – и не на шутку затекли. На лице по-прежнему была наклеена лента плотного скотча с рунами. Но зато на меня никто не смотрел. Это дало мне возможность пошевелиться, разминая плохо слушающиеся конечности. Я даже немного поменяла позу, развернувшись к театру действий в пол-оборота. Максимилиан обмяк на стуле. Ну что ж, по крайней мере, он не замерзнет. Куда бы

меня ни притащили, нужно было ползти в противоположную от семейства сторону, найти выход и позвать на помощь. Ну, хорошо, не позвать, а промычать. Я сделала небольшое движение, приближающее меня к повороту, за которым можно было скрыться и исчезнуть. Длинный петляющий зал, погруженный во мрак, больше всего напоминал туннель метро, вот только был несколько ниже и не имел никаких железнодорожных путей. Должно быть, меня затащили в городской канализационный сток или ливневую канализацию. И ведь где-то неподалеку, под землей, может быть Гилиад! И именно отсюда мы получили первый тревожный сигнал, за которым последовало нашествие насекомых... Как много совпадений. Я сгибала и разгибала пальцы, помогая крови быстрее циркулировать. Мне нужно было привести себя в форму, чтобы выбраться из подземелья. Мозг снова и снова возвращал меня к последним событиям, которые я помнила, – к тому, что случилось перед потерей сознания. Я взяла в руки поддельный артефакт, а потом мир накренился и перед глазами возник белый шум, как у ненастроенного старого телевизора. Почему я не умерла? На ненастоящую дудочку наложили более легкое заклятие? Похоже, что так. В любом случае оно спасло мне жизнь.

– Пока нам не согласятся отдать артефакт, побудешь у нас.

Я повернула шею на голоса и краем глаза заметила еле заметное шевеление. Белая гончая, словно заснеженная клумба, выделявшаяся на фоне полумрака, начала подавать признаки пробуждения. Следующим, что я услышала, был замогильный вой, разрывающий ткань бытия и проникающий во все измерения сразу. Ужасно знакомая печальная песня, обращенная к мохнатым соплеменникам... Ох и намучилась же в свое время команда по зачистке памяти с мозгами моих соседей... Хорошо, что еще собаку не отобрали – Совет волшебников посчитал, что подобное решение может оскорбить короля эльфов и даже развязать войну между нашими мирами.

– Ты что, не завязал псу рот, болван?! – завизжал Владислав, отвлекаясь от стула с Максимилиан-ном.

Впрочем, он тут же закрыл рот и предпочел инстинктивно сползти по стене вниз и заткнуть уши, чтобы хоть немного ослабить давление на барабанные перепонки. А «семья Смитов» так и вовсе забилась в ужасном синхронном припадке, который, наверно, высоко бы оценили только хореографы и балетоманы. Когда зовом пользуется щенок

гончей дикой охоты, к нему прислушиваются не очень охотно – иначе стая все время преследовала бы в лесу не оленей, а весьма безобидных бабочек и еще менее прытких гусеничек. Но вот к призыву взрослой собаки относились как к руководству к действию.

Из туннеля подул ветерок, принося с собой букет знакомых запахов пряного меда, цветущей акации и скошенных трав. Передо мной открылся портал, выпустивший свору белых гончих и трех всадников, которые были вынуждены пригнуться и припасть к шее лошади, чтобы не удариться головой о свод ливневки. Псы, словно убежавшее молоко, мягко обтекали меня, устремляясь вперед. Лошади ловко перепрыгивали через мое связанное тельце, точно я оказалась весьма экзотическим типом преграды на элитных лондонских скачках. Всадник, руководивший погоней, развернул лошадь и спешил. Я постаралась принять не такую унижительную позу и сесть, но руки и ноги по-прежнему неохотно слушались, поэтому пришлось все оставить как есть. Король эльфов бросил в сторону своих подданных и своры взгляд, убеждаясь в том, что все обойдется и без него. Мне почему-то стало стыдно. Как будто я не полноценный некромант. Араун аккуратно снял полоску скотча с рунами и присел на колени, снимая путы с рук.

– Адель, ох, Адель... Ты позволишь помочь тебе подняться?

Я кивнула, сдавленно поблагодарила старого друга за помощь и попыталась взглядом отыскать своего пса, но с такого расстояния отличить его от других членов стаи оказалось невозможно. Риелтора и его странных сообщников смяли и оттеснили к стене. Кони топтались на месте, недовольно ржали, а всадники ругались на эльфийском, и я предпочла не вслушиваться в их возмущенные голоса.

Араун тем временем поднял меня на ноги и понес в сторону портала.

– Нет-нет, мне нужно допросить этих злодеев и выяснить, зачем они так отчаянно хотели заполучить дудочку, а потом найти Гилиада и...

– Послушай, но ты не можешь больше сотрудничать с человеком, который так поступает с новичком. Оставить тебя одну, с опаснейшим артефактом и мальчиком, неспособным дать отпор... это было чрезвычайно неблагоприятно и опасно... И ради чего? Чтобы отправиться в патрулирование, которое могло и подождать? – Мягкие

руки удерживали меня, не давая упасть, и эти прикосновения напоминали о том, что без поддержки я снова лягу на полу неповоротливым кулем.

– Подожди, настоящая дудочка же находится в руках главы семьи Артефакторов? А та, которая была дома, просто подделка?

Король эльфов издал звук, похожий на вздох, и произнес:

– Нет никакой второй дудочки. Она всегда была представлена в единственном экземпляре, и сделать ее копию просто невозможно.

Адель. Чайник, завари!

Эльфы слишком плотно вросли в природу и могли себе позволить путешествия между мирами комфортным бизнес-классом, заимствуя по чуть-чуть энергии у крепких старых деревьев и экосистемы своего мира в целом. Они брали ровно столько силы, чтобы никому и ничему не навредить. Араун долго вплетал в мое тело лечебную магию, нашептывая слова на родном языке, а потом вытащил нас из ливневки. Недолго думая, король эльфов проложил еще один портал – до квартиры Гольштейнов. После полутьмы подземелий обычный день, врывающийся через молочную ткань тюля, казался ужасно ярким. Про волшебный народ никогда нельзя было знать наверняка, как они реагируют на ситуацию. Впервые за все время нашего общения давний друг выразил свою позицию четко и прямо.

Я устроилась уже на знакомой кухне Артефакторов, гадая, когда успели исчезнуть злодеи и два помощника короля вместе с тремя лошадьми. Араун-эльф деловито заваривал травы из своего мира в прозрачном чайнике и всей своей позой отказывался комментировать происходящее. Периодически король эльфов качал головой, погруженный в себя. Араун-пес виновато положил мне голову на колени, а Максимилиан вертел в руках злосчастную дудочку.

– Ты чуть не умерла по моей вине, – сокрушенно выдавил младший Гольштейн. – Я надеялся, что эти злодеи потеряют интерес к дудочке, если решат, что она – подделка. И это из-за меня они вошли в дом. Это я попросил их впустить...

– Не вини себя. – Немного дрожащей рукой я погладила пса, надеясь, что смогу выразить всю свою благодарность.

Мне хотелось рассказать Арауну о расследовании, обо всем, что произошло со мной за последнее время, но вместе с тем я видела, что старый знакомый хочет как можно скорее вернуться в свой мир. Наверно, королю эльфов вообще неприятно видеть меня – после того, как я заявила, что не испытывала к нему ничего, кроме дружбы. Быть рядом с тем, кто отверг тебя, наверно, одно из самых больших испытаний – я помнила это по юношеским годам.

– Максимилиан, ты никому и никогда не расскажешь, что сделала Адель, – наконец нарушил молчание гость.

– Вы про дудочку? – понимающе отозвался юноша.

– Никто, кроме нас троих, не должен знать, что некромант смогла вынести артефакт за порог.

Передо мной всплыл кусочек разговора и блеклые картинки, прорвавшиеся в мой мозг сквозь забытие. Кажется, я действительно слышала фрагмент диалога, перед тем как окончательно потерять сознание. Расплывчатая фигура пинает дудочку обратно в комнату и, кряхтя, поднимает мое тело.

«Так это подделка?»

«Что бы это ни было, ни один человек или волшебник не смог бы ее вынести из помещения».

Я начала снова задыхаться, когда в голову ворвался сноп из обрывков фраз.

«Давай заставим мальчика-Артефактора сыграть на дудочке! Вдруг она не поддельная», – раздался детский звеняще-выюжный голосок.

«Сына, ты идиот? Если мы потеряем нашего заложника, то у нас не останется больше других возможностей заполучить дудочку! Мы не можем притащить два трупа и ни одного артефакта».

Я сконцентрировалась на настоящем, вытесняя воспоминания.

– Но я обязан доложить в Совет волшебников и своим родителям... – Максимилиан поднял взгляд и наткнулся на спину

короля эльфов. Араун поставил на стол чайник, в котором лепестки и бутоны цветов кружили, точно рыбки в аквариуме.

– Эта девушка и так пережила достаточно, и у меня нет никакого основания думать, что она могла бы попытаться заполучить опасный артефакт. Кроме того, ты видел, чего ей это стоило в первый раз. И потом, Максимилиан, задумайся, кому могла понадобиться ваша реликвия? Кто знает руны молчания? Кому ваши похитители хотели принести артефакт?

Риелтора же ведь и правда кто-то нанял. Кто-то, кому нужна была дудочка... Но это же бессмыслица! Король эльфов намекал на Совет волшебников, но ведь в распоряжении волшебников было столько разных музейных артефактов на любой вкус и цвет!

– Гамельнская дудочка – уникальный в своем роде предмет, – продолжил свою мысль Араун, – если развернуть ее мощь в полную силу, то можно загипнотизировать животных, людей... Даже мертвых. И поставить на свою сторону. Весьма заманчиво для многих, я полагаю. Вероятно, вы ищете тех, кто хочет собрать свою армию.

В электрическом свете от кухонной лампы тонкая корона на голове эльфа блеснула серебряными брызгами, и на секунду мне показалось, что ее металлические узоры, складывающиеся в лес и оленей, пришли в движение. Зашелестела витиеватая листва, олень вскинул свои рога и умчался куда-то вдаль, за границы короны. Прогоня наваждение, я столкнулась с глубиной бледно-серых глаз. У меня и моего старого друга всегда было много тем, на которые можно помолчать, и почти никаких тем, на которые можно было бы поговорить. Я чувствовала, как неумолимо и навсегда расходятся наши дороги. В дверь позвонили, разбивая на осколки ощущение, что я и король эльфов окончательно отдалились друг от друга, и вместе с ним рассыпались воспоминания о пышных балах и туристических поездках в эльфийское королевство.

Если бы я уже не сидела, то, наверно, упала бы на стул. Ноги мелко задрожали, а затем дрожь перекинулась на кончики пальцев рук. Последний раз, когда в дверь позвонили, меня чуть не убили. Кажется, мое тело отказывалось привыкать к постоянным смертям. Араун еле заметно повел рукой, используя свою магию. Чай принялся разливаться по чашкам, а в коридор вошел Натан Соломонович.

– Ваше величество, добрый день! Какими судьбами? Дружеский визит? Или помощь новичку?

Максимилиан восторженно наблюдал, как наполняется его чашка, и нехотя перевел взгляд на гостя.

«Вы ему доверяете? – У меня в голове прозвучал знакомый голос, похожий на шелест листвы и пение ручья. – Если ты веришь, что твой учитель не может быть в сговоре с теми, кто организовал ваше похищение и попытку присвоения артефакта, то тебе стоит ему все рассказать».

«Натану Соломоновичу много раз предлагали пост главы Совета волшебников, но он отказывался. Он никогда не стремился к власти, только к тому, чтобы учить... В нем нет корысти».

– Я думаю, ваша воспитанница и Артефактор посвятят вас в курс дела. А я вынужден вернуться к себе. К сожалению, я не могу более задержаться. Максимилиан, вы проявили отвагу, которая редко свойственна юности, и рисковали своей жизнью, чтобы сохранить артефакт. Наши миры связаны, и если спокойно у вас, значит, спокойно у нас. Я вижу, что вам понравился заколдованный чайник, и оставляю его в качестве подарка. Он будет служить вашей семье, сам будет собирать травы для заварки и творить вкусный эльфийский чай.

Араун откланялся и на прощание сжал мою руку.

То, что я увидела сразу после легкого прикосновения, предназначалось только для меня. Знакомая роща, куда так любила бегать свора гончих дикой охоты, была объята странной черной паутиной и слизью, которая поглощала деревья. Эта жидкость, похожая на вязкую нефть, медленно наползала на округу. Чуть в стороне стояли подданные его величества, сооружающие заклятие или колдующие молча. Кто-то проращивал новые саженцы, возносящиеся в небо прямо у меня на глазах. Новый лес – чтобы не дать погибнуть старому. Чтобы у животных и птиц по-прежнему был дом. Я боялась заглянуть внутрь этой скверны, опутавшей округу, я опасалась, что увижу в глубине несчастных зверьков, завязнувших и утонувших. Меня начало тянуть в черную воронку, и я отвернулась, представив, как замираю на самом краю пропасти.

«Что бы ни случилось в вашем мире, оно распространилось и на мой. Вскоре после той вспышки темной энергии, которую я поймал в вашем мире, мое царство стало умирать. Найди тех, кто пытается

собрать армию, и ты поможешь сразу двум мирам. Я не могу оставаться с тобой, моему царству грозит гибель. Я и моя магия нужны в мире эльфов. Ты – некромант, так найди того, кто сеет одну лишь смерть. И ради всего святого, Адель, будь осторожна».

Король эльфов исчез в ворохе опавшей листвы. Из портала на меня выдохнула осень и теплый запах гниющих трав. Мой пес заскулил и поймал зубами закружившийся в воздухе лист.

Гиляд. Сердцебиение города

Картинки, попросив разрешения, скользнули в голову. Я представил, сколько лишних сил потратила моя напарница, чтобы послать их сквозь расстояние, вместо того чтобы воспользоваться обычным прикосновением, которое экономило энергию. Наверно, она была очень взволнована и считала необходимым известить меня о чем-то важном как можно скорее. Адель выдала образы один за другим, впечатывая их в мое сознание эмоционально и быстро. Водитель такси почти довез меня до дома Максимилиана, когда я попросил его ехать в обратном направлении. Человек за рулем неодобрительно покачал головой, но молча развернул автомобиль. Люди не любят любые проявления непостоянности и неспособности сделать осмысленный выбор.

Подумать только, мою напарницу пытались убить, в то время как я бессмысленно блуждал по дождевым подземным стокам. Лучше бы остался у Артефактора и отложил свой визит в подземелья на другой день или сегодняшний вечер. Мы с Адель работали вместе не так давно, но мне все равно не хватало ее присутствия, и я очень удивился, когда вспомнил, как пытался отказаться от ее назначения в мой город.

Туннели представляли из себя город под городом – запутанный, со своими историческими районами и новыми кварталами. Я начал с самой древней части, с построенных еще в Средние века тайных ходов

под рекой, позволявших горожанам выйти за границы города в случае осады. Ступени в некоторых местах были истерты ногами многочисленных поколений жителей города, поэтому я старался смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Когда над головой оказалось около шести метров земли, спуск закончился, и белое пятно фонарика выхватило полукруглые своды, а также ходы, разбегающиеся в разные стороны. Стены образовывали почти идеальный круг, и если бы сторонники теорий заговора оказались в этом месте, то наверняка бы придумали легенду в духе: «Вы не поверите – от нас столько лет скрывали этот факт! Невероятно, но во времена Средневековья людям удалось подчинить себе древних гигантских червей, которые выжили после удара метеорита, в отличие от менее удачливых динозавров. Черви жили себе под землей, пока однажды их не нашли и не перевоспитали люди. Поэтому высота подземных рукавов именно такая – чтобы червячий всадник мог проехать верхом на своем дрессированном звере и не удариться головой». Туннель, в который я нырнул, обернулся цементной трубой, в которой я едва мог выпрямиться в полный рост. Когда-то, еще до установки трубы, это были галереи, прорытые монахами и духовенством для перемещения между церквями и скитами. В некоторых стенах даже замуровывали сокровища и хранили святые реликвии – теперь навсегда потерянные. Под городскими воротами строили целые улицы, позволявшие услышать противника и убедиться в том, что он не пытается организовать подкоп. В подземельях собирали запасы еды, которые бы позволили горожанам переждать натиск врагов. Время шло, и часть подземных путей за Старым городом приспособили под ливневку, посчитав их недостаточно важными для сохранения в качестве культурного наследия.

Мне почему-то казалось, что разгадка найдется сама собой, стоит нам найти камень с рунами, который я когда-то оставил в качестве сигналки. Но вместо этого, обнаружив передатчик, я продолжил бессмысленно бродить по системе туннелей, натываясь на всю ту же дырку от бублика. Что бы его ни активировало, оно уже исчезло. Я по очереди доставал разные амулеты и проверял активность нечисти.

Под моими резиновыми сапогами тек тонкий ручеек воды и похрустывала смесь из песка и ила. В карман нырнул очередной предмет на цепочке, – никаких следов появления призраков,

мертвецов, иномирной флоры и фауны за последние несколько лет в непосредственной близости от амулета мне так и не удалось обнаружить. Ответ был простой – рунный камень мог среагировать только на человека или некроманта.

В свете всего, что мне показала Адель, я был склонен поверить в заговор волшебного сообщества. Такси остановилось на парковке под окнами моей съемной квартиры, и именно в этот момент король эльфов решил, что он тоже хочет поделиться информацией. В отличие от Адель, он не спрашивал разрешения. Придавленный потоком образов, я так и остался сидеть в машине, по-дурацки вцепившись в ручку двери. В большом зале, вырезанном прямо в скале, застыли люди, знакомые мне по воспоминаниям моей напарницы. Это была семья, которая отлично смотрелась бы в среднестатистической рекламе сока, и риелтор Владислав в белой, насквозь пропитанной потом рубашке, со своим несуразно улыбающимся бейджиком на шее. Посреди зала рос клен, чья листва терялась в специальном круглом отверстии, вырезанном в потолке. Выглядели пленники как безмятежные созерцатели интерьера, задравшие головы. Вот только нарушали пасторальную картину обмотанные вокруг пояса гибкие ветви дерева и общая безвольность людей. По какой-то причине я сразу понял, что передо мной уже просто тела. Возможно, сознание сделало такой скорый вывод, не заметив дыхания.

Справившись с неприятным покалыванием в спине, я наконец смог покинуть салон автомобиля под молчаливым, но крайне неодобрительным взглядом водителя. Вот из таких недоразумений и рождаются городские легенды про безнравственный образ жизни современной молодежи.

Адель сидела посреди кухни на стуле и играла на голубой скрипке. Хотя использование слова «играла» в данном случае оскорбило бы даже начинающих и неумелых музыкантов. Напарница скорее извлекала из инструмента весьма неприятные звуки, сравнимые с визгом собачьей пищалки, наматываемой на колесо автомобиля, или протяжным скрипом металлической кровати в психиатрической лечебнице (и с такими местами приходилось разбираться за долгую карьеру). Ей тихонько аккомпанировал Араун, задрав голову вверх и музыкально подвывая. Зрелище, нет, звукище было сердцараздирающее и душевысасывающее. На самом деле Адель

могла управляться со скрипкой мастерски, если речь, конечно, шла о другой скрипке. Дело в том, что Адель привезла с собой в чемодане два инструмента – один простой и очень старый и вот этот новый, отделанный голубым лаком. Простую скрипку девушка доставала, когда находилась в хорошем расположении духа, а новую – если ее что-то терзало и хотелось молча потерзать кого-то другого. На старой скрипке у напарницы получались великолепные композиции, но лишь потому, что инструмент когда-то принадлежал великому непризнанному скрипачу. У некромантов была достаточно полезная в работе и личной жизни способность – перенимать чужой опыт через прикосновения к вещам, которые когда-то были в руках талантливых людей. Я сел за стол и отчаянно попытался не поморщиться. Девушка посмотрела на меня и отложила свое приспособление для пыток на свободный стул. Вместо этого она взяла с сиденья плед и завернулась в него.

Пес положил ей голову на колени и даже не вышел в коридор поприветствовать меня. Раз моя напарница не осталась у себя в комнате, значит, ждала мою компанию или хотела обсудить произошедшее. Я немного подбодрил Адель, убедился, что она хорошо себя чувствует, и перешел к делу. Впрочем, про похищение и попытку кражи артефакта девушка предпочла промолчать. Я не стал давить, мне было достаточно того, что я увидел фрагменты происшествия своими глазами. Но я не совсем разобрался в тех картинках, которые получил от короля эльфов. Пришлось уточнять:

– Так, значит, допросить похитителей никто не успел?

Адель покачала головой, непривычно молчаливая и отстраненная.

– Когда эльфы использовали магию, чтобы задать вопросы пленникам, те просто взяли и умерли? Сами, без давления?

Девушка кивнула.

– Заговорить попыталась женщина, но едва она открыла рот, как с ней и другими похитителями что-то произошло. Их затрясло, лица покраснели, потом были судороги, а затем – смерть.

– Может быть, побочный эффект от эльфийской магии?

Адель вздохнула и нехотя отозвалась:

– Эльфийская магия не может так воздействовать. Она лишь убеждает тебя, что ты должен поведать все свои сокровенные тайны. Это не препарат, чтобы вызвать аллергическую реакцию и

анафилактический шок. Скорее похоже на снятие каких-то ментальных барьеров или внутренних запретов... Тебя будто гладят по голове и говорят, что все будет хорошо и ты молодец, надо только поделиться разными фактами со своим другом. Меня ведь пригласили пожить по обмену в эльфийское королевство. Пока мне показывали некоторые приемы магии эльфов, в нашем мире Натан Соломонович обучал одного из гвардейцев королевской стражи. Я тогда и познакомилась с Арауном. И попросила испробовать на мне их метод допроса. Хотела научиться сопротивляться чужому влиянию.

Я не знал, что ответить на такую откровенность. И внезапно понял одну из причин, по которой Адель не ответила взаимностью королю эльфов. Дело было не только в различии менталитетов и некотором взаимном непонимании... Адель боялась, что чувство привязанности к Арауну могло возникнуть совершенно искусственным образом, под влиянием магии, незримых уз и момента. Должна же сохраняться какая-то связь между теми, кто против воли залезает в чужой разум, и тем, чье сознание было побеспокоено?

– Так или иначе, но я думаю, что Владислав и погибшая семья – не единственные завербованные. А еще мне кажется, что его профессия – не просто случайное совпадение. По какой-то неведомой причине кто-то решил подмять под себя агентство недвижимости «Ступени». И я согласен с тобой, что за всем вполне может стоять Совет волшебников.

Моя напарница нахмурилась и поплотнее закуталась в плед.

– Но почему риелторская компания? Их же и без того недолюбливают. И относятся к ним с подозрением.

– Причина, безусловно, должна быть, вот только я не могу понять какая. Скорее всего, наш незримый враг подчинил себе риелторов, чтобы подольше задержать Гольштейнов в этом городе и успеть подготовить операцию. В маленьком городе гораздо проще отобрать дудочку. А что может задержать в городе надежнее, чем квартира – основное вложение семейных средств? Если она не будет продаваться, то и люди никуда не уедут?

– А если бы Гольштейны решили уехать, бросив жилье? Всегда можно снять квартиру, а предыдущую продать дистанционно.

Я задумался. Но шанс, что Артефакторы соберут достаточно денег на перевоз своей бесценной библиотеки, фамильной мебели и смогут

арендовать жилье, выплачивая при этом квартплату за покинутое, был очень мал. А ведь Гольштейнам еще и бизнес придется начинать в новом городе с нуля, искать нишу, вкладываться в продвижение и рекламу... Это слишком большие расходы. Мы с Адель, не сговариваясь, пришли к этому выводу.

– А почему ты думаешь, что тот, кто хотел украсть Гамельнскую дудочку, вовлек в свою аферу целое агентство недвижимости, если продажей квартиры занимался только Владислав?

– Считай это интуицией и профессиональным опытом. Никто не поручил бы четверем людям похищение такого мощного артефакта. И потом, у тебя в воспоминаниях я увидел, как Максимилиан рассказывает, что квартиру Гольштейнов пару раз показывала другая сотрудница «Ступеней». Значит, как минимум в сговоре она – и как максимум целое агентство.

И это означало только одно – нам придется пойти в предполагаемое логово самого зла. Если честно, я бы с большей охотой поверил в коварный заговор работников ЖКХ – ведь, как и всем, мне приходилось оплачивать счета за коммунальные услуги. Кто вообще знает, как эти ребята нагревают воду? А зачем они раз в год полностью меняют коммуникации и выкапывают трубы из-под земли? Не с целью ли каких-нибудь садистских обрядов и жертвоприношений? Да, филиал ада ожидаешь увидеть скорее в пенсионном фонде или сетевом продуктовом магазине... А вообще, мне очень не понравилось, что подобная деятельность агента по недвижимости развивалась и процветала прямо у меня под носом и осталась незамеченной. И правда, наверно, риелторов прикрывал кто-то сверху, из Совета волшебников. Как ответственный за город, в экстренной ситуации я мог привлечь необходимое мне количество сотрудников для оказания разовой помощи. Кому я вообще могу доверять, кроме своего учителя?

Тем временем Адель уже все просчитала за меня.

– Натан Соломонович остался с артефактом и Артефактором... Но у него же есть проверенные люди? Кто-то такой же надежный, кого можно оставить с Максимилианом и дудочкой? Предлагаю воздержаться от посвящения Совета волшебников во все детали и последние новости... Нам бы пригодилась любая поддержка. Я

позвоню наставнику. – Адель вздохнула. – А пока не желаешь ли ты составить ли мне компанию и выгулять Арауна?

Не сейчас, а утром откроется таинственное агентство «Ступени». Не сегодня, а завтра, если нам повезет, смогут приехать коллеги Натана Соломоновича. Как же я устал от того, что на ночь маленький город превращается в мини-кладбище... Ничего не работает, все спят, никому сюда не добраться. Я выглянул в окно и увидел, как гаснут через один фонари, – часть освещения выключали около десяти часов вечера, а оставшуюся половину огней заметно приглушали. Как будто никому в это время не придет в голову выйти на улицу и жизнь городка ставится на паузу. Ночь в малонаселенном пункте – это всегда маленькая смерть. Как же я скучал по рекам из желтых и красных огней, разливающимся по ночным дорогам в Петербурге, и серебряно-золотому сиянию подсвеченных зданий! Я тосковал по бурлящей энергии мегаполиса, бьющей фонтаном круглые сутки, и праву выбора, когда тебе жить и работать. Но тут за меня уже все решил кто-то другой...

Гилиад. По ту сторону

Хорошее утро некроманта начинается с горячего напитка, плотного завтрака и чтения газеты на предмет исследования необычных феноменов, появившихся в городе. Но у меня было тревожное утро, и я решил начать его со стандартной пентаграммы, защитных амулетов и благовоний, помогающих успокоить духов и построить незримый мост с миром мертвых. Вместе с рассветом ко мне пришла идея, которая должна была прояснить ситуацию с похищением раз и навсегда. Кто бы и что бы ни заставило замолчать риелтора и поддельную семью, оно не было властно над душами людей. А это значит, что стоило попытаться с ними связаться и выведать обстоятельства их смерти. Убитые подельники, как и обманутые начальством работники, вряд ли бы стали покрывать своего нанимателя и захотели бы справедливости.

Газета, принесенная Арауном, лежала на столе и дожидалась своего часа. Пес беспокойно ходил по квартире, чувствуя, как в дом заползает знакомый мне могильный холодок. По моей просьбе король эльфов прислал личные вещи похитителей. Даже не зная настоящих имен покойных, имея предметы, которых они касались, я мог найти отпечатки личностей в загробном мире. Гончая дикой охоты завывала, и дымный вихрь шафрана поспешил сменить направление, подуть в другую, свободную от Арауна сторону. Я достал зажигалку и поджег гору одежды, которую предварительно сложил в старый металлический таз, забытый владельцем квартиры.

– Ну вот, а мне во сне приснилось, что мы сжигаем одержимые демоном носки... Кажется, этот безобидный на первый взгляд предмет одежды пытался обглодать чьи-то лодыжки. А это, оказывается, просто запах старых добрых трав... И чьих-то портков, я полагаю. Здорово ты придумал – связаться с душами нападавших. – Адель выглянула из своей комнаты, одетая в красно-бордовую клетчатую пижамную кофту с длинным рукавом и штаны ей в цвет. Она обняла себя за плечи, стремясь сохранить тепло тела. Пес заскулил и проскользнул в спальню девушки, подальше от дыхания мира мертвых.

Чужая одежда выплюнула в воздух неприятный черный дым и погасла. Я оглядел комнату, но не нашел никаких признаков наличия призраков. Обычно вещь, которая помогает призвать дух, гаснет сразу после прекращения общения с ним, а не перед началом сеанса связи с потусторонним миром.

– А ты сделал все по протоколу? – взволнованно поинтересовалась Адель, заглядывая в закоптившийся таз.

– В том-то и дело, что нужно очень постараться, чтобы запортить вызов. Я не понимаю, в чем загвоздка... Травы свежие, вещи те же самые, что видел на людях в твоих воспоминаниях... Заклинание самое простое... Что вообще могло пойти не так? Тем более люди только вчера умерли, связь с миром живых невероятно крепка, а их желание рассказать свою историю должно быть очень сильно...

Напарница засмеялась и покачала головой:

– Может, они просто были бездушными? Нет ручек, нет шоколадки. То есть нет души, нет связи с ней...

Вопреки распространенным легендам, душу нельзя было продать, купить и обменять, как простую безделицу. Она не являлась валютой, трофеем или пищей, по крайней мере, ни о чем подобном я не слышал. Так что даже самые ужасные убийцы, безнравственные сердцееды и мошенники, обзванивающие старушек с целью выманить ПИН-коды дебетовых карт, имели души.

– Это все, конечно, очень смешно, но начинает становиться уж слишком странным... Если к нашей профессии вообще применимо данное прилагательное.

Для нас странность была нормой, а отсутствие странностей само по себе становилось опасным симптомом затаившегося где-то рядом зла...

– А что, если тот всплеск инфернальной силы, который докатился до мира короля эльфов, был вызван исчезновением душ этих людей? Может, не только тех четырех похитителей... – Адель протянула мне руку, предлагая подняться с пола и разомкнуть позу йога, в которой я расположился рядом с травяными благовониями и одежными зловониями. Напарница, безусловно, имела свежий, еще не затертый годами службы взгляд. Она еще не вешала ярлыки на происходящие события и не пыталась отнести их к вещам, с которыми уже столкнулась лично. Она мыслила вне рамок. Я бы скорее списал

неудачу с вызовом на счет собственного промаха или досадного недоразумения...

Мы не знали, на что наткнемся в офисе «Ступеней», поэтому, не сговариваясь, решили оставить Арауна дома, надеясь, что он не станет выть от тоски. Все-таки пес не привык оставаться один, ведь Адель повсюду таскала его с собой. Поэтому до пункта назначения мы доехали на джипе минуты за три.

Здание агентства недвижимости оказалось в самом центре – за площадью, недалеко от советской гостиницы, напоминающей белую башню, выточенную из утеса. Рядом с этим открытым пространством я почему-то вспомнил о том, что когда-то земной шар почти полностью был покрыт древним океаном.

Офис как офис. Обычное здание из непрозрачного стекла с цветным напылением, так что днем и не разберешь, что происходит внутри. Я еще утром позвонил Натану Соломоновичу, и тот пообещал, что к десяти утра возле фонтана нас будут ждать его коллеги по могилокопательному бизнесу – надежные ребята, с которыми он познакомился в Европе больше трехсот лет назад. Сам приезжать он отказался, обещая уберечь и Гольштейна, и дудочку. Почему-то, когда я думал об этом, у меня перед глазами вставала картинка, как мой бывший наставник кладет Артефактора в гроб к одному из мертвецов со словами: «Ну, здесь тебя искать точно не будут, обожди, пока поток пертурбаций не заглохнет сам по себе».

Площадь уверенно пересекли два незнакомых мне человека, явно направляющихся в нашу сторону. Девушка лет тридцати пяти живо помахала нам рукой, а сопровождающий ее мужчина за шестьдесят предпочел не менять свое суровое выражение лица на приветственное. Со стороны они выглядели как отец с дочерью.

– Я – Дина. А этот мрачный чех – Ян, – представилась подошедшая волшебница. – Мы с Натаном Соломоновичем – коллеги по кладбищенскому бизнесу. Мы тут немного обсудили ситуацию и хотели предложить вам вариант действий. Выбор, конечно, за вами, это все-таки не наша территория.

– Что вы предлагаете? – Я внимательно рассматривал надежных приятелей Натана Соломоновича. У Дины были круглые щечки, которыми она все время улыбалась, а у Яна лицо разрезали небольшие ос-пинки.

– Мы не знаем, обменивался ли риелтор Владислав со своими коллегами информацией по вам, Гиляд и Адель. Мы хотим не вызвать их подозрений – по крайней мере, не вызвать раньше времени. Я хотела попробовать устроиться в «Ступени» работником, а Ян мимикрирует под покупателя. Он оставит следящие и подслушивающие амулеты в незаметных местах, вроде уборной, и будет имитировать живейший интерес к компании. – Дина сделала паузу и поправила сама себя: – Ну, живейший по меркам Яна, конечно.

– А вы будете следить за поведением и реакцией этих работничков дистанционно, – добавил чех. – Вы можете пойти в любое кафе и подождать нас там.

– Но в этом городе всего одно кафе, – мы с Адель, не сговариваясь, ответили хором.

– Есть, правда, еще три безвкусных ресторана, а вот кафе и правда одно, – добавил я. – Будем ждать вот тут. – Я открыл карту в своем телефоне и показал нужную геоточку. – Мы согласны.

Дина достала выточенную из кости подвеску в форме глаза и разноцветный брелок в форме уха, раскрашенный под «Звездную ночь» Ван Гога. Всегда приятно видеть коллег с хорошим чувством юмора. Некоторое время мой доработанный при помощи магии смартфон проходил сопряжение с амулетами, которые должны были остаться в офисе агентства «Ступени».

А затем некроманты кивнули и разделились, не глядя друг на друга.

Адель нервно и по-детски ерзала на мягком сиденье и все время поглядывала на дверь, ведущую к выходу из кафе. Некоторое время экран телефона горел моей обычной заставкой, а затем дисплей распался на два более мелких изображения. На первом Ян стоял на унитазе в кричаще-красной уборной и устало глядел в камеру, очевидно, закрепляя ее под потолком. На втором экране я видел весь офис сквозь растительность какого-то крупного дерева в горшке. С моего ракурса казалось, что я попал в самые дебри джунглей и наблюдаю за дикими животными в их естественной среде обитания. Они сканировали бумаги, сшивали файлы и беседовали между собой, склонившись над мониторами компьютеров, – в общем, занимались обычными для сотрудников делами. На первом экране Ян громко выругался на каком-то немецком диалекте и размял руки, которые,

наверно, успели устать за время установки амулета. А потом его невысокая фигура начала отдаляться из уборной и с первой половины экрана, чтобы вскоре объявиться в офисе риелторов обыкновенных из рода белых воротничков.

– Подскажите, я правильно пришел? Мне нужно купить загородный дом. Я сам из Москвы, – не дожидаясь ответа, Ян затараторил, мастерски отыгрывая типаж уставшего от насыщенной столичной жизни пенсионера. – Меня вот на старости лет к земле потянуло, надеюсь, это хороший знак.

Адель улыбнулась – впервые с момента своего похищения. Она, как и я, оценила иронию происходящего и актерскую игру владельца похоронного бюро...

– Мне нужно, чтобы дом был теплый и современный, не какая-нибудь изба, но и не дворец главы ГАИ. И чтобы участок был просторный. Хочу выращивать кабачки, огурцы и помидоры, а тыкву выращивать не хочу... А еще посажу чеснок. Вы видели, сколько он сейчас в супермаркетах стоит?! Ко мне внучка приезжать будет, так что под окном хочу посадить ее любимые цветы, тюльпаны.

Ян замолчал и выдохнул. Удивленной сотруднице понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и стряхнуть с себя неожиданно бодрый напор волшебника. Кажется, она привыкла забирать лидерство в разговоре силой, но, столкнувшись с таким умелым соперником, решила сдаться сразу, без боя.

– Да, мы помогаем подыскивать подходящее под ваши запросы жилье...

– Знаете, я никогда ничего сам не сажал или не сажал, как у вас тут принято говорить... Но думаю, у меня получится. Мне нужно, чтобы участок был вдали от крупных дорог, желательно рядом с лесом и озером. Иначе овощи будут невкусные и все пропитанные солями тяжелых металлов из почвы. И пожалуйста, чтобы рядом не было болот. Не люблю комаров...

Адель допила свой молочный коктейль и взяла с тарелки тарталетку с грибами. Какое-то время мы еще наблюдали, как Ян вовсю издевается над специалистом по недвижимости, пытаюсь прощупать, а специалист ли она в действительности. Впрочем, работник «Ступеней», кажется, и правда разбиралась в своей работе.

Ян исчез с экрана телефона и через какое-то время оказался за нашим столиком в кафе.

– Дина не сразу зайдет в офис, она выждет разумное время. Я ничего подозрительного не обнаружил. Вроде обычная контора... Будет ясно после внедрения Дины. Думаю, вам стоит идти домой. Можете периодически проверять трансляцию с амулетов, вдруг электронная программа что-то упустит. Не доверяю я все-таки магии, завязанной на современной технике... Нынешняя молодежь слишком верит программам и алгоритмам и меньше использует творчество в закланиях. Был рад познакомиться. Мы остановились в гостинице «Советская», недалеко от центральной площади. Если что – звоните или заходите.

Ян встал с дивана и то ли кивнул, то ли поклонился. Такие, как он, в любом городе сойдут за местных. Стоит только поменять одежду и прическу – и вот уже владелец крупного московского бизнеса превращается в садовода на пенсии родом откуда-нибудь из Сибири.

Адель. Художественная грызка по дереву

Когда мы вернулись домой, то выяснилось, что Араун имеет вполне конкретную позицию по поводу не включения его пушистой персоны в расследование, а также бесхозного нахождения в квартире. Здесь он мало чем отличался от земной собаки. То, что можно было принять за следы вторжения гигантских жуков-древоточцев из иного мира, оказалось всего лишь своеобразными взглядами на одиночество у моего пса. Шпон и ДСП-начинка двери в мою комнату были полностью съедены, и дыра образовывала почти идеальную древнеримскую арку. В голову закралось предположение, что хаски, участники многочисленных роликов о порче домашнего имущества, были коварно выведены эльфами из гончих дикой охоты с одной-единственной целью: дать человеку чувство ответственности. Тут к Гудвину за мозгами не ходи, – Араун, если его оставить одного дома еще раз, будет из чувства протеста портить что-то еще. Мне сразу вспомнился старый анекдот: «Дальневосточных леопардов в природе осталось всего сто. Каждый день мы будем убивать по одному до тех пор, пока вы не перечислите деньги в фонд охраны диких животных...» В моем случае все было немного прозаичнее. Наверняка в голове собаки сложилась примерно следующая картина: «Предметы

мебели и двери... Их осталось всего двадцать пять, но каждый раз, когда вы будете оставлять меня одного, я буду съедать что-то из вышеперечисленного до тех пор, пока вы не станете брать меня с собой».

– Я заплачу за дверь, – поспешно сказала я Гилиаду, рассматривающему опилки и склонившему голову набок.

– Я смотрю, ему не чуждо чувство прекрасного, понимание формы и основ искусства. Похоже, твой пес изобрел новое направление в обработке дерева – художественную грызку. А что, есть же художественная ковка...

Я покачала головой и предложила:

– Ты не против, если я буду внимательно наблюдать за риелторами через камеру? Мне кажется, мы что-то упускаем.

Некромант облегченно вздохнул:

– Я даже за. Там поступил большой заказ на удобрения – хотел съездить посмотреть, не замешано ли в деле что-то аномальное. А то я подозрительно отношусь к покупкам крупным оптом – с тех пор, как пару лет назад один местный дедушка решил, что открыл новый сорт яблонь. Беднягу быстрорастущие плотоядные деревья с папулами вместо плодов чуть не съели... Это ж насколько нужно быть подслеповатым, чтобы не отличить папулы от яблок, а слизь – от древесной смолы?

– На столько же, на сколько не разглядеть гигантскую пасть с зубами на месте дупла.

Я улыбку и обрадовалась, что можно будет немного поработать, не вылезая из-под пледа. Гилиад, немного потерянный, отправился собираться. Мне хотелось как-то его подбодрить, но я не нашла нужных слов. Араун вышел через свою арку в двери и подозрительно посмотрел на меня.

– Да не иду я никуда!

А вот мой напарник вскоре ушел. Хотелось горячего какао с молоком, но сил хватило только на извлечение упаковки сока из кухонного шкафчика. Так как я забыла стакан на кухне, то решила пить прямо из упаковки. Я надеялась увидеть на камерах что-то сверхъестественное – вроде приказов, подписанных кровью, коллективных танцев вокруг очерченной пентаграммой кофемашины или командообразующих тренингов, включающих сожжение худших

работников месяца... Но офис и его работа выглядели даже не просто обычно, а весьма тоскливо и прозаично. Редкие клиенты, чуть более частые звонки, ворох документации. Да контора Гириада со стороны абсолютно так же выглядит...

Стоп. Контора Гириада. А что же мешает людям, служащим злу, иметь свой легальный бизнес, как у некромантов? И все продажи квартир будут настоящими... Ну, по крайней мере, продажи квартир тех владельцев, которых не нужно задержать в этом городе по той или иной причине... В офис прокрались лучи заката, высвечивая принтер ярким пятном, – намекающим, что машина, распечатавшая документы и избавляющая от необходимости переписывать бумаги каждый раз от руки, – это дар божий.

В помещении агентства «Ступени» быстро темнело, и люди принялись собираться домой. Я посмотрела на часы – было почти семь часов вечера. Девушка, сидящая за столом у самого выхода, потянулась к выключателю и лишила офис искусственного освещения. Когда сотрудница посмотрела в сторону амулета, спрятанного среди ветвей комнатной пальмы, ее глаза в полутьме полыхнули зловещим сине-зеленым цветом и стали похожи на бездонные колодцы. Словно сквозь ее голову кто-то проделал глубокие туннели, которые зажглись потусторонним сиянием. Мне показалось, что сейчас и прямо в этот миг она увидела меня и оказалась жутко недовольна тем, что наши взгляды соприкоснулись... и тем, что я слежу за ней. Девушка отвернулась и двинулась к выходу, как обычный, немного уставший человек, но мой мозг уже приписывал ей вымышленное inferнальное прихрамывание и сутулость воскрешенных тел.

В оглушающей тишине комнаты раздался громкий телефонный звонок. Со мной захотел связаться Гириад, словно почувствовав что-то неладное.

– Алло, Адель? С заказчиком все в порядке. Какой-то чудик захотел сделать жене подарок на день рождения – и решил в несезон пристроить оранжерею к загородному дому. Хочет сажать апельсины... Его дело, впрочем. А ты как?

– Отменяем внедрение. Одна из сотрудниц «Ступеней» представляет из себя что-то inferнальное. Мы с таким еще не сталкивались. Может, какой-то подселенец из другого мира... У нее на

камере вместо глаз – пустые червоточины. Как будто ее изнутри что-то съело... Скажи, Гилиад, может ли так выглядеть отсутствие души?

– Я вообще не слышал о том, что душу можно отделить от тела... Я звоню Дине и Яну, завтра начнем официальный захват агентства. Надо рассчитывать на самое худшее – что у нас в городе армия бездушных офисных сотрудников... Как говорится – берем всех, а там узнаем своих. Ну, inferнальных ребят, в смысле.

Прав ли король эльфов, намекая на связь грабителей, владеющих рунной магией, и Совета волшебников? Что я вообще знала об этом закрытом сообществе? У меня было очень странное детство благодаря высшим чинам некромантов. Они не казались мне стремящимися к власти, я думала, что они уже в полной мере обладают всеми необходимыми ресурсами. Но бывает ли власти достаточно?

Мысли уходили все дальше и дальше в прошлое. Жизнь – такая странная штука... Начались зимние каникулы, мне исполнилось три, и это был первый Новый год, когда мы с мамой отправились на детскую елку со спектаклем и играми в перерыве. Тот факт, что при фразе «отправиться на елку» мне почему-то вспоминались колья Ивана Грозного, выточенные из дерева, а вовсе не веселый детский праздник, уже говорит о суровости всего мероприятия. В нем было что-то от древних славянских обрядов, когда на мороз выставляли невинную деву в дар богу холодов. Естественно, обратно ее уже не забирали. Считалось, что ее дух останется с седым мужчиной, у которого вместо бороды – метель, и поможет ему быстрее скрыться с несчастной селянкой подальше от деревенских краев. Сейчас новогодние елки превратились в торжество диснеевских фильмов, где все пугающее просто вырезали и заменили милительными сказочными моментами, а костюмы превратили в точные копии мультяшных. Исчезла излишняя хтоничность, испарилась атмосфера дефицита и пира во время чумы.

А тогда во время антракта в фойе бывшего Дома культуры расхаживали ростовые куклы, казавшиеся мне гигантами. Из-за больших голов они были выше людей и выделялись на их фоне. В девяностые все было сурово: если костюмы зверушек, то непропорциональные и топорно сделанные, с жуткими остекленевшими глазами, раскрытыми пастьями. Если игрушки на елке – то со своим характером, с расписанными вручную лицами. От такого украшения хочется держаться подальше, его нельзя обижать, а если

его случайно разбить, то блестящие в хвое и огнях напарники наверняка придут и съедят тебя.

Так вот, возвращаясь к ростовым куклам. Я с нетерпением ждала продолжения спектакля и лавировала в толпе, увлекая за собой маму. Меня ужасно пугала перспектива попасться в лапы существ, рассекающих людской поток, но их было целых пять, а я – всего одна. Убегая от кричаще-оранжевого зайчика, я наткнулась на пузо собачки цвета детской неожиданности. Ее ушки депрессивно висели по бокам, а лапка поднялась, чтобы помахать мне. Я решила, что мне настал конец и прижалась к маме – тому, кто должен был защитить меня от чудовища. Но мама сказала: «Доча, давай я тебя сфотографирую с собачкой?» У меня не нашлось сил, чтобы произнести хотя бы одну фразу, означавшую однозначный отказ, поэтому я изо всех сил замотала головой как можно отрицательнее.

Тогда у фотоаппаратов не было бесконечного объема памяти, съемных накопителей и облаков памяти, на которых сохранялись снимки. Но была пленка на тридцать шесть кадров – тридцать шесть попыток запечатлеть свое счастье. Стоила она сама по себе недешево, да и за проявку снимков нужно было заплатить отдельно. Моя мать долго ждала возможности взять меня куда-то и провести время вместе, и ей хотелось запечатлеть свою маленькую девочку, которая росла очень быстро. Она не понимала, как страшно мне было, когда после всех моих протестов я все-таки оказалась в лапах коричневой собачки. Но тогда я поняла, что иногда приходится смиряться с какими-то вещами, которые ты никак не можешь изменить. Приходится брать себя в руки, несмотря на страх и обстоятельства, отменяя оправдания. Ведь оправдания для тех, кто не хочет двигаться дальше и застревает в одном отдельно взятом моменте. Я собралась с силами, отпустила ситуацию своего похищения и, дожидаясь возвращения Гилиада, прочитала в «Некропедии» – нашей версии «Википедии» – все о Совете волшебников, не забывая переходить по ссылкам на источники. Напарник вернулся позднее, чем я ожидала, – с пакетом продуктов и упаковками готовой еды из кафе.

– Я думаю, нам стоит запросить усиление от ребят из Совета волшебников. Я про завтрашний день и рейд на агентство «Ступени». Неизвестно, со сколькими бездушными риелторами мы имеем дело. Думаю, нам потребуется вся квалифицированная помощь.

Гиляд кивнул и выхватил пакет с продуктами из-под носа любопытного Арауна, который любил проводить учет всех появляющихся на пороге сумок, а также их содержимого.

– Я согласен. Но можно попросить конкретных бойцов, из тех, которых нам поможет отобрать Натан Соломонович. Так мы сможем быть уверены, что случайно не завербуем двойного агента. Пойду писать официальный рапорт обо всем произошедшем. – Некромант подавил тяжелый вздох.

– Подожди. Про темное эхо, докатившееся до мира Арауна, не сообщай, пожалуйста. Мне король эльфов передал кое-какую конфиденциальную информацию о своем царстве. Не ввязывай его, ладно?

У меня перед глазами сразу возникла картинка умирающего королевства, объятого почти разумной желеобразной нефтью, поедающей все живое. Надо торопиться. Что-то делать. Столько времени было упущено, а ничего так и не стало ясно!

Гиляд. Все не то, чем кажется

К черному входу двинулись волшебники, обвешанные оборонительными амулетами, словно рождественские елки. Утренний воздух дрожал от количества ментальных связей и мыслей, не замолкавших в голове у магических штурмовиков. Команда зачистки дежурила на площади и не пускала случайных зевак за огороженную красной лентой территорию вокруг офиса. Никого, кроме риелторов, не должны были пропустить за ограждение – разворачивая фразой про съемки кино. Адель дышала мне в плечо, а впереди нас шли Дина, Ян и еще трое некромантов от Натана Соломоновича. Мы были готовы ко всему и затаились, спрятанные под амулетом невидимости. От него медленно отделялась голубая пленка, накрывающая нас куполом, похожим на половинку мыльного пузыря. На руках у каждого члена отряда были часы, показывающие видео с камер внутри помещения, но пока здание агентства «Ступени» пустовало в силу графика работы.

– А по какому каналу потом вашу фильму покажут? – донесся до меня зычный голос женщины в возрасте. – Хоть на родные места посмотрим.

В ответ от патрульных из оцепления донеслось что-то невнятное про «Включите «РЕН ТВ», а там в декорациях города будут носиться за рептилоидами», и – «Шутка. Обычная программа для

документального краеведческого фильма». Поскольку ребята к своей деятельности подходили ответственно, я не сомневался, что ближайшую пару недель, а то и месяцев они станут бегать по округе с камерой и снимать ужасно нудное видео об истории местности и даже пустят его по местному каналу. А потом зрители еще удивляются, почему почти все образовательные документалки о разных городах такие шаблонные и неинтересные и провоцируют одновременно сон и тошноту. Потому что сняты не с душой, а для отвлечения глаз и подходящей легенды. Кстати, это касалось не только документального, но и самого обычного кино. Я даже знал затяжной сериал, который уже много лет снимали в качестве прикрытия на месте одной петербургской аномалии. Художественные фильмы, правда, ставили реже и в тех случаях, когда у кого-то из чистильщиков находились идея и запас энтузиазма.

Я замер сбоку от входа, пытаюсь расслабиться. Некромант, мысли которого перепутаны, – ужасный боец. В нашем деле голова должна соображать быстро, и хорошо, чтобы она так и осталась расти из плеч. У каждого из нас своя мантра. Мне всегда помогало перебирание в голове чертежей старых домов и эскизов их интерьеров, которые я создавал в свободное время. В моей голове нарисованные линии становились материальными, объемными и превращались в тянущиеся сквозь пространство разноцветные нити. Перед моим мысленным взором шерстяные клубки превращались в резные орнаменты на потолке, строгие линии колонн и каминов. Вместе с воображением приходила и жизненно необходимая концентрация. Когда у меня находилась свободная минута, я вел публичную страницу в социальных сетях, помогая жителям старого фонда вписать предметы старины в современный декор. На самом деле так много людей было готово избавиться от старых дореволюционных печей и вынести трехметровые резные двери на помойку. Я искал предметам старины новый дом, если не мог уговорить владельцев сохранить наследие прошлых эпох. Останься я в Петербурге, то обязательно открыл бы модное реставраторское бюро, но здесь оно было просто не нужно и не принесло бы необходимого дохода. А вот навозы, напротив, были крайне востребованным продуктом. Как и экологическая экспертиза.

«Первый отряд, пошли, пошли!» – зазвучало у меня в голове.

Бирюзовый купол невидимости пополз вперед, прикрывая меня и других волшебников. Мы двигались, словно единый организм, ноги чеканили отработанные движения, и весь остальной мир словно замедлился, не попадая в наш уникальный ускоренный темп.

«Амулеты на изготовку!» – бодро прокричали в моих мыслях, когда группа захвата замерла у входа.

«Не работаем по техническим причинам! Приносим свои извинения! – Этим же голосом руководителя операции, настраивающим на бой, скомандовали в моем сознании, а потом откашлялись и сменили тон: – Черт, проклятье! «Ступени» сегодня не откроются».

Я посмотрел на объявление, повешенное на дверях у входа в офис, – обычную бумагу, распечатанную на принтере, не очень информативную для людей, но буквально кричащую – для волшебников. Первое – фирма, скорее всего, получила известия о плене и смерти Владислава и его сообщников. Второе – офис предпочел закрыться и продолжить свое, теперь уже без сомнений темное дело где-то в другом, более подходящем месте.

– Дверь – выбить, офис – обыскать, след риелторов – взять! За работу, дамы и господа!

В плане полевой работы по выслеживанию нечисти наши методы мало чем отличались от привычных для полиции. Через полчаса в воздух взвились пачки татуированных договорами листов, и кто-то тихо стал напевать «Let it snow, let it snow, let it snow». Ребята из группы захвата задней двери всю исследовали рабочие места сотрудников, рылись в мусорных корзинах и упаковывали биоматериал в пленку, чтобы потом более тщательно его просканировать. Лишь одна деталь не вписывалась в картину, знакомую многим по кинофильмам, а именно брожение специалистов с амулетами всех форм и расцветок, сопровождающееся нашептыванием и бормотанием под нос. Со стороны могло показаться, что в офисе всю идет кастинг на шоу «Битва экстрасенсов», вот только все было намного серьезнее. И только два человека в этой группе догадывались, что стандартная проверка ничего не даст. Адель посоветовала не включать в отчет информацию про отсутствие душ у риелторов «Ступеней», чтобы не вызвать негативную реакцию. Она опасалась возникновения предубеждения против нашей теории и даже отстранения – за

вопиющий непрофессионализм. С тем же успехом я мог написать в отчете, что выслеживал преступников по фазам луны или сверяясь с гороскопом. Нужно было дать возможность оперативной группе лично убедиться в том, что никаких следов потустороннего и монструозного в помещении просто нет.

Наконец капитан, волшебник средневекового возраста, перепробовав все свои приспособления и магические предметы, тяжело вздохнул и признался:

– У меня чисто. Я взял даже амулет для обнаружения других некромантов, но и тут по нулям. – Лицо начальника, напоминавшее героев картин Вермеера, нахмурилось.

Картинка начала складываться. Я решил взять слово:

– Я думаю, что мы имеем дело с обычными людьми. Не с вирусом, не с подселенцами, не с мертвыми и не с существами из других миров. Я предполагаю, что сотрудница «Ступеней» с глазами-туннелями... простите, не знаю, как ее еще обозвать... Она – обыкновенный человек, просто без души. И риелтор Владислав с семейным подрядом – тоже люди, которые по той или иной причине потеряли свою душу или... ну, продали. Знаю-знаю, звучит как страшилка на ночь, однако у меня есть основания полагать, что я прав. Я не смог вызвать их призраков, хотя в точности соблюдал все детали обряда.

В полном молчании офиса, заполненного золотым светом, на меня уставились рядовые волшебники и члены Совета, которым доверял Натан Соломонович. Они замерли в весьма живописных позах, бросив свои дела прямо на середине, словно специально, чтобы составить полотно, достойное кисти Рембрандта. Пикнул принтер и выплюнул копию какого-то страхового документа. Наверно, ему просто не нравилась тишина.

– Может, нам пересобрать и перенастроить свои гаджеты и амулеты? На людей. Возьмем из пакетов волосы, ногти и что вы там еще нашли... Слюни и отпечатки помады? Мы ищем в первую очередь того или тех, кто с ними это сотворил, но думаю, что мы вполне сможем выйти на организатора, если проследим за его пешками.

Некроманты рассредоточились по залу, разобрав тонкие, невесомые пакеты. Я подошел к капитану операции, чтобы раздобыть

для нас с Адель вещдок, но в ответ получил лишь отрицательное мотание головой.

– Для вас особое задание. Нужно опросить близких родственников риелторов, которые здесь работали. Ну и убедиться, что работники не прячутся у себя в домах. Мне не хватает своих ребят, многие сейчас на заданиях в других городах, и я не могу их выдернуть. Сами понимаете... Осень – это время для разгула психически больных и нечисти. Заодно наш молодой сотрудник, – уставший взгляд организатора рейда скользнул в сторону Адель, – сможет научиться работать со свидетелями и, возможно, даже соучастниками.

Так галантно и вежливо меня давно не отстраняли от расследования. Я подозревал, что невозмутимый волшебник достаточно много времени провел за границей, скорее всего в Чехии или Голландии. В общем, почти наверняка в Европе, но точно не на юге. Для Англии ему не хватало завуалированной иронии, а для Скандинавии – категоричности в высказываниях. Не станет преступная группировка отсиживаться у себя или у родственников дома. В лучшем случае мы найдем недоумевающих пожилых родителей, которые уверены, что их сын или дочь, сотрудник агентства «Ступени», сейчас на работе. Начальник операции протянул мне тонкую папку с документами, собранными на одного из близких контактов агента по недвижимости. И как только эти папки успевают подготовить в столь кратчайшие сроки?

– Другие команды тоже пойдут проверять остальные контакты, – заметив прищур Адель, добавил начальник операции.

Тем временем содержимое-одержимое прозрачных пакетов легло на офисные столы, а затем – и в основу разных заклинаний. Зазвучал хор нестройных голосов, почему-то напомнивший мне куплет из народной песни «Ой, цветет калина...». Заиграли мелодии смартфонов, извещающие о переделках настроек под магический поиск. А мы с Адель уже выходили из офиса. Пары некромантов, как в сказке – отправились налево, направо, прямо... в общем, на все четыре стороны.

Я открыл досье на женщину лет пятидесяти, Адель встала за плечом, вчитываясь в информацию.

– Никогда не работала... Воспитывала дочь, занималась делами по дому и дачей... – прочитала вслух напарница. – Живет на улице

Советской... Вдова. Внуков не имеет.

Слова волшебницы доносились до меня, словно неясный гул поезда где-то в туманной синей дали. Такой слышишь, когда стоишь на перроне и гадаешь, а был ли вообще этот перестук колес по рельсам или тебе показалось? Родственница на фотографии выглядела смутно знакомой, черты ее круглого невыразительного лица, похожего на блин, напоминали о ком-то. Я видел ее в офисе через видеотрансляцию из кадки с цветком? Почему-то на ум пришел рассказ Адель о том, как поступил с ней Совет волшебников, когда узнал, что она применила чары к своей соседке по коммунальной квартире. Всю дорогу до нужного дома мы молчали, и я на всякий случай перебирал в кармане амулеты и слова заклинаний, которые могли бы пригодиться в разных ситуациях.

Когда на пороге квартиры возникла женщина с фотографии из досье, я неожиданно догадался, кого она мне напомнила. Мысленно я отнял у нее примерно лет двадцать, и передо мной предстала молчаливая девушка из воспоминаний Адель. Та самая, которая осталась охранять вход, пока ее муж и сын пытали мою напарницу, ее пса и сына Артефакторов. Та, которая, по иронии судьбы, сама оказалась на месте жертвы и скончалась при весьма таинственных обстоятельствах.

– Вас прислал Виктор за фотографией? Вы из похоронной службы? – спросила женщина деловито.

– Да, прошу прощения, нам не хватает фотографии вашей дочери для памятника, – я включился в диалог и пообещал себе, что фотографию в похоронное бюро все-таки передам. – Могу помочь вам с выбором подходящего изображения, но почему-то мне кажется, что вы лучше справитесь с этой задачей.

Собеседница промолчала и отошла внутрь квартиры. Я расслабленно улыбнулся и мысленно приготовился к неожиданным сюрпризам. Лево́й рукой, которая была не видна женщине, я аккуратно преградил дорогу моей напарнице и зашел в помещение первым. Лакированные доски пола кое-где потеряли и блеск, и краску, предательски посерев. Я разулся и проследовал в единственную комнату, на стене которой висел домик часов с кукушкой и пушистый ковер с бордовыми ориентальными узорами.

– Моя Света работала этим, ну как его, риелтором... Говорят, самая высокооплачиваемая работа по найму в нашем городе. Сама себя содержала, квартиру снимала, у меня никогда не занимала. Собиралась мне с ремонтом помочь, как подкопит, а тут... – Женщина подавила всхлипы, и ее бледное лицо сморщилось. – Садитесь, чего стоите? На тахту, прям на тахту. Застелено же.

Адель присела на самый край односпальной кровати и дождалась, пока бабушка достанет из старого серванта большой альбом со снимками.

– Компьютера у меня нет, да это и к лучшему. Не стала бы я пересматривать эти бесконечные снимки из поездок дочери, а тут вроде взял альбом, и все самые важные фото есть. А что еще пожилому человеку надо?

Хозяйка квартиры принялась медленно листать страницы, прослеживающие путь от совсем маленькой дочери к взрослому и самостоятельному человеку. Из рассказа горюющей матери выходило, что у Светланы была ничем не примечательная жизнь. После педагогического университета девушка долго пыталась прожить на учительскую зарплату в десять тысяч в месяц, а потом сдалась и пошла работать риелтором. Ближе к концу альбома я заметил фотографию погибшей вместе с крупным мужчиной и его ребенком.

– А это кто? – уточнил я, показывая на людей, которых видел в воспоминаниях Адель.

– Коллега Светин и его сын. Они дружили. Не встречались, а то дочка бы мне сказала. Как-то ездили в командировку на пару дней, на курсы повышения квалификации, но кто ж не ездит? Зарплату после них Свете подняли.

На всякий случай я сжал в кармане амулет, который настроил реагировать на душу человека. Как я и ожидал, хозяйка квартиры оказалась простым человеком. Очевидно, она не была в курсе того, что происходило с ее дочерью, как это обычно и бывает. Мало кто хочет расстраивать своих пожилых родителей... Женщина протянула мне портрет ярко накрашенной Светланы, стоящей посреди расфокуса зеленого парка с самым мечтательным выражением. Каким-то образом гримеру и фотографу удалось сделать из девушки совершенно другого человека – с объемными скулами и большими глазами вместо плоского

приплюснутого лица. Как будто из мопса сотворили овчарку. Странный выбор снимка, но не мне решать...

Я пропустил Адель вперед и вышел в парадную с крепко зажатой в руке фотографией. Напарница преодолела лестничный пролет и едва не врезалась в открывшуюся дверь средней квартиры.

– Тш-ш-ш! – раздался абсолютно неуместный возмущенный шик.

А потом волшебницу схватили за руку и затащили внутрь квартиры совершенно бестактнейшим образом.

Адель. Теория заговора

Я смотрела в округлившиеся от любопытства глаза женщины, которая повсюду таскала с собой тележку, полную исписанных тетрадей. Кажется, Гилиад называл ее Лизаветой. Наставленные друг на друга вещи и коричневые коробки оставляли лишь узкие дорожки, ведущие в комнаты. В своем не по погоде теплом горчичном свитере и бежевой шали она не сливалась с пейзажем квартиры лишь потому, что ее трясло. Барахольщица прислонила палец к губам, а потом резво развернулась и засемила в ванную. Секунду спустя из помещения раздался резкий звук хлынувшей воды. Мой напарник распахнул незапертую дверь, и я поспешно снабдила его успокаивающими образами человека, которого в этой местности считали своей городской сумасшедшей. Лизавета выбежала из ванной и понеслась на кухню, ловко огибая штабеля вещей. Из кухни зазвучало: «Вы слушаете Радио Маяк!», сменившееся ретрокомпозицией, от которой даже сквозь динамики запахло нафталином и мылом «Душистый ландыш». Гилиад вопросительно обернулся, изучая пути отхода, и его взгляд остановился на тележке, с которой жительница квартиры не расставалась. Лизавета высунулась из кухни и недовольно сузила глаза, заметив, куда уставился некромант. Но она промолчала и лишь сообщила:

– Так нас никто не услышит. Они всегда подслушивают. Звуки воды и чужие голоса отвлекают их, поэтому мы сможем говорить спокойно. Но лучше все же шепотом.

– Почему вы позвали нас? – я нарушила молчание, стараясь не осматриваться по сторонам, чтобы не нервировать женщину.

– Риелторы. Я давно за ними слежу.

Я замерла, не зная, что ответить. Рядом тихо выдохнул Гиляд.

Никто не воспринимает человека с ярко выраженными странностями всерьез. Как будто он не может стать случайным свидетелем преступления или окажется не в состоянии проанализировать произошедшее. Мальчик, который сорвал голос, без устали крича: «Волки!», превращается в недостоверный источник информации, к которому со временем перестают прислушиваться селяне. Женщина, которая думает, что соседи хотят украсть ее тетрадки, и ищет теории заговоров везде, где только можно, даже волшебниками признается невменяемой.

– Что вы видели? – спросил Гиляд, голос которого слегка дрогнул.

Хозяйка квартиры так и замерла в коридоре, не делая попыток пригласить нас в одну из комнат. На кухне надрывался Муслим Магомаев, которого частично заглушали звуки из ванной, удивительно напоминающие шум водопада. Из-за радиопомех мне стало казаться, что я очутилась в фильме ужасов – именно под такое музыкальное сопровождение обычно начинают происходить самые зловещие события.

– Я в тот день пошла во фрукторек, ну, фруктовый ларек на улице. Хотела взять арбуз или дыню, пока сезон не закончился. Двинулась я, значит, через центральную площадь, а там огорожена местность и табличка висит, что ведутся раскопки. Ищут какое-то золото. Даже черепки глиняной посуды для вида лежат, рядом с перекопанной и разобранной на камни мостовой... Но я-то знаю, что такие вещи в нашем городе для прикрытия делаются. И замечаю среди археологов, которые спускаются в прорытый на площади туннель, девушку, соседку мою. А про нее мне часто рассказывали, что она риелтором устроилась работать. И как, спрашивается, риелтор мог оказаться в составе археологической группы? Ну я свою тележку с бумагами оставила продавцу ларька, мы давно общаемся, он мужчина честный и

скидки мне всегда на фрукты делает. А сама потом к туннелю сбоку от охраны подошла, пока та отвлеклась на школьников с селфи-палками...

А археологи, ну, которые на самом деле никакие не археологи, разрыли какой-то древний склеп, ведущий под церковь. Я так понимаю, что через канализацию и старые монастырские ходы к склепу было просто не пробраться, нужно было именно копать. Спускаюсь я под город, становится все холоднее и холоднее, и воздух такой сырой, затхлый делается. Вскоре слышу я голоса, которые эхо разносит, говорят они, мол, как помочь владыке разрастись за пределы нашего города? А девушка, соседка моя, чуть не плача отвечает, что не нашли они тот артефакт, который искали под землей. Нет его, а значит, настал им неминуемый конец. Новых людей в город мало приезжает, прирост населения не такой большой, как ожидалось, а люди просто бросают свои квартиры непроданными и уезжают подобру-поздорову. Как будто чувствуют, что их что-то выпивает. Соседку мою начинает утешать мужской голос, зычный такой: «Так владыка наш просочился сквозь миры и достал аж до эльфийского княжества, расположенного на том же меридиане. Может, у них, у эльфов, получится силы пить». А другой голос возражает недовольно: «Повелитель наш не окреп еще, он может только человеческими силами питаться, волшебники ему не по зубам». А девушка снова хныкать начинает: «У меня мама совсем слабая, если мы не найдем новый корм для владыки, то он расторгнет наш договор и станет трогать наших близких. Ваших детей, отцов, братьев, сестер...» А мужчина ей в ответ хмыкает: «А мне какое дело до ваших проблем? Я вот своего сына посвятил в жрецы, ему теперь ничего не страшно. А других близких у меня и не осталось». А соседка моя сквозь слезы ядовито отзывается: «Так когда со всеми нашими близкими Повелитель закончит, он за нас, за жрецов примется». А ей так равнодушно мужской бас отвечает: «А то ты не знала, на что шла, когда позволяла высосать свою душу». А потом я тихо подниматься стала, ведь услышала достаточно. Но на обратном пути охрана на площади меня заметила и видела, как я вышла из склепа. Они меня поймали, и я стала отпираться: «Хотела золото посмотреть, но на ваших наткнулась, никакого клада там и в помине не было». Я по глазам поняла – сейчас меня отдадут их чудовищу, чтобы оно меня выпило до последней капли. Но тут в центре города началась суматоха,

откуда ни возьмись возникли гигантские улитки, которые охотились за тыквами. Они довольно резво обгрызли продукцию всех ларьков в округе и ужасно напугали какую-то женщину в рыжем парике, похожем по форме и цвету на тыкву.

Я вспомнила, как в первый день приезда Гиляд поведал мне смешную историю о нашествии огромных плодояжорок из другого измерения и как очевидцам потом чистили память... Гиляд, который не только внимательно слушал хозяйку, но и все это время накладывал защитные чары, обернулся лицом к выходу. Круглая сфера, похожая на модель Солнечной системы, начала медленно проявляться на стене и двери. Вместо планет на орбитах замерли шестеренки разных размеров.

– А как вы все это запомнили? – не своим голосом поинтересовалась я.

– Я бы забыла, да мне во сне все приснилось. Люди редко придают значение фантастическим снам, а я вот их всегда не только анализирую, но и записываю. И верю во всякое-разное. Память мне стерли какие-то умельцы, но они упустили важную деталь – мою тележку, спрятанную под фруктовым прилавком. Я бы, может, и списала все на сон, вот только на следующий день владелец фруктового ларька привез мне мою пропажу. А я начала думать, что тележку украла соседка снизу, она только кажется милой, но на самом деле все время пытается отравить нас запахами своих подгоревших блюд. Если бы не умельцы, которые зачистить воспоминания пришли, не было бы меня в живых – те лжеархеологи скормили бы меня чудищу. Риелторы хоть и изверги, но не дураки. Мой труп мог внимание к ним привлечь. Так вот, решили они под шумок оставить меня в покое и не усомнились, что память все равно заберут умельцы, которые улиток скрывают от простого народа. Так и попала я к чистильщикам вашим, которые тщательно работают и всегда на всякий случай редактируют целый день, а не только воспоминания о сверхъестественном событии. Само собой, никто из ваших мастеров не стал смотреть, что я видела до встречи с гигантскими слизнями – это бы вторжением в частную жизнь звалось. Не могла я пойти к вам или письмо послать, риелторы бы мигом просекли, что я помню тот день. Надеялась я, что вы, стражи порядка, сами на меня выйдете.

Картинка сложилась. Квартиры, которые годами не продавались у тех, кто собирался покинуть город, попытка похищения Гольштейна и дудочки, приманивающей живых существ... Срабатывание амулета Гириада под землей, таинственная внезапная смерть двух риелторов и мальчика, попавших на допрос к эльфам, и даже насекомые, которые в ужасе покинули подвалы и подземелья. Какой бы монстр ни обитал под нашими ногами, он больше не был сыт и, вероятно, перешел в стадию активного бушевания. Главное, поймать его до вступления в стадию городокрушения. Гириад уже ментально передавал информацию, полученную от свидетельницы, – я видела, как напряглась жилка на его лбу от напряжения, вызванного необходимостью рассказать все, всем и сразу.

И пока я думала, что же забавнее – быть раскрытыми женщиной, которую местные жители считают городской сумасшедшей, или тот факт, что эта женщина оказалась более умелым детективом, чем мы, Гириад потянул меня за рукав.

– Минут через пять к вам для охраны прибудет наша команда, она сейчас опрашивает людей в соседнем доме... Адель, ты пойдешь со мной.

По протоколу, Гириад, как старший волшебник, сумевший добиться существенного продвижения в расследовании, обязан был выдвинуться на передовую, оставив напарника охранять ценного свидетеля. Но, кажется, он всерьез переживал за меня и больше не собирался бросать одну, а может, винил себя за предыдущий случай, в котором я пострадала по своей же глупости, открыв дверь риелтору Владиславу.

Синяя круглая печать на двери звучно щелкнула, и ее нарисованные шестеренки закрутились, словно в часовом механизме. Мы посторонились, уступая пяточок незанятого вещами пространства для Яна и Дины, а сами боком протиснулись ближе к кухне. Девушка вместо приветствия с нажимом произнесла:

– А теперь слушайте все меня. И делайте в точности, как я скажу. Быстро! За нами – вся мощь риелторов.

Иван

(Чуть больше века назад)

Город переживал не лучшие свои времена; не легче приходилось и его жителям. На изломе столетий много всего произошло, и тяжелые события один за другим скатывались в гигантский ком отчаяния. Сначала рухнул привычный мир, а потом на его руинах случился неурожай, следом на тихих костяных лапках подкрался голод. За закрытыми дверями умирали люди, поверженные слабостью и частыми болезнями. Ивану исполнилось шестнадцать, когда закончилась Гражданская война, а потому он единственный из братьев остался помогать матери по хозяйству. Жизнь его начиналась с первыми лучами солнца и не останавливалась до самой ночи. Сперва для нужд новой страны забрали корову, потом – козу с козлятами, затем – пришли за курами. В избе теперь находилась только пара несущек, которых удалось спрятать, но они не могли прокормить вдову и ее сына. Семья начала недоедать. Перед сном Иван на пустой желудок часто вспоминал свое детство. Колыбельные Ивану никогда не нравились, и заснуть ему помогали только сказки о сокровищах монахов, спрятанных под землей. Наверное, в каждом городе в ту пору появились такие истории, немало было и тех, кто отправился на охоту за церковным золотом, украшениями и предметами культа.

Дядя Ивана, служащий монастыря, сумел сбежать от расстрела по тайным ходам под городом и в знак успешного побега отправил корзинку грибов через местных старцев. В голове юноши сложилось два и два – есть тайные ходы, о которых не известно новой власти, а еще есть имущество церкви, которое необходимо где-то схоронить, чтобы его не конфисковали безбожники. Последний кусочек пазла лег на стол, когда заболела мама. Нужны были питательные продукты, чтобы поставить ее на ноги. Найти тайные ходы не составило труда; сложнее было решиться на преступление и отправиться забирать то, что по праву принадлежит монастырю. Иван пообещал себе, что, когда закончатся голод и нужда, он выкупит все, что продал, или возместит нанесенный ущерб.

Юноша спускался по лестнице все ниже и ниже, расставаясь с частичкой собственной личности. Безбожникам и мародерам никогда не найти сокровища монахов, ведь они вытравили из себя ненавистный образ мысли своего врага. Иван вспомнил, как на поминках отца встретил дядю и расспрашивал о тех сказках, которые слышал еще в колыбели. Брат матери подтвердил, что под городом есть другой город – подземный и он не раз выручал своих жителей из беды. «Помяни мое слово, племянник, эти ходы не дадут нам пропасть». В этих словах поселилась надежда пополам с трепетом перед неотвратимостью фатума. Юноше казалось, что он брел целый день, а может, и больше – под землей время словно текло иначе и становилось тягучим, как смола. Свечка из свиного жира выхватывала древние своды и арки из кирпичей, а потом засияла светом тысячи солнц. Огонек распалился от горы монет из драгоценных металлов, карикатурно разбросанной у одного из тупиков переходов. Отблески свечи множились, отражаясь от стенок икон, отделанных золотом, толстых цепочек кадил и монет. Иван снял с плеч холщовый мешок и отложил молоток, которым собирался дробить свежую цементную кладку. И правда – откуда у беглецов появится время возводить искусственную стену?

Гора предательски зашевелилась, но вместо крыс из россыпи сокровищ показалось небольшое черное создание размером с крупную кошку. Оно открыло свои зеленые глаза и вполне осмысленно уставилось на посетителя подземных галерей. И хотя у существа не наблюдалось ни рук, ни ног, оно неумолимо напомнило чертенка из повестей Гоголя.

– Ты можешь забрать все, что хочешь, – прозвучал голос, несомненно, принадлежащий стражу клада. – От тебя потребуется мелочь, малость. Одолжение.

Иван перекрестился и прочитал про себя молитву, но существо никак не отреагировало на эти действия.

– Мне нужна твоя душа. Ты сможешь прожить и без нее, а вот твоя мама без еды и лекарств умрет. – Создание облизнулось, и на какой-то момент юноше показалось, что вместо рта у говорящего открылся еще один глаз. – Я могу защитить ее и дать более долгую жизнь. Уберечь.

– Зачем тебе моя душа?

– Она поможет мне восстановить силы. И тогда я снова смогу питаться энергией людей, верну себе свою прежнюю форму. Задумайся – безопасность твоей матери, твоих будущих детей и жены, гора золота в обмен на совершенно лишнюю для тебя душу.

– И это все? Все твои условия? – Иван понимал, что обмен получается какой-то неравноценный.

– Время от времени я буду просить о новых душах, а людям, которые согласятся отдать их мне, я гарантирую спокойную сытую жизнь и безопасность их близких. Но золото... – черный комочек пластично шевельнулся, и с горы со звонким стуком посыпались монеты, – это золото ты сможешь пустить в дело, ты поднимешься и станешь уважаемым состоятельным человеком, создашь место, куда будут приходить мои будущие служители.

Шестым чувством Иван понимал, что монахи, скорее всего, столкнулись с этим существом и дали однозначный отказ, оставив его медленно угасать. Но у них не было за плечами семей и обязательств, которые нужно выполнять. Они спасали лишь себя, ведь так?

Юноша кивнул и решил, что откроет завод – совсем как в большом городе. Никто не заподозрит ничего пугающего, и все работники будут заняты делом. А тех, кто стремится пробиться наверх, в начальники, он посвятит в жрецы. Жрецы?.. Откуда вообще выплыло это чуждое слово? А если с заводом не получится, Иван всегда сможет подстроиться под новую экономическую ситуацию и сменить профиль своей организации... Юношу затягивало в водоворот, а черный комочек расправил плечи, выпуская склизкие щупальца. Откуда-то по всему его телу возникали кольца плоти, с которых смотрели бесконечные глаза.

Амир

В 1238 году город посчитали важным центром на пути войск хана Батыея, а потому собрали за его стенами войска из двух других городов, чтобы дать бой. Сперва полководцы решили взять врага измором и закрыли городские ворота. Амир смотрел на высокую крепость, сложенную из красного кирпича, и время от времени переводил взгляд на круглую башню с узкими окошечками. Он не хотел быть здесь, он не хотел боя, он просто родился не в то время и не в том месте. Но долг есть долг, и после сечи у самых стен началась осада хорошо укрепленного сооружения. Со стороны реки подоспели мощные тараны, но жители города отклоняли наступление войск с огромными бревнами.

На дворе разбушевался январь, было чертовски холодно. На третий день осады военачальник Кюльхан, опасаясь, что сражение выиграет природа Руси, внесшая разлад и сомнения в идеально организованную армию, решил обратиться за помощью к высшим силам. Стояла ночь, было непонятно, кого все-таки монголо-татары берут измором – себя или противника. Амира вместе со всеми вояками низких чинов погнали в шатер.

Ветер безжалостно сминал ткань и отвешивал хлесткие пощечины, после которых его друг – ледяной, пронизывающий мороз – забирался под одежду и старался добраться до самого сердца. Зазвучали чуждые этой местности слова, взывающие к джиннам, могущественным существам из пламени. Хор голосов подхватил почти песню, царапая материю пространства. Призыв донесся совсем не до огненных созданий. Его услышал поглотитель материи, жадный зверь из изнанки мира, не знающий, кроме голода, никаких желаний. Единственный в своем роде, ошибка эволюции из другой реальности, он питался живыми душами и жизненной силой людей. Поглотитель материи услышал просьбу явиться и разделаться с врагами и развернул свое мазутное тело по направлению зова.

Голоса в шатре затихли – их спугнуло мертвенное безмолвие. Даже лес вокруг умолк, словно перед бурей. Разноцветные ткани и подушки разметало по шатру, а черное создание щупальцами

принялось хватать тех, кто пообещал взамен на помощь любые услуги. Поглотитель материи выпил души всех присутствующих, последним опустошив Амира, так до конца и не понявшего, во что он ввязался, произнося слова клятвы.

– Теперь вы – мои жрецы. – Вместе с душами ордынцев существо поняло и язык людей, которые призвали его. – Я дарую вам и вашим близким безопасность в обмен на кое-какое одолжение с вашей стороны. Совсем небольшое одолжение...

Воины двинулись в палатки к начальникам и воеводам, рассказать, какую сделку им удалось заключить. Испугавшись гнева Божьего, высокие чины отказались участвовать в сомнительном обмене и предложили доказать мощь нового союзника в бою. Жаждавший новых подчиненных и больше кормовой базы, Поглотитель материи помог взять город и поселился недалеко от ворот кремля, в подземельях, подпитываясь силами войска Кюльхана, захватившего территории и жителей города.

Шли годы, века, и заканчивались души, отданные существу из другого измерения. Паразит все слабел и реже, и реже появлялся на поверхности с предложением заключить сделку. Его образ оброс верованиями, люди стали бояться посещать перекресток, который раскинулся так близко от входа в подземелья. Создание из совсем другого мира в глазах горожан измельчало и оказалось разжаловано до черта-искусителя из детских сказок.

Баба Нюра. Большой брат следит за тобой

Анна Семеновна была председателем товарищества жильцов уже не первый десяток лет. Она всегда знала, когда нужно покрыть листами металла крышу, а когда распределить деньги на замену кабины лифта или вентилируемый сайдинг фасада. Дом рядом с площадью Советской благодаря ее стараниям стал просто образцовым – он исправно и вовремя менял внутреннюю окраску подъездов, никогда не обзаводился протечками и трещинами. Жильцы Анну Семеновну уважали и не задерживали оплату коммунальных квитков – и не потому, что боялись отключения света или газа. Они боялись председателя товарищества жильцов. Что-то глубоко внутри нее крылось такое, что даже хамоватые подростки, нагло глядящие в глаза взрослым, при появлении Анны Семеновны молча съедали недокурные сигареты и больше никогда не дымили в подъездах. Школьники предпочитали гонять на самокатах в соседнем дворе, а бомжи шли спать в любые другие кусты, но только не в те, которые были высажены возле образцового дома рядом с площадью Советской.

Впрочем, Анну Семеновну только в глаза называли Анной Семеновной: шепотом и, переглянувшись через плечо, жители именовали ее бабой Нюрой. Когда председатель жилтоварищества заканчивала планирование бюджета, закупку товаров для ремонта и сверление взглядом мастеров, обеспечивающее однозначную скидку на ремонтные работы, она смотрела в окно и слушала, что происходит вокруг. Зачастую она даже раньше самих влюбленных знала, что у них начались романтические отношения, и была в курсе будущего пополнения семейства задолго до того, как об этом догадывалось само семейство.

Жильцы образцового дома рядом с площадью Советской дружно думали, что после смерти бабы Нюры все здание быстро придет в запустение, а водопроводные трубы разом полопаются и зальют слезами горячей воды все квартиры. А сама Анна Семеновна в свободное время старалась не забывать наведываться на лавочки к

соседкам и обменивать свою подслушанную информацию на их профессиональный сбор данных, выполненный ничуть не хуже, чем любой психологический портрет от элитных спецслужб мира. Так любая баба Нюра своего дома получала уникальный доступ к неограниченному объему информации со всеми паролями, явками и адресами. Разведывательной организации не раз приходила в голову идея нанять местных бабушек на должность секретных агентов или хотя бы тайных информаторов, вот только бюрократия снова и снова брала свое. Столкнувшись со стопкой бумаг, каждую из которых нужно было пометить подписями и печатями представителей разных ведомств, даже идеалисты энтузиасты, недавно заступившие на службу, рано или поздно бросали инициативу внедрения бабушкопатруля. Но безупречно отлаженную систему сбора и передачи информации пожилыми людьми взяли на вооружение риелторы. Сами бабушки думали, что поставляют компании данные о возможных и будущих покупателях и продавцах недвижимости в обмен на приятные доплаты в белых конвертиках. На свои последние «зарплаты» Анна Семеновна приобрела шпионские «жучки», которые оказались расставлены в разных подъездах дома. Домуправ как раз пила прописанный врачом цикориевый кофе и подумывала заменить его обратно на обычный в зернах, когда до нее донесся диалог весьма необычного содержания:

- Да замолчите же, вас услышат!
- Лизавета, вам нечего бояться. Мы вас защитим.
- Вы не понимаете, с кем связались!
- Мы как раз все прекрасно понимаем. Вы поедете с нами в Москву, в надежное место.
- Меня и там найдут, как вы не понимаете!
- Послушайте, в Москве сейчас хранятся люди и вещи посерьезнее! Не спорьте, пожалуйста!

Лизавета, безусловно, была странной соседкой. Она предрекала столько бед, сколько не были способны нарисовать все ведущие новостных каналов и прогнозов погоды, вместе взятые. Однако раз в год и палка стреляет... И вот теперь Лизавету увозят и собираются куда-то спрятать.

Анна Семеновна хмыкнула, дожевала печенье и вспомнила, кому ей полагалось передавать информацию в экстренных случаях.

Домуправ быстро набросала записку, поместила ее в один из «зарплатных конвертов» и, не вылезая из тапочек, спустилась на первый этаж. Стук в среднюю дверь дал почти мгновенный результат. Дверь открыл неуклюжий юноша, перекошенный беспощадным пубертатом. Он привычно прятал свои слишком длинные руки за нескладной спиной. Сосед, с этим его вечно виноватым видом побитой собаки, выглядел как человек, которому однозначно есть что скрывать.

– Юра, мне нужно, чтобы ты съездил по одному адресу и передал письмо. И я не скажу твоим родителям, какими сайтами ты стал пользоваться последние две недели.

Глаза у паренька округлились, а ладони – вспотели. Мысленно он пообещал себе отныне смотреть все видео только в наушниках и съехать из этого дома, едва ему исполнится восемнадцать. Память услужливо подкинула воспоминания о последнем совместном вечере с Анной Семеновной: тогда он как раз и покупал для нее прослушивающие устройства в интернете. В прошлый раз баба Нюра скрыла от родителей правду о школьном конфликте, закончившемся дракой. Ощущение, что домуправ коллекционирует его прегрешения и использует как бесплатную рабочую силу, не покидало подростка, нервно вздрагивающего от каждого стука в дверь.

– Юра? – вкрадчивым тоном уточнила Анна Семеновна.

Юноша выхватил конверт, быстро захлопнул за собой дверь и кивнул.

Трамвай увозил Юрия через исторический центр, мимо зеленых парковых зон к бывшим заводам и тому, что осталось от городского рынка. Этот район по праву считался одним из самых криминальных в городе, а потому, нервно оглядываясь, парень представлял своего адресата. Может, это будет татуированный байкер? Бывший новый русский? Члены банды? Встретившись на остановке с голубоглазым улыбчивым сантехником, который менял в их доме батареи и чинил все неполадки, Юра выдохнул и расслабился.

– Ну здравствуй! Что там Анна Семеновна просила мне передать?

Юноша поздоровался в ответ и протянул запечатанное послание. Он размашистым шагом перешел на другую сторону улицы, не оборачиваясь, а потому не заметил, как сантехник скрылся за углом дома и нырнул в первый попавшийся канализационный люк.

Дина. Плата за молчание

Лизавете дали мороженое не потому, что она проголодалась, а скорее чтобы занять каким-то делом и отвлечь от пересказа разных безумных теорий заговоров. Впрочем, фруктовый рожок за двести рублей быстро закончился, в отличие от историй, и, ударив себя ладонью по лбу, Дина отправилась в другой вагон – ловить скрывшегося с глаз продавца снеков и сладкого. Этот день хорошо запомнился Семену Николаевичу, мужчине, в прошлом году отправившемуся на пенсию, а затем и на дополнительные заработки. Семен Николаевич каждый день, кроме воскресенья, вставал в 4 утра, грузил из морозильника купленное прошлым вечером мороженое, а из шкафов – сухарики, чипсы и прочую «химию», которую обычно разбирали студенты. Затем, проклиная все, шел на перрон и дожидался сонную электричку, наполняющуюся не менее сонными людьми. До самого вечера, а иногда и глубокой ночи Семен Николаевич протискивался из одного вагона в другой и менял электрички, словно перчатки. К несчастью для себя и семьи, он обнаружил, что после выхода на пенсию для тех, кто хочет свести концы с концами, работа не заканчивается. Его бросало с одного маршрута на другой, словно пушистый белый зонтик одуванчика. Но сегодня еще молодого душой пенсионера в тамбуре поймала девушка с очень замученным видом и сунула толстую пачку купюр.

– Возьмите, – выдавила Дина. – Мне, пожалуйста, мороженое.

Мысленно пересчитав оставшиеся рожки, пломбиры, эскимо на палочке и палочки фруктового льда, а затем количество банкнот в руках барышни, Семен Николаевич пришел к выводу, что ему предлагают завышенную минимум в три раза сумму.

– Вы хотите взять все? – удивился мужчина.

Дина кивнула вместо ответа и смахнула выбившуюся из прически прядь волос.

– Но мороженое столько не стоит...

– Это за ваш холодильник и беспокойство, – возразила волшебница и поменяла пачку денег на голубую, слегка замызганную жизнью и жиром термосумку.

Семен Николаевич посмотрел вслед девушке, скрывшейся в гармошке между вагонами, и улыбнулся. На его наручных часах стрелка даже не дошла до отметки 10. Подумав, пенсионер решил взять небольшой отпуск и на вырученные деньги съездить отдохнуть в Москву с женой.

Дина села на деревянную скамеечку и мрачно протянула Лизавете переносной холодильник с мороженым, когда та начала говорить про газ, который ей пускают в квартиру работники аварийной службы, настроенные получить ее квартиру.

– А я и не знала, что у вас такой качественный сервис! Это все мне?

Дина ничего не ответила, засекала время, которое понадобилось охраняемой на то, чтобы справиться с очередным рожком, и только тогда ответила:

– Да, это все вам.

Купленных запасов мороженого едва хватало на безмолвную дорогу до Москвы.

Тем временем в заднем вагоне электрички оживились риелторы. Каждый пассажир, случайно зашедший в их пространство, сам не зная почему, скорее спешил сменить место дислокации на любой другой вагон. Дошло до абсурдного: где-то на середине пути, когда поезд набрал людей под завязку, народ, избегая полупустого пространства, валил в переполненные вагоны, чувствуя раздражение и неуютность крайней степени.

Незнакомые между собой на первый взгляд люди сидели группами и лишь изредка переговаривались. Со стороны могло показаться, что они обсуждают природу средней полосы или беседуют о рынке ценных бумаг и форме хранения сбережений. Но в действительности с этими абсолютно отрешенными и даже чуть одухотворенными выражениями лиц они беседовали о смерти. И не об абстрактной старухе с косой, а о вполне конкретных убийствах, которые планировали. Пока все шло по их плану. Безумную женщину-свидетельницу везли в Москву, где она должна была воссоединиться с артефактом призыва, который был так нужен их дорогому хозяину. Захват смоделировали до мельчайших деталей и учли различные сценарии развития событий.

Вагон тряхнуло, и поезд стал медленно ползти с одного пути на другой, подбираясь к финальной точке своего маршрута. Риелторы синхронно встали, отряхнули брюки и разделились на две группы. Прохладный воздух ворвался в тамбур, а бездушные агенты вырвались на московскую платформу пригородных по-ездов.

Не скупясь на заоблачно высокий тариф, Дина, сжав зубы, села на заднее сиденье такси, из-под опущенных ресниц глядя на своего напарника и Лизавету. С водительского кресла обернулся крайне обрадованный человек, сверкающий винирами, словно диско-шар на вечеринке в стиле 80-х.

– Добрый день. Мы очень торопимся. – Девушка решила купировать на корню все попытки предложить ей расширенный пакет услуг в виде выбора радиостанции, бесплатной экскурсии и ни к чему не обязывающему водительскому флирту из категории «Барышня, барышня, вы отрада глаз моих!».

Словно армия неумолимых терминаторов, риелторы, не теряя дичь из виду, принялись останавливать частных извозчиков. Автомобили, разделенные потоком, двинулись в одном направлении – на кладбище.

Натан Соломонович. О мертвых либо хорошо, либо ничего

У Натана Соломоновича было сегодня много дел, которые не представлялось возможным отложить до завтра. Максимилиан вяло плелся за некромантом по извилистой тропинке, петляющей между квадратными и прямоугольными участками, отмеченными крестами и гранитными плитами всех форм и размеров.

– Тебе нужно будет просто изобразить моего помощника. Я не могу спускать с тебя глаз, но и терять расположение представителей одной древней фамилии мне бы не хотелось. Это такие люди, которые не терпят срыва сроков, понимаешь? А то уйдут от меня на другое кладбище...

– И что я им скажу? – Настроение у Максимилиана было немного подавленное. То ли играла роль близость и тишина могил, то ли его накрыл стресс после пережитого. А может, и все сразу. – Проходите на экскурсию, уважаемые члены знаменитой актерской династии! Справа вас ждут воскрешенные мертвецы. Но не бойтесь, они заняты трудом раскапывания ям. Если вы внимательно приглядитесь, то, возможно, узнаете кого-то из родственников или друзей. Посмотрите налево – там с прорывом волосяной луковицы мертвеца удачно справляются лучшие помощники некроманта!

– Корня мертвеца, – машинально поправил юношу Натан Соломонович и, заложив руки за спину, двинулся в сторону конторы. – Максимилиан, пойми меня. Да, я использую труд воскрешенных. Но я возвращаю только тех, кто при жизни творил зло. Я даю отпетым злодеям шанс исправиться. Я верю, что хоть немного облегчаю им посмертие и их участь на том свете. Господин Гольштейн, ну помогите же мне!

Остаток утра, в флере легкого сюрта, Максимилиан смиренно сопровождал процессию лиц с экранов кино, во главе которой шел заслуженный артист России и подбирал для будущего себя наиболее уютное место, время от времени жалуясь, что в некоторых участках кладбища «слишком беспокойно» или «не нравятся соседи». Артефактор старался кивать в нужный момент, понимая, что

известный актер просто боится смерти и пытается бороться со страхом, взяв все под контроль и действуя на своих условиях.

– А что бы вы посоветовали мне, молодой человек? – поинтересовался артист, зайдя в выставочный зал с похоронной атрибутикой.

Максимилиан, явно не ожидавший, что к нему обратятся, выдал первое, что пришло ему в голову:

– Побольше бывать на свежем воздухе и не забывать получать новые впечатления. Я бы постоянно ездил в разные экзотические страны, только без экстремальных туров. Почаще проводил время с семьей. Иногда кажется, что она – та еще головная боль, но она – наша головная боль.

– Вообще-то, я имел в виду надгробие...

Натан Соломонович часто заморгал, сохраняя, впрочем, в остальном все признаки самообладания. Те, кто знал волшебника достаточно давно, понимали степень его глубокого возмущения и недовольства.

– Но ваш совет я с удовольствием приму. Приятно, что у молодежи еще осталось чувство юмора и наглость – но в хорошем смысле. Юноша, вы далеко пойдете!

Едва народный артист покинул бюро ритуальных услуг, со второго этажа потянулись стайки посмертно работающих сотрудников. Они выглядели совсем как живые люди, неохотно возвращающиеся после перерыва выполнять неприятные обязанности на ненавистой должности, – слегка подволакивали ноги, равнодушно смотрели вниз и подчинялись командам начальника, выраженным при помощи хлопков и подбадриваний. Максимилиан отвел взгляд, не в силах смотреть на чужие мучения. Он-то думал, что, уехав от родителей, становишься свободным... Но весь опыт текущего дня показывал, что доставать тебя будут даже на том свете. Тем временем за спиной юноши развернулась безмолвная драка за лучшую и самую удобную лопату, лишь изредка прерываемая расстроенным мычанием.

– Натан Соломонович, ну, может, выберемся с вами в ресторан? Хочется сменить обстановку.

Обстановка, словно в подтверждение слов, завывала, и победивший мертвяк торжественно воздел над головой выдернутую с чужими руками лопату, пока второй, проигравший конкурент, пытался вернуть

голову в надлежащее, неперекошенное положение без помощи отсутствующих конечностей.

– Так вот что значит русское выражение «С руками оторвут...». Никогда раньше его не понимал, а теперь вдруг как осознал, – отозвался волшебник, игнорируя вопрос. – Я пытался всем купить идентичные современные лопаты, но, понимаешь, воскрешенные как-то разом приуныли. У всех все одинаковое, никто не может покрасоваться эксклюзивом, вот их мотивация работать и доживать и пропала. Видимо, мертвяки помнят что-то из прошлой жизни и в качестве сублимации замещают айфон лопатой...

– Мы же не завтракали.

– Да не могу я оставить столь мощный артефакт без присмотра! Ты говоришь, он сам себя охраняет, но кто его знает, на что способен враг. И потом, Дина и Ян скоро уже будут...

Словно услышав заклинание призыва, два запыхавшихся некроманта возникли у калитки рядом с входными воротами.

– Мы заставили водителя немного попетлять и ушли с шоссе напрямик через лес. У нас минут пятнадцать форы от силы, – вместо приветствия отозвалась Дина.

Из-за спины волшебницы показалась крайне задумчивая Лизавета, погруженная в созерцание своего внутреннего мира. Из подсобного помещения вышли работники Натана Соломоновича, и женщина тут же в ужасе закричала:

– Я так и знала! Правительство поставляет вам людей, которые оказались забракованы в результате серии неудачных экспериментов! Поэтому в Москве такие дорогие цены на погребение!

Ян аккуратно перехватил Лизавету, которая собралась бежать прочь.

– Да нет же, послушайте! Это простые работники кладбища. И сегодня они – единственное, что стоит между нами и разъяренными риелторами! Воскрешенные – наша стража. Отнесите к ним с уважением. В конце концов, этого заслуживает каждый почивший.

Словно почувствовав интерес к себе, мертвяки потянулись к гостям. Помощники Натана Соломоновича выглядели как стая собак, охранявшая заводскую территорию. Кто-то даже бессовестно принюхивался, бестактно склонив голову набок.

– Вам будет лучше в помещении. – Начальник похоронного бюро прервал все лишние беседы и безапелляционно указал рукой на вход в здание. – Максимилиан, а ты пойдешь со мной.

Риелторы. Трое в лодке, не считая артефактора

Мужчины и женщины покидали салоны автомобилей, тормозивших посреди шоссе, и собирались в большую группу. Они не спешили преследовать скрывающуюся в подлеске троицу беглецов и выглядели на удивление расслабленными. Водитель грузовика, проезжавший мимо, отнес скопление людей на счет хипстеров, внезапно записавшихся в бравые ряды грибников и сборщиков ягод. Водитель белой «Хонды-Креты» решил, что рядом планируются съемки очередного российского сериала про полицейских, потому что – ну а про что еще обычно снимают сериалы в лесу? Мужчина за рулем черного «Форда-Фокуса» знал про факт наличия кладбища неподалеку, а потому удивился, что рядом со скорбящими совсем не видно катафалка, но вскоре позабыл про странных людей совсем. Прав он был только в одном – эта группа явилась сюда с твердым намерением похоронить кого-нибудь.

Один из риелторов достал смартфон, включил геолокацию и без труда обнаружил единственное здание в ближайшей округе. От отряда отделилось четыре человека – разведывательный авангард, который должен был установить местонахождение главной и второстепенных целей. Главной целью, безусловно, была Гамельнская дудочка: как только артефакт покинул зону, занятую хозяином, тот перестал ее чувствовать. Второстепенными целями являлись три некроманта, Артефактор и человеческий свидетель – женщина, которая смешала все карты. Почти бесшумно, четко и слаженно прислужники зла вошли с заднего входа.

Впереди замаячила прямая фигура человека с благородной выправкой. Рядом шагал немного неуверенный, мнущийся силуэт юноши. Словно танцоры в клипе популярного эстрадного певца, преследователи разделились на две подгруппы. Первая пара зашла сбоку и затаилась за надгробием. Вторая – двинулась наперерез, к зданию похоронного бюро. Крепкие парни обменялись жестами и кивнули друг другу.

Волшебник начал оборачиваться, словно почувствовав что-то неладное. Мужчины высунулись из-за надгробия, обнажив фрагмент надписи: «Рано ушедший, покинувший нас молод...», и принялись расстреливать цели, словно в тире парка аттракционов. На их лбах выступил пот от напряжения: ничего, кроме желания продать свою квартиру, риелторы еще в жизни не убивали. Капельки влаги не стерли впечатанные на лбах руны защиты, рассчитанные на сокрытие своих обладателей от любых проявлений магии. Некромант, которого прошили выстрелы, покачнувшись и осел, хватаясь рукой за юношу и ища последнюю поддержку. Впрочем, и у Максимилиана подкосились ноги, отказываясь держать подбитое тело. А потом их фигуры наклонились и превратились в сизый дым. Морок на этом не остановился и тягучим туманом пополз по участкам между могилами. Каждый памятник, которого касались клубы пара, выпускал разноцветные вспышки цветного песка. Агенты по недвижимости зажмурились, когда надгробие рядом с ними осыпало их лица голубым микровзрывом, и тут же закашлялись. Первая часть группы предпочла отступление и воссоединение с основными силами, понимая, что попала в засаду. Кладбище заволокло разноцветной пеленой, и риелторы-силовики уже не были уверены, куда следует отступить. В неразберихе раздался странный скрип и стук, означавший не иначе как движение гранитных плит, которые внезапно решили сменить свое месторасположение, чтобы еще больше запутать непрошенных гостей. Мужчины бросились вперед и получили болезненную подножку от выросшего из-под земли надгробия. Метрах в двухстах раздалась пальба и крики, которые были немедленно идентифицированы как реакция разведывательной группы номер два.

– Мы раскрыты! Нужно соединиться с подкреплением! Бегите в одну сторону, рано или поздно упретесь в ворота! – закричал риелтор, который по сценарию должен был устранять некроманта и Артефактора.

В ответ раздался одобрительный топот приближающихся ног, ошибочно идентифицированный как подмога собратьев. Впрочем, радость на лицах людей из отряда номер один быстро сменилась на ужас. Со всех сторон на разноцветные пылевые облака, выглядящие как галактика в момент своего образования, сползались воскрешенные. Услышав звуки выстрелов, основные силы риелторов выдвинулись на

подмогу. Штурмующие, попав в цветную мечту девочки лет пяти-семи, встали у самого входа в гигантский круг спинами друг к другу и достали оружие. Пуля стремительнее любого заклинания, и зачастую выстрелить человек может быстрее, чем волшебник активировать амулет. Вот только отряд не учел, что сражаться придется совсем не с магией. То есть не с магией напрямую, а с самыми ее странными последствиями в виде оживленных мертвецов. Дальше все стало похоже на любой компьютерный шутер от первого лица. Мертвецы, обычно такие неповоротливые и вялые, наконец получили вполне понятную и не рутинную цель, а еще немного волшебного ускорения, а потому стали действовать куда как более эффективно. Если бы не скрип коленей и суставов и звуки шагов окоченевших ног, воскрешенных можно было бы сравнить по скорости и внезапности появления разве что с ниндзя. Раздалась пистолетная очередь. Со смачным шлепком отлетела и без того плохо крепящаяся к телу рука одного из оживленных. У другого оживленного по естественным причинам, к стрельбе никакого отношения не имеющим, отлетела голова, и он бросился в атаку, держа ее за волосы вполне устрашающим образом. Кто-то в кругу закричал и, кажется, бросился бежать прочь. Ряды сомкнулись чуть плотнее, зазвучали щелчки перезарядки обойм. Пули не останавливали, а лишь замедляли высывающихся из-за надгробий и бегущих навстречу восставших. Теперь можно было с уверенностью сказать, что засада не удалась, а противник задумал ловкую ловушку и неплохо подготовился к радушному приему гостей.

– Ой, а это же мой кумир! Я не могу в него стрелять! – раздался жалостливый голос риелтора откуда-то сбоку, и возглас стал последней каплей.

Агенты по недвижимости разомкнули оцепление и понеслись в разные стороны. Особо упорные – искать некроманта, который все это устроил. Но большая часть – прочь от проклятого места. Разноцветный песок, перемешавшись в воздухе, оседал на землю, и сквозь взвеси уже начал вырисовываться раскрашенный пейзаж кладбища. Колдунство, заставившее прийти в движение захоронения, стало терять силы, и плиты виновато возвращались на свои места. В свете открывшегося пейзажа стало понятно, что многих сбежавших риелторов крепко связали веревками и оставили лежать на земле. Так

же равнодушно многие люди раз в год поступают с живыми елками, заматывая их и выбрасывая на помойки. Тех агентов врагов, которые по каким-то причинам сумели избежать перспективы быть пойманными, сейчас всю преследовали воскрешенные, смешно вытянув вперед руки. Натан Соломонович вышел из здания похоронного бюро, когда последние крики непонимания и разочарования стихли над простором. Сейчас он удивительно напоминал русского помещика, решившего обзреть границы своего необъятного земельного владения.

– Перенесите, пожалуйста, всех риелторов в морг. Я погружу их в сон. Только не забудьте отключить опцию заморозки. – Он хлопнул в ладоши и принялся проговаривать долгое заклинание, которое должно было убрать радужный окрас кладбища.

Когда последний агент по недвижимости ушел в забвение в индивидуальной металлической камере, Максимилиан лишь пожал плечами:

– А в Японии, между прочим, чтобы выспаться в таком маленьком пространстве, люди платят деньги. Может, в конце выставить им счет за размещение в капсульном отеле? А что? – Поймав непонимающий взгляд окружающих, юноша поспешно добавил: – Риелторы же берут с меня деньги за привод покупателя. Я даже фотографии своей квартиры сам сделал и объявление о продаже вывесил.

Натан Соломонович хитро улыбнулся, и все четверо вышли на крыльцо.

Лизавета вдруг посмотрела в пустоту, концентрируя внимание на одной, отдельно взятой точке. Натан Соломонович напрягся, Максимилиан сощурился, а Дина и Ян лишь непонимающе переглянулись.

– Старые кладбища строили в виде карты сокровищ. Нужно лишь найти самый богато украшенный центральный склеп и двигаться от него на север... Пойду поищу золото, – невозмутимо сообщила женщина и уверенно зашагала прочь от центра ритуальных услуг.

За ней вперевалочку последовала часть воскрешенных с самыми невозмутимыми выражениями лиц. Никто из присутствующих после произошедшего и не подумал усомниться, что Лизавете в такой компании может угрожать хоть что-то. Натан Соломонович повернулся к своим коллегам:

– Дина, Ян, поезжайте обратно к Гириаду и Адель. Им сейчас будет кстати любая помощь. Я почти уверен, что монстр подземелий сорвется и решит стереть всех причастных некромантов с лица земли... Берите самую быструю машину, которую сможете найти, платите любые деньги...

Волшебники кивнули и побежали в сторону кладбищенских ворот.

– А мне нужно будет провести ряд ритуалов и попытаться найти слабое место у этой нечисти...

Максимилиан пожал плечами и, чувствуя себя абсолютно лишним, поплелся за владельцем похоронного бюро. Ему, конечно, никто не найдет никакого дела... Да и какие дела могут быть у беспомощного почти-человека в мире на грани между затишьем и громогласной бурей? Даже чирлидерши, выступающие для подбадривания футбольной команды, и те приносят больше пользы... Артефактор представил себя одиноко размахивающим помпонами на краю битвы на фоне вырастающего из-под земли чудовища.

– Максимилиан, ты здесь? Поможешь с магическими приготовлениями. Вместе мы проведем ритуалы быстрее.

Иван. Покой нам только снится

У жизни без души были и свои преимущества. Например, исчезло чувство вины и заглохла совесть. Мир стал намного проще, а решения принимались легко, ведь их больше не тормозили бесконечные размышления и отговорки. А еще Ивану дали долгую жизнь. Долгую, несомненно богатую и роскошную. Несмотря на достаток и статус – сначала директора важного завода, а потом владельца самого крупного риелторского агентства в городе, Иван так и остался одинок, не обзавелся семьей. Люди, в которых теплилась душа, чувствовали себя рядом с мужчиной неловко и старались держаться от него подальше, не понимая почему. Про такие личности, как Иван, говорили: «Вроде ничего плохого не сделал, а человек неприятный. Скользкий какой-то». Посвященные в культ люди теряли часть интереса к семье. Многим удавалось сохранить теплые чувства к близким родственникам, но заводить новых уже никто особенно не рвался. Потому что служение хозяину – это не про самостоятельность и свободу выбора. Это про коллективизм и работу на благо светлого будущего до конца жизни.

С возрастом Иван передал часть своих функций подчиненным, хотя и продолжал задавать тон и обеспечивать агентство новой кровью. Пока Повелителю не стало мало. Он уже достиг критических размеров и очень хотел расшириться, чтобы получить в свое распоряжение силы и души людей соседних городов. Иван делал все, что мог, но темпы его работы перестали устраивать хозяина. Существо было бесконечно ненасытно, словно кредитная карта. Тогда и родилась идея захватить важный артефакт, которым размахивали местные недоволшебники. Не умея использовать столь мощную вещь, глупые Артефакторы извлекали из нее крошечную денежную выгоду, а затем оставляли на долгие месяцы пылиться на полке.

Перед глазами Ивана встала вся его жизнь, а до боли знакомые аллеи напомнили о взлетах и падениях. Этот парк знал времена и получше: когда-то в самом его сердце радостно шевелились сияющие аттракционы и слышался детский смех. А сейчас от былой роскоши осталось лишь колесо обозрения – и то облезлое. Иван ощутил себя, как никогда, одиноким и растерзанным: он закричал от отчаяния и

опустился на скамейку. Риелтор и сам чувствовал себя скрипнувшим и затихшим вагончиком американских горок, заржавевшей детской машинкой, в которой от дождей с годами разложились кожаные сиденья... Прохожие бросали на старика любопытные взгляды, но, не получив продолжения концерта, вскоре потеряли интерес к незнакомцу. Лучшие из риелторов потерпели полное фиаско и оказались в руках врага, беспомощные, но хотя бы не открывающие секретов фирмы. Иван чувствовал все, что происходит с его людьми, ведь именно он посвятил их в прислужники хозяину. Значит, можно не убивать подчиненных и позже вызволить из лап врага. Впрочем, собрать второй штурмовой отряд не представлялось возможным. Часть людей осталась при Повелителе, часть – отправилась пытаться купить новые души. Иван назначил встречу в парке своему заместителю, чтобы обсудить дальнейшую стратегию действия. Вскоре мужчина лет сорока присел рядом с Иваном – сухим, но молодо выглядящим стариком, которому никак нельзя было дать больше шестидесяти пяти из его ста девятнадцати лет.

– День добрый, – мужчина склонил голову, изображая поклон. – Я понял, что ситуация срочная. Как обстоят дела?

– Захват полностью провалился. Всех штурмовиков связали и погрузили в сон. Хорошо хоть не стали выпытывать у них информацию... Иначе мне бы пришлось попросить хозяина разомкнуть связь, и было бы как в тот раз, после подземелий, когда те два риелтора и юный стажер чуть не разговорились. Если честно, я думаю, что некроманты и без наших подчиненных владеют достаточным количеством данных, а потому не видят смысла выковыривать из них признания. Как обстоят дела с добровольцами? Кого-нибудь нашли?

Заместитель замялся, придумывая, как лучше сформулировать фразу.

– Требуется время. Но мы бросили всех, кого могли, на поиски.

Внезапно он побледнел, и мысли так и зависли в воздухе невысказанными. Левый глаз мужчины задергался, пораженный нервным тиком, тело затряслось и упало на скамейку. Иван склонился над доверенным лицом, пытаясь обнаружить у него хоть малейшие признаки жизни. Несколько долгих секунд заместитель не дышал совсем, а потом резко издал крайне неприятный свист при помощи

ноздрей. Где-то в другой части города в этот момент прямо на ходу попадали на землю другие риелторы, а некоторые, сидящие за столиком кафе, заснули, ударившись лицом о столешницу. Иван изо всех сил боролся с накатывающей дремотой – в конце концов, он был древнее всех, он был самым главным, в нем теплилось больше силы Повелителя и самые крепкие руны. Последнее, о чем подумал директор риелторского агентства, – это то, как мало все-таки магии волшебников оказалось доступно простому человеку без души.

Максимилиан. Побег из Москвы

Натан Соломонович торжествующе воскликнул что-то похожее на «Та-дам!» и еще раз проверил, насколько крепок контакт между сотрудниками, усыпленными в морге, и теми, кто заснул в Подмосковье.

– Максимилиан, вот ты явно недооцениваешь свой вклад в дело. Никто из известных волшебников никогда не боролся с подобным злом. У меня, в силу опыта, уже почти перестала работать фантазия. А ты еще утром объяснил мне, почему важно поставить на сеть вайфай надежный пароль, чтобы соседи не пользовались моим интернетом дома. И то, что ты рассказал мне про современные технологии, очень напомнило принцип, по которому организована эта секта любителей подземного монстра. Я провел некоторые исследования и теперь уверен, что все адепты связаны между собой, а значит, повлияв на одного, можно распространить заклятие и на прочих... Жаль только, что само чудище не удалось усыпить. Но подозреваю, что так просто нам от него не избавиться. Как думаешь, ребята уже успели добраться до города?

Максимилиан пожал плечами:

– Я рад, что смог навести вас на верную мысль. А долго мне тут прятаться?

– Пока мы не придумаем, что делать с монстром. Твои родители выехали из города и какое-то время побудут в Москве. Скоро смогут тебя навестить. Давай перейдем в соседнюю комнату, чтобы ничего не упустить.

Натан Соломонович стал некромантом в достаточно зрелом возрасте, а потому был консервативен и почти не пытался разобраться в современных технологиях. Он по старинке зачаровывал обычные предметы и тратил на это больше сил, вместо того чтобы преобразовать уже почти готовый к изменениям смартфон или компьютер. В лучших традициях сказок братьев Гримм в его кабинете стояло зеркало, реагирующее на все необычные события, происходящие в шаговой и не очень доступности. Некромант напрягся так, что на его руках четко обрисовался рельеф из сине-зеленых вен. Представив, что вены и есть карта, Натан Соломонович мысленно сместил фокус с Москвы на Подмоскowie, вылавливая необходимый ему город, разросшийся около слияния рек. Максимилиан во все глаза смотрел на волшебника и творящиеся на его глазах чудеса. Артефактор снова вернулся в детство, когда все обыденное кажется дышащим магией и ты задираешь голову вверх и тонешь в отпечатках крыш домов на фоне полуночи в четкой уверенности, что сейчас мир вдруг откроет двери в чудеса. Короткий миг легких воспоминаний оборвался, и взрослая жизнь, крепко сжав объятия, утянула Гольштейна-младшего обратно в реальность. Зеркало показало срочный выпуск новостей, снимающихся прямо на месте событий.

– Двадцать два человека в один миг впали в некое подобие комы. Врачи в замешательстве. Пострадавшие госпитализированы, и в настоящий момент у них берутся все необходимые анализы, – сообщила ведущая таким радостным голосом, как будто знала, что все заснувшие – враги людей. За спиной у нее еле заметно задрожала земля.

– Это сейчас камера дрогнула? – спросил Максимилиан.

Натан Соломонович почти вернул себе нормальный цвет лица и задышал ровно:

– Не думаю.

Толчок повторился, на этот раз более ощутимый. По асфальту за спиной дикторши пошла легкая сетка морщин. Зеркало прихотливо сменило ракурс с новостной камеры на свое собственное видение.

Автомобили задрожали от возмущения и разразились звуками сигнализации – неблагозвучно и невпопад. Переливы сигналов напомнили звуки оркестра, неумело играющего на расстроенных инструментах.

– В прямом эфире мы оказались свидетелями событий, с трудом поддающихся логике. Внезапное и нехарактерное для данного региона землетрясение началось в центре города. Рекомендуем всем жителям укрыться в бомбоубежищах и в притолоках надежных помещений с несущими стенами... А мы продолжим съемки издалека, с более безопасного места, – зазвучала речь ведущей.

Фокус изображения сместился, и за границами видимого раздался звук резко рванувшей с места машины, принадлежащей новостному каналу, и девичий визг. Кусок шоссе рухнул вниз, в канализационный сток. Редкий поток машин свернул прочь от образовавшейся дыры на соседние улицы или развернулся и понесся в обратном направлении. Из-за угла вывернул джип, и его водитель выбежал прямо навстречу опасности, вопреки здравому смыслу. Дверь со стороны пассажира распахнулась, и к его компании присоединился тонкий женский силуэт с длинными волосами.

– Я думаю, тебе лучше выйти из комнаты. – Натан Соломонович загородил обзор, понимая, что шансы двух некромантов против гигантского чудовища ужасно малы.

Максимилиан сжал губы и попытался рассмотреть хоть что-нибудь за спиной волшебника. К Гиляду и Адель присоединились незнакомые юноше мужчины и женщины, достающие из карманов амулеты и обереги. Из образовавшейся прорехи в дорожном покрытии вылезало на гибких не то щупальцах, не то лапах абсолютно бесформенное существо. «Ну что ж, по крайней мере, оно не очень большое, размером с Арауна», – подумал и тут же осекся Максимилиан. Слово услышав его вздох облегчения, монстр принялся увеличиваться и наращивать мышечную массу, как растущее на глазах тесто. Зазвучала магия, раскрылись, словно зонтики, сдерживающие щиты. У каких-то чар оказался звук трубы, а у других – похожий на аккорды напряженной скрипки.

– Ну, как хочешь.

Натан Соломонович обернулся и посмотрел в старое зеркало, затянутое бронзовой патиной, похожей на паутину. Вместо его фигуры

в безупречно подогнанном костюме и мудрого лица с неуловимой печатью времени в отражении происходила битва. Вместо Годзиллы городок крушил гигантский монстр, похожий на желе из нефти, с тысячью глаз. На фоне завихрений его тела кружили фигурки некромантов, крохотные, словно украденные фишки из настольной игры. Владелец похоронного бюро глядел в зеркало с таким видом, как будто включил телешоу или заканчивал конец рабочего дня просмотром очередного боевика. Наверно, у всех волшебников в возрасте со временем появляется отстраненность. Оказывается, учительница Максимилиана была не права: чувства, притупленные брутальной массовой культурой, – далеко не самое страшное, что может произойти с человеческой душой. Гораздо сильнее человеку вредят опыт и насмотренность.

Лицезреть развернувшуюся битву было очень тяжело, и юноша отправился успокоиться в соседнюю комнату с томиком «Преданий старины». Еще полчаса назад фраза прозвучала бы абсурдно, но в этом, другом помещении, без древнего зеркала, оказалось намного спокойнее. В левой части комнаты в алюминиевом стеллаже, охлаждаемом изнутри, лежали клиенты, которых предстояло помыть, причесать и красиво одеть. В правом – отключенном от холодильника – спали риелторы. Стерильная комната, пахнувшая хлоркой, была оснащена несколькими стальными столами и шкафом с необходимыми в работе вещами. Пара случайных волос застряла в щетках, а некоторые инструменты для наведения марафета, забытые на холодном столе, напоминали скорее приспособления для вскрытия или пыток. Взгляд мальчика наткнулся на зачитанную книгу. Страницы, недавно воссоединившиеся с остальной частью «Преданий старины», учили в первую очередь доверять собственным чувствам и идти за ними следом. Те вещи, которые стоило сотворить и привнести в этот мир, по замыслу автора трактата, должны были ощущаться как разливающееся по телу тепло. Противоестественные действия, напротив, отдавали могильным холодом, расползающимся к конечностям, словно паралич. Большая часть описанной магии была интуитивной и подразумевала операции с реальностью и мелкими частицами, из которых состоял мир. Нужно было слегка поменять их порядок, пересобрать, а некоторые атомы просто отменить, словно их никогда и не существовало.

Вернувшись мыслями к школьным годам, Максимилиан отложил старинный том «Преданий старины» и попытался вспомнить, по какой причине он решил не поступать в вуз. Чтобы скорее влиться в семейный бизнес? Четыре года обучения – не такой большой срок, на который стоило бы отложить вопросы семейного наследия. Чтобы помочь родителям и брату с сестрой? Они и без него прекрасно справлялись. Ответ был не самый приятный. Сегодня Гольштейн-младший вообще столкнулся с огромным количеством нелицеприятной информации о себе. Он, очевидно, ленив и пуглив, раз отказался от высшего образования, даже не попытавшись сдать вступительные экзамены. Он абсолютно неблагодарен и думает только о себе – ведь где-то там, под Москвой, его снова защищает девушка, которая в буквальном смысле умерла за Максимилиана и подставила себя под удар, чтобы попытаться спасти его жалкую жизнь тогда, в квартире.

Но так жить совсем не обязательно? Что он вообще может сделать для владеющих магией стражей границ мира? Артефактор глубоко вздохнул и вернулся в комнату, где его ждал Натан Соломонович.

– Здесь, в пяти минутах ходьбы, на заправке есть кофейня. Могу ли я сходить за кофе? И взять перекусить? – спросил Гольштейн-младший.

– Ох, как же наивна иногда юность... Такие приемы побега работают только в кино, где допускаются сюжетные условности... Ничем ты не поможешь некромантам сейчас. Но можешь навредить. Им придется защищать тебя, вместо того чтобы сосредоточить силы на нападении. Мальчик, не всегда помощь заключается во вступлении в битву или в героическом отвлечении противника. Иногда лучшее, что ты можешь сделать, – это затаиться и не попасться в лапы врагу. Не ставь крест на усилиях моих учеников, пережди бурю здесь.

Максимилиан не знал, куда деть руки. Он всегда не к месту и не ко времени, а вся его жизнь проходила невпопад... Юноша перевел измотанный взгляд на зеркало – немое свидетельство его несостоятельности – и увидел, как по потухшей от налета времени поверхности пошла слабая рябь.

– Но если ты действительно проголодался, то я закажу доставку еды и чашки кофе, раз уж принципиален именно этот напиток. Какие-то конкретные пожелания будут?

Артефактор кивнул, а потом замотал головой.

– Тогда возьму на свой вкус.

Натан Соломонович повернулся вполоборота к Максимилиану, мельком осмотрев комнату. Он словно хотел убедиться, что юноша не полезет прыгать со второго этажа и не бросится к двери, пока тот набирает номер службы доставки еды. Но осталась одна вещь, которую волшебник не заметил и не смог принять в расчет. И это были «Предания старины» – сборник текстов по древней, могучей, но абсолютно неприменимой магии из прошлого. Наставник решил, будто юноша красуется перед ним и делает вид, что понимает, о чем написана книга на мертвом диалекте, хотя сам бы в этом никогда бы не признался. Воспитатель некромантов настолько привык, что молодые люди строят из себя интеллектуалов и пытаются показать свою персону с выгодных и зачастую несуществующих ракурсов, что не допустил даже самую маленькую возможность того, что Максимилиан действительно прочел и перевел древний трактат. С точки зрения Натана Соломоновича, юноша схватил из домашней библиотеки первое, что попало в руки и напоминало о доме, а теперь просто разглядывал в книге картинки. Такую правду было куда как легче принять, чем поверить в то, что молодежь изучает давно забытые языки и ритуалы, которыми никогда не сможет овладеть. Впрочем, даже если бы некромант допустил весьма близкое знакомство подростка и текста на средневерхненемецком, в вероятность открытия портала прямо на место событий поверить было куда как сложнее.

Максимилиан бережно отложил книгу на столик и с разбегу нырнул в зеркало – так легко, как будто проделывал этот трюк каждые выходные – вместо прыжков с вышки в местном бассейне. Внутри у юноши разгоралось пламя, которое могло переплавить знакомую действительность. Реальность, словно треснувшая ткань, разошлась по швам, безжалостно сминая километры расстояния. «Предания старины», естественно, о подобных заклинаниях рассказывали и даже учили грамотно группироваться при их использовании. Юноша перекатился по мокрому асфальту через голову и замер в некотором отдалении от сражения. Зеркало, к величайшему сожалению Максимилиана, смрад передавать было не обучено – что было прискорбно, так как не могло подготовить ко всем волнам зловония, окутавшим улицу, да и в принципе весь район. Гольштейн-младший

представил, как по новостям уже начали крутить «срочные и сочные известия» о прорыве городской канализации. А в это время виновник всех зловоний, похожий на гигантский взбесившийся ком черных волос, который достали из слива ванной, размахивает своими мерзкими отростками прямо посреди центральной улицы.

Адель, скорее почувствовав, чем увидев изменение соотношения сил, обернулась внутри своего защитного золотого круга.

– Эй, ты, зверюга! Тебе нужен я, а не они! – завопил Максимилиан, притягивая к себе взгляды всех прочих некромантов.

По какой-то причине юноша точно знал, что сейчас у него в кармане окажется дудочка – та самая, Гамельнская дудочка, которую Натан Соломонович так заботливо запер у себя в сейфе, когда они только прибыли в московское похоронное бюро. Также четко он нащупал разрыв и туннель, ведущий к битве.

Адель закричала, Гиляд, распростертый на асфальте, что-то недовольно застонал. Но рев чудовища, похожий на многократно усиленный слив воды в туалетном бачке, заглушил все сомнения и недовольства волшебников.

– Смотри, у меня для тебя есть вкусняшка! Дудочка, та самая красавица, которая поможет тебе приманить еще больше людей. Больше людей – значит, больше аппетитных душ!

Рукам Максимилиана стало очень тепло, и он понял, что колдует, лишь когда вокруг него появились всполохи полупрозрачной радуги. Юноша взмахнул ладонью, раздвигая границы времени и облекая разворачивающиеся на Садовой улице события в тягучий, вязкий суп. Тонкие фигуры волшебников теперь были вынуждены прилагать много усилий, чтобы преодолеть сопротивление и пошевелить рукой или головой. Вместе с ними замедлилось и чудовище. Подумав, Максимилиан сложил указательные и большие пальцы в виде кинокадра, отпуская братию некромантов в обычное течение времени.

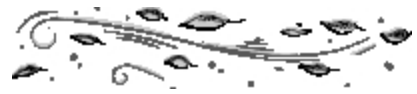
Они тяжело задышали и возобновили свои пассы с выкачиванием сил из амулетов. Артефактор улыбнулся и продолжил перекраивать податливый пластилин настоящего времени. Могущественнейшие волшебники прошлого, которые возводили посреди пустыни целые города и превращали тонны песка в бескрайние озера, не начинали вершить свою магию с самого детства. От мира мало бы что осталось, если младенцы в пеленках принялись бы переделывать его на свой лад.

На Гольштейне-младшем проклятие рода завершилось. Юноша ощущал это так же отчетливо, как и лимиты своих собственных сил и запасные мощи, которые он может отобрать у своих будущих наследников. Это чувство говорило ему, что проблем с потомками у него явно не предвидится. Вихрь силы пьянил и уговаривал развеять чудовище на сотню тысяч пончиков или пирожков. Пончиков или пирожков – потому что все-таки стоило заранее поесть и не приходиться сюда голодным. Но вихрь был не прав, у него имелся свой собственный взгляд на вещи и какие-то странные зачатки разума. Последний, кто послушал его, превратил плодородный край и современнейшую из цивилизаций в Гранд-Каньон. И не просто превратил, но и сам встал одним из каменных столбов, навеки лишенный тела.

Максимилиан узнал этот факт, едва задумался о природе вихря. Он достал тяжелую – еще горячую от мгновенной материализации дудочку, которая оттягивала карман. Юноша понял, что именно его магия и желание сохранить жизнь Адель не позволили девушке погибнуть в тот вечер вторжения риелтора с помощниками. Эта мысль согрела сердце юноши, подсказывая, как поступить. Гольштейн-младший подул в музыкальный инструмент, выпуская на волю древнюю мелодию, приказывающую забиться как можно подальше в угол и уснуть если не вечным, то, по крайней мере, очень продолжительным сном. Этот мотив старой как мир колыбельной не звучал на Земле с тех пор, как последний из его предков взял столько сил у потомков, сколько смог ухватить. Мелодия могущественнейших колдунов из эпохи, канувшей в Лету, отдавалась эхом от домов, а мерзкая тварь все опускала и опускала свои щупальца, вытаскивая их из царства эльфов и еще некоторых, непригодных для человека миров.

Мерзкие глаза на его кольцах из плоти вокруг тела стали сонно моргать и закрываться, отпуская души тех, кого терзали все это время. Максимилиан надавил в последний раз, призывая наполовину спящего исполина уползти обратно в канализацию, туда, где ему было самое место.

Улица поплыла перед глазами юноши и наклонилась вместе с заваливаемым горизонтом. Чьи-то мягкие ладони удержали Максимилиана за ворот рубашки и не дали упасть, а крепкие руки подхватили и повели в сторону, к пешеходной зоне.

Гилиад. Финал

Забавно, но эта история заканчивалась там же, где и началась. Круг замкнулся, и я снова стоял на вокзале, ожидая Адель. Она уговаривала Арауна сходить в туалет, но пес вместо этого отчаянно искал еду, зондируя носом траву небольшого скверика сразу за платформой. Я видел свою напарницу с перрона достаточно отчетливо и даже услышал ее расстроенный вздох, когда ей пришлось наматывать еще один бессмысленный круг, обходя очередное дерево.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – раздался за спиной знакомый голос.

Я обернулся и наткнулся взглядом на Максимилиана, опирающегося на зонт-трость. Что-то в нем неуловимо изменилось, он словно стал выше – или просто расправил плечи. Вокруг него собрался хоровод из трех чемоданов, за которыми он, очевидно, и возвращался в город.

– Мне предложили вернуться домой, в Петербург, снова заступить на пост... Конечно, я сразу согласился. А как ты и твоя семья?

– Семье придется задержаться еще на какое-то время в Подмосковье. Ведь тут толком не осталось агентов по недвижимости, которые помогли бы продать жилье. Отец говорит, что можно и остаться, ну раз нашим душам больше ничего не угрожает, а бизнес

сможет стать еще более успешным. Ну теперь, когда я могу колдовать сам. Я решил пока побыть немного в Москве – Натан Соломонович звал в гости.

Опыт подсказывал, что даже несмотря на то, что в городке наконец-то воцарился долгожданный мир, юноша не захочет здесь остаться. Слишком многое ему напоминает о самых черных днях, о той битве, что шла у него в душе. И даже избавление краев от риелторов, медленно распавшихся прахом после погружения чудовища в сон, не утешит его. Мы с Натаном Соломоновичем решили, что это произошло из-за отсутствия у них души. Видимо, оставив от своих прислужников лишь формальную человеческую оболочку, чудовище поддерживало их жизнь сознательными усилиями разума.

– Как Адель, кстати? – прервал паузу юноша.

– Вроде в порядке. Тоже возвращается вместе со мной. Нам предложили посты в Невском районе. На мою прежнюю должность в Подмосковье уже определен другой некромант.

– Значит, поедем в одном вагоне электрички, – улыбнулся Гольштейн-младший.

С неба мелко заморосил дождь, запахло мокрым асфальтом и свежим ветром.

В воздухе повисло осознание того, что ни один отряд вооруженных амулетами некромантов никогда не сможет противостоять одному настоящему волшебнику. Сколько бы мы ни называли себя волшебниками, некроманты – лишь бледная тень настоящих мастеров магии. Без Максимилиана чудовище просто раздавило бы нас. Эта абсолютно не выслаемая в свое измерение громада так плотно вросла в чужие реальности, что, похоже, осталась у нас в качестве грибка, который нельзя до конца вылечить, но можно вынудить временно отступить. Когда-то у меня в ванной на стене появилась неубиваемая плесень – ее не брали никакие средства, и даже адская концентрация хлора могла всего лишь отсрочить ее возвращение. Я смирился с ее соседством и назвал Жорой. С моей подачи за исполинским желеобразным монстром из глубин закрепилось именно это название – Жора обыкновенный, которое даже собирались внести в книги и учебники. Меня волновал один вопрос, и я посчитал, что вправе его задать:

– На тебя уже попытался надавить Совет волшебников?

– О да! Они хотят от меня слишком много. Я не вправе решать за своих потомков, владеть ли им магией. Я просто не могу отобрать у них такую возможность. И потом, я пообещал заколдовать каждого члена Совета, который полезет ко мне со своими расспросами. Чудище, конечно, живо, но оно спит и в ближайшее время не сможет причинить никому вреда. Я сделал даже больше, чем должен был. – Максимилиан развел руками и посмотрел вдаль, словно выискивая потерявшийся поезд из игрушечной коробки с железной дорогой.

– Никогда не уступай им, – неожиданно для самого себя выпалил я.

В мире и правда было чудовищно большое количество чудовищ, и если на каждое тратить силы своего рода, то вскоре магии не останется совсем... Я не сомневался, что стоит Максимилиану уступить и уничтожить Жору, как Совет придет с требованием убрать Фенриров – волков хаоса. А потом – еще кого-нибудь. Всегда найдется тот, кого захотят убрать. Почему-то что люди, что волшебники не умели быть просто благодарными, а считали, что им автоматически все вокруг должны. И оказанная любезность превращалась в тяжкую обязанность прибегать на зов и решать чужие проблемы. Отказ от помощи расценивался как твердость характера, сила воли, а добровольная помощь – как слабость и прогибание под сильного.

Я прожил почти двести лет, и за это время ни человек, ни волшебник ничуть не изменились. Менялась одежда, возвращаясь, впрочем, к знакомым и удобным формам, появлялись новые лекарства и изобретения, трансформировались бытовые привычки, но сама человеческая природа оставалась неизменной. И мы, как наследники людей, ничем не отличались от них. За свои века (в голове это всегда звучало торжественнее, чем «за свой век») я понял одно: нельзя раздавать себя по кусочкам ради всеобщего счастья и процветания. Потому что никто этого не оценит, а в конце у дающего останется лишь одна пустота в душе, если сам даритель вообще волшебным образом не закончится. Но для тех, кто готов поделиться своим теплом, всегда стоило что-то отщипнуть от своей души или сердца в ответ.

Максимилиан попытался сменить тему:

– И все-таки за что тебя сослали сюда?

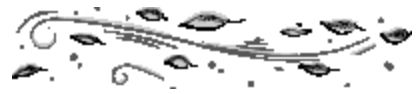
– Я завез из другого измерения чудесное кормовое растение. Тогда была эпоха экспериментов – послевоенные сороковые. Мы пытались

внедрить в экосистему мира разные виды, поднять экономику, устранить всевозможные кризисы, в первую очередь продовольственный. В своей родной реальности борщевик кормил многих животных, он ужасно быстро рос, и первые испытания с подселением коров и прочего скота к борщевнику показали себя успешными. Но когда борщевик посадили в почву нашего мира, что-то пошло не так, и растение превратилось в хладнокровного убийцу. Милая, безобидная агрокультура мутировала и вдруг стала вызывать ожоги, отек дыхательных путей, ужасные аллергии, и это если его не пытаться съесть... А уж при употреблении внутрь... неважно. У нас была одна экспериментальная грядка в горной местности на Кавказе, почва которой была абсолютно идентичной почве из родного мира борщевика... В общем, вскоре плантации этого ужасного растения заместили местные виды растений. Но что гораздо хуже, с борщевиком оказалось невозможно бороться ни магией, ни человеческой химией. До сих пор Совет волшебников продолжает выделять гигантские бюджеты на банальное сдерживание распространения растения.

– Я всегда боялся что-то делать, ведь, если у меня вдруг не получится, могу пострадать я или мои близкие люди. В лучшем случае я столкнусь с разочарованием. Но отсиживаться и бояться сделать шаг в сторону – тоже не вариант. Не хочу, чтобы за меня жили другие и мое место занял кто-то еще. И ты не бойся, – мудро предложил Гольштейн.

Максимилиан, несомненно, пойдет своим, особым путем, не похожим на ту дорожку, которую выбирали волшебники прошлого, но и сдерживать свою силу он не станет. Возможно, он один из разумнейших сосудов несокрушимой магии.

Грядут совершенно иные времена. Вскоре мы окажемся не единственными в нашем мире, кто будет владеть магией. Одному богу известно, что решат сотворить Артефакторы, получившие в свое распоряжение неограниченную власть. Адель сказала, что все должно быть хорошо, – ведь некроманты и Совет всегда относились к неволшебникам с уважением и никогда их не притесняли. Но я видел бессчетное количество правителей – от мелких бургомистров в Европе до царей Российской империи, которым внезапно свалившееся на голову могущество развязывало руки и отрывало крышу. Каникулы в царстве Арауна внезапно перестали казаться таким диким выбором отпуска и курорта.

Благодарности

Некромантическая история о том, что мрачные тайны иногда хранят не только люди, но и целые города.

«Некромантия в быту» возникла как отклик на возмущение моего жениха Арсения, что в литературе все некроманты похожи друг на друга, описываются в средневековых декорациях, а еще почему-то всегда всеми гонимые. И в отличие от ведьм и волшебников разных стихий и специальностей, некроманты несправедливо обделены писательским вниманием. Мы оба видели будущий роман детективной историей в современном антураже и реалиях, хорошо знакомых читателю.

Мне захотелось придумать некромантов в виде тайного общества, на котором, без преувеличения, держался бы весь мир, такими стражами на границе между нашим и иными мирами, откуда приходит всякая хтонь. Этот мотив отлично лег на мои личные переживания, вызванные невозможностью вырваться из маленького городка. Как оказалось, в каждый маленький городок довольно просто приехать, а вот вернуться из него обратно в родной мегаполис – очень и очень нелегко. Особенно если перед этим вам нужно продать квартиру. В какой-то момент я подумала, что окончательно застряла в Подмосковье, и мне начали сниться инфернальные сны про город, который никак не желает отпускать своих жильцов... Словом, сновидения стали основой сюжетной развязки.

Почти все второстепенные персонажи были списаны с реальных и достаточно колоритных людей – соседей и знакомых. Даже у пса Арауна есть реальный прототип – наша крайне милая колли Лессандра, которая почему-то загадочным образом одним своим видом напугала часть новых соседей.

Черновики этого романа, как и «Книжные тюрьмы», были с любовью вычитаны и отредактированы Арсением, а затем моей мамой. В первую очередь хочу поблагодарить именно Арсения – единственного человека, который поверил в меня и мои рукописи

настолько, что «запретил» идти на любую другую работу, в то время как все вокруг пытались убедить меня «поскорее и поудачнее трудоустроиться» и забыть о своей мечте стать писателем. Мне кажется, только он до встречи с редактором издательства Like Book воспринял меня всерьез. Кстати, о редакторе – вы держите в руках эту историю благодаря солнечной и очень классной Даше, которая усыновила «Некромантию в быту» и приняла под крыло.

notes

Примечания

1

Вейсяо! – «Улыбочку!» (*кит.*)

2

Цаи цу! – «И еще раз!» (*кит.*)